

ОХОТА НА ИЗЮБРЯ

Юлия Латынина

Ахтарский металлургический комбинат

Юлия Латынина

Охота на изюбря

«ЭКСМО»

1999

Латынина Ю. Л.

Охота на изюбря / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
1999 — (Ахтарский металлургический комбинат)

У хозяина Ахтарского металлургического комбината Вячеслава Извольского есть в жизни все. Свой завод. Свой губернатор. Свой менты. Свой прокуроры. Своя компания сотовой связи, чтобы никто не прослушивал его разговоров, и свой ОМОН, который может прилететь в Москву и выяснить отношения с теми, кто перешел дорогу Извольскому. Вот только в один прекрасный момент Вячеслав Извольский обнаруживает, что за ним охотится другой человек, у которого тоже есть свои губернаторы, свои менты, свои киллеры и даже – свой Кремль.

© Латынина Ю. Л., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Часть первая	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ,	5
ГЛАВА ВТОРАЯ,	17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	38
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	48
ГЛАВА ПЯТАЯ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юлия Латынина

Охота на изюбря

Часть первая

ПРОПАВШИЙ ДИРЕКТОР

«Давай возьмем деньги и не будем говорить о справедливости».
Ши Найань, «Речные заводы»

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой скромный московский бригадир

забивает стрелку промышленному гиганту

Денис Черяга, заместитель генерального директора Ахтарского металлургического комбината, сошел по трапу на бетонную гладь Домодедовского аэропорта в девять часов утра. Утро было замечательное – прозрачное и осеннее, как бы тронутое сединой приближающейся зимы, и замерзший лед в мелких лужицах ломался под шагами Черяги. Днем лед наверняка растает, а в самой Москве его и вовсе нет – и Денис невольно подумал о том, что в Ахтарске сегодня утром было минус пятнадцать и вечный степной ветер дул со скоростью тридцать метров в секунду.

Надобно сказать, что Денис Черяга еще не так давно жил в Москве, а работал в генеральной прокуратуре. И нынешняя его должность имела мало общего с прокатом и оцинкованным листом, а полностью именовалась так: заместитель директора по вопросам безопасности.

У трапа Дениса дожидалась черная «Ауди», принадлежавшая московскому представительству АМК, точнее – фирме, именовавшейся «Вексельный центр „Металлург“». Черяга, запахнувшись в дорогое темно-зеленое пальто с широким воротником, поскорее нырнул в машину, укрываясь от пронзительного аэродромного ветра.

– Куда? – спросил водитель, когда «Ауди» выехала из ворот.

– Хлебный переулок, – ответил Черяга.

Откинулся на подушки и устало закрыл глаза, прокручивая в уме предстоящий разговор.

Дело, которое привело Черягу в Москву, было в общем-то не стоящим, можно сказать, пустяшным. Два дня назад пропал Коля Заславский, генеральный директор одной из приближенных фирм АМК – «Ахтарск-контракт, лтд», зарегистрированной на Багамских островах.

Честно говоря, вплоть до вчерашнего утра Черяга и не знал в деталях статуса Заславского, а только знал, что Заславский – племянник первого зама губернатора области и друг Димы Неклясова. Неклясов же, в свою очередь, занимал одну из ключевых должностей огромной промышленно-феодальной империи, в целях благопристойности именовавшейся ОАО «Ахтарский металлургический комбинат». А именно – Дима возглавлял ЗАО «АМК-инвест». Эта крошечная контора с уставным капиталом в десять миллионов рублей владела тремя четвертями акций самого комбината и принадлежала, соответственно, Вячеславу Извольскому, генеральному директору АМК.

Денис улыбнулся, вспоминая обстоятельства своего первого знакомства с самодержавным ахтарским директором.

Всю свою жизнь Денис Черяга, родившийся в маленьком угольном городке, – соседнем с Ахтарском Чернореченске, – потратил на то, чтобы выбраться из богом проклятой сибирской

дыры. Он окончил с отличием юрфак. Он работал как пес. Он сделал изрядную для честного человека карьеру – к тридцати пяти годам мальчишка из захудалого городка был следователем по особо важным делам при Генеральной прокуратуре. Москва очень долго оставалась для него тем, чем она была в пятнадцать лет – столичным волшебным городом, где исполняются любые мечты и где в магазинах продается докторская колбаса. Будучи человеком старательным, Денис прилежно читал рекомендованную университетскими преподавателями соцреалистическую макулатуру, и его всегда особо трясло от одной сцены – от сцены, когда молодой перспективный специалист покидает Москву ради целины, БАМа или Сибири. Денис точно знал, что он никогда Москву не покинет.

Шесть месяцев тому назад на третьем этаже собственного особняка, что в десяти километрах от города Ахтарска, в гостиной с мраморным камином и золотыми коллекционными подсвечниками, миллионер Извольский спросил понравившегося ему следователя: «Что ты потерял в Москве? Комнату за окружной дорогой? Кабинет с поломанным столом?»

И Денис понял, что Москвы больше нет. Страна распалась на феодальные княжества, и один из князей позвал нищего следака быть его правой рукой. В ту самую Сибирь, в которую когда-то уезжали молодые специалисты из рекомендованных преподавателями литературы романов.

Отчего Денис согласился? Ради денег? Но деньги Денис и в Москве мог получить, у него были коллеги, которые жили в загородных виллах и отпуск проводили в Южной Америке, и никто никогда не интересовался, на какие шиши беззарплатный следователь подкатывает к зданию Генпрокуратуры на собственном «Мерсе». Ради того, что у Извольского Денис мог делать то, что нельзя было сделать в Москве – защищать закон и порядок? Но то, что делал Денис, было чем угодно – только не защитой закона.

Может быть, просто переменились координаты мира, и не было в России нигде безличного закона, а была только личная преданность вассала сеньору, и нельзя было служить несуществующему закону, а можно было только выбрать, кому ты будешь служить: Салтычихе или Демидовым? А Вячеслав Извольский, самодержавный хозяин тысячи гектаров вознесшихся к небу домен и растянувшихся на два километра прокатных цехов, пары карманных банков и десятка оффшорков, а заодно и двухсоттысячного сибирского городка, походил, несмотря ни на что, именно на Демидова.

Разумеется, у Извольского были свои барские привычки. Чего только стоило его пристрастие к самоличному вождению автомобиля – если учесть, что директор не всегда садился за руль в трезвом виде, а о существовании такой детали, как тормоз, вспоминал редко и неохотно. Испуганные гаишники, отчаявшись сделать реприманд директору, в конце концов решили проблему безопасности дорожного движения следующим образом: по рации передавали сведения о передвижении директорской тачки, а гаишники блокировали все остальное движение. Мол, если врежется – так хоть людей не подавит.

Службе же безопасности, осматривавшей каждый день любимый «Брабус» Извольского, оставалось лишь молиться, чтобы в случае чего воздушные подушки сработали как надо.

Но то ли потому, что Извольский еще никого не задавил, то ли вследствие непонятной симпатии российского народа к Иванам Грозным, директор по прозвищу Сляб¹ пользовался у населения города Ахтарска почти единодушным уважением. Благо, и рабочим, если с квалификацией, набегало до тысячи долларов в месяц, и пенсионерам доплачивали триста рублей, и маленький металлургический Ахтарск был островком благополучия в нищей сибирской области, где угольщики не видели зарплату месяцами, а колхозники – годами.

¹ Сляб – прямоугольный стальной брус, используемый в черной металлургии дальнейшего передела и изготовления из него проката.

Конечно, Извольский был не сахар. Черяга навсегда запомнил историю, которая случилась с ним месяца через полтора после начала работы. Все началось со втыка за несанкционированное директором распоряжение (Черяга без ведома Сляба накопил компромат на заместителя губернатора) и очень быстро переросло в грандиозную выволочку с матом, топтанием ногами и стучанием кулаком по столу. Черяга сначала пытался оправдываться, а потом взбесился и начал орать не хуже директора. В какой-то момент в руках разъяренного Извольского оказался пистолет, и он попытался этим пистолетом ударить Черягу в висок.

Кончилось тем, что Денис, растрепанный и взбешенный, выскочил из кабинета директора и ссыпался вниз по лестнице. Спешно накатав заявление об увольнении по собственному желанию, Денис бросил листок секретарше, поймал такси и уехал в аэропорт. Ему повезло – самолет в Москву улетал через полчаса. Билетов в кассе уже не было, но Дениса узнали и выдали ему билет из директорской брони.

Денис сидел в самолете, глядя на летное поле, по которому ветер перекатывал степные колючки, и давился слезами. Больше всего его бесила абсолютная немотивированность агрессии Извольского: его пропесочили и только что через мясорубку не пропустили ну совершенно ни за что.

Было ужасно обидно. В голове словно захлопнулась дверца, и последние полтора месяца жизни виделись уже как какой-то несбыточный, случайный карнавал. В карнавале участвовали: черная «ауди» с подбострастным шофером, секретарша и собственный роскошный, дубом отделанный кабинет, шикарная трехкомнатная квартира в Ахтарске и быстро растущий особняк в элитной Сосновке, в полукилометре от дачи самого Извольского. Особняк уже покрыли темно-красной черепицей, и еще вчера утром Черяга обсуждал с прорабом стройки, какого цвета должен быть кафель в ванной и что лучше вешать на окна в шестидесятиметровой гостиной – жалюзи или портьеры...

Как ни странно, жалости по всей этой сказке, – а для вчера еще нищего следователя и кабинет, и секретарша, и усадьба были сказкой – не было. Жалко было другое: Черяга уже ощутил себя человеком, который делает большое и нужное дело. Он был полководцем маленькой, но эффективной армии, защищавшей ахтарское княжество от набегов враждебных половцев, губернаторов и федеральных властей. И вдруг оказалось, что полководец в глазах хана Извольского стоит не больше ломаного гроша. И когда еще в самом начале разговора Черяга сказал, что может и уволиться, Извольский улыбнулся презрительно. «Подумаешь, – сказал он, – один попугай сдох – другого купим».

И еще было очень жалко мать. Матери было шестьдесят пять лет, и шестьдесят четыре с половиной из них она прожила в соседнем Чернореченске – маленьком угольном городке, где родился и вырос и откуда уехал в Москву Денис. Дочка ссыльного поселенца, все, что она видела с девяти лет, было – работа с девяти лет на военном заводе, замужество, вечно пьяный муж-шахтер, оставивший ее вдовой в тридцать семь лет, ранние хвори и, шесть месяцев назад, – нелепая смерть младшего сына, выбившегося в бригады местной группировки, чей глава был вскоре убит не без участия Дениса Черяги. Теперь мать лечилась в Израиле, выбранном за изобилие русскоговорящих врачей, и должна была вернуться в Россию через четыре дня. Было очень горько думать, что матери придется возвращаться не в новый светлый особняк, которого она никогда не видела, а в старенькую халупу на окраине Чернореченска, без канализации и с матерящимися соседями.

Все сроки вылета прошли, а самолет все не выруливал и не выруливал к полосе. Пассажиры, наученные горьким опытом, перешептывались – вчерашний рейс этого самого самолета был отменен из-за технической неисправности, оттого и набилось столько людей. Наконец, через сорок минут ожидания, на аэродроме появился хорошо знакомый Денису темно-зеленый внедорожник в сопровождении «Лендкрузера».

На взлетную полосу снова выкатился трап, из внедорожника высадился Извольский и пошел к самолету. Денис опустил голову и забился покрепче в угол. Спустя минуту тяжелая рука гендиректора легла Черяге на плечо.

– Пошумели и хватит, – сказал Извольский, – с вещами на выход.

– Никуда я не пойду, – огрызнулся Черяга, – а заявление мое у тебя на столе.

– Подтереться ты можешь своим заявлением, – добродушно сказал Сляб, – пошли, разговор есть.

Все пассажиры первого салона, прилежно вытаращив глаза, слушали диалог ахтарского хана с его подчиненным. Денис понял, что выглядит глупо, спустился из самолета и сел в машину Извольского.

Только на следующий день до Дениса дошло, что его элементарно проверяли. Извольскому совершенно не нужен был на его месте человек, который в ответ на беспричинное хамство утрется, напудрит оставленные на душе синяки и с усердием примется хаму служить – за квартиру, шофера и секретаршу.

Рванувшись в Москву, Денис прошел последний тест. Буквально на следующий же день Извольский наконец начал планомерно и методично натаскивать его, посвящая в те правила поведения в финансовом лабиринте, которые были ведомы только ближайшим соратникам. Впрочем, до конца всех ходов лабиринта не знал никто, кроме Извольского. Подобно начальнику тайной службы, который один помнит все имена нигде не обозначенных агентов, Извольский никогда и ни с кем не делился сокровенным знанием о круговороте заводских денег. Отдельные доверенные лица надзирали лишь за маленькими участками финансового потока, и Извольский тщательно культивировал их взаимное соперничество и доносы.

Вячеслав Извольский исходил из того, что любой человек, имеющий право самостоятельно распоряжаться деньгами АМК, непременно положит их себе в карман. И для того, чтобы этого не произошло, следовало лишить кого бы то ни было правом распоряжаться этими деньгами в объеме, превышающем стоимость закупленной для офиса коробки канцелярских скрепок.

Одним из первых уроков финансового ликбеза, полученных Черягой, был следующий. Директор выложил перед ним на стол лист, вычерчивающий дикую схему взаимоотношений двух карманных банков, вексельного центра «Металлург» и еще полутора десятка фирм с разнообразными суффиксами, и когда у Черяги глаза полезли на лоб, спокойно объяснил:

– Все эти фирмы делятся на два рода: заводские и чужие.

Заводские фирмы были те, которые принадлежали лично или через подставных лиц Извольскому и предназначены были для минимизации налогов и сведения с ума непосвященных. «Чужие» фирмы выполняли другую задачу – то были маленькие ручейки, орошавшие частные огороды всяческих шишек. Например, фирма «Желдорсталь» принадлежала начальнику местной железной дороги и занималась оплатой железнодорожных счетов комбината, получая за это прокат со скидкой десять процентов. Что же касается «Ахтарск-контракта», то эта фирмочка была одной из тех, что подкармливала непосредственно областное начальство, о чем мог догадаться каждый, знавший, что Коля Заславский – племянник первого зама губернатора Валентина Заславского. Технология подкормки была простой: губернатор выступал по телевизору с упреками в адрес налогоплательщиков, или звонил Извольскому, или иным образом давал понять, что комбинату пора доиться. Поторговавшись и договорившись о сумме, Извольский давал соответствующие распоряжения. «АМК-инвест» тут же продавал партию стали «Ахтарск-контракту», «Ахтарск-контракт» на деньги, вырученные от продажи стали, по заведомо завышенным ценам закупал за рубежом оборудование, разница оставалась на зарубежных счетах «Ахтарск-контракта» и пилилась между областным и заводским начальством.

Отсюда возникала еще одна проблема, связанная с пропажей Заславского: не задевая фундаментально сам комбинат, эта пропажа могла вызвать массу недоуменных вопросов у областной администрации.

Впоследствии, вспоминая этот сухой и морозный осенний день – один из последних мирных дней, за которыми потянется несколько месяцев кошмара, – Денис пытался отыскать в своих воспоминаниях мрачные предчувствия и предзнаменования – словом, все то, что человек, наделенный интуицией, должен ощущать, шагая под перекрестье снайперской винтовки.

Но предчувствий, увы, не было. То ли Черяга был лишен интуиции – во что с трудом верилось, то ли интуиция действует только тогда, когда речь идет о той самой винтовке или гранате, аккуратно привязанной к педали газа вашего «БМВ». А когда пущенные в ход механизмы значительно деликатнее и гранату предусматривают лишь как незначительную деталь в общем плане – интуиция берет отпуск за свой счет.

С Борисом Гордоном, оперуполномоченным 81-го отделения милиции города Москвы, Черягу связывали давние приятельские отношения. Они вместе работали в штабе по раскрытию одного из совершенных на территории отделения убийств и, вопреки обычной классовой вражде между следаком и опером, остались более или менее довольны друг другом.

– Привет капиталистам! – возгласил Гордон, когда улыбающийся Черяга ввалился в крошечный кабинет с растрескавшимся столом, – как успехи на ниве продажи Родины?

– Мы Родину любим и дешево не продаем, – в тон ему ответил Денис.

Однако глаза Гордона с непривычной цепкостью впились и в модное темно-зеленое пальто замдиректора, и в начищенные туфли, на которые спадали безукоризненные складки отутюженных темно-серых брюк. И в глазах этих мелькнуло что-то большее, чем неприязнь к бывшему следаку. Мелькнуло и пропало. «Ну что я вырядился, как попугай?» – запоздало подумал Черяга.

Но тут же неловкость растворилась в воздухе, вместе с извлеченной Черягой бутылкой, потому что бутылка была большая и квадратная, и на ней красным классическим шрифтом было написано, что это шотландское солодовое виски, – и как мог Гордон не уважить такую бутылку, происходившую, как уверял он всех, с давней-давней родины его предков?

– Ну, рассказывай, зачем пришел, – спросил Гордон, когда оба друга уже пропустили по стаканчику благородного напитка.

– Человек у нас пропал, – сказал Черяга.

– Что за человек?

– Николай Михайлович Заславский, пятьдесят восьмого года рождения, директор фирмы «Ахтарск-контракт», проживает улица Герцена, 56, квартира 3. Твой участок.

Гордон почесал пышную шевелюру.

– И давно он пропал?

– Позавчера.

Гордон расхохотался.

– И вы уже кипиш подняли? А как ваш Заславский, не любитель – того, по шлюхам ездить? Или за воротник брать?

И опер щелкнул себя по плотной, докрасна натертой воротничком шее.

– Он вчера должен был явиться на важную встречу. И не явился.

– Семья у него есть?

– Жена.

– Живет с ним?

– Да.

– А она что говорит?

– Говорит – ушел из дома позавчера утром и с тех пор не появлялся.

Гордон покачал головой.

– Ты вроде как из Ахтарска прилетел? – неожиданно спросил он.

– Да.

– А почему ты за четыре тыщи кеме прилетел, чтобы пожаловаться на пропажу, а жена с улицы Герцена до нас не дошла?

– Она считает, что он к любовнице пошел.

– А вы так не считаете?

– Я уже сказал – он пропустил важную встречу. И мобильник у него не отвечает. Так же не бывает, чтобы у человека два дня не работал мобильник?

– Что, много у вас на этом Заславском завязано?

– Да нет. Старший помощник младшего дворника.

– А чего хипиш?

– Шеф во всем порядок любит.

Гордон чего-то писал на листке быстрым и мелким почерком.

– Как фирма называется?

– «Ахтарск-контракт».

– А что она делает?

– Да закупает чего-то для завода. Оборудование, что ли...

Гордон усмехнулся и уставился на своего собеседника круглыми глазами, ужасно напоминавшими два зеленых семафора, просвечивающих тебя насквозь.

– Слушай, вот смотрю я на вас, бизнесменов, и меня аж завидки берут. Ну вот ты мне назови какую-нибудь зарубежную компанию, а?

– «Чайна стил корпорейш», – автоматически произнес Черяга название самой высоко-рентабельной в мире тайваньской металлургической компании.

– Во-во. Ты скажи, эта «Чайна стил» сырье закупает сама?

– Да.

– А оборудование?

– Тоже.

– А когда ей кредит нужен, она сама получает кредит или за нее получает какая-то шарашкина контора?

– Наверное, сама.

– Так объясни ты, почему у нас не так, а? Почему у вас оборудование закупает «Ахтарск-контракт», а другое оборудование закупает «Ахтарск-договор», а металл продает еще какая-то хреновина, «Ахтарск-гоп-стоп» или как ее там кличут, и так до бесконечности? Сколько у вас этих зиц-председателей, что ты даже не можешь упомянуть, чем один конкретный занимался?

– Борис, ну зачем тебе это? Ты где работаешь – в угро или в ОБЭП?

– Я в угро работаю, – устало сказал Гордон, – у меня три висяка и девочку вчера изнасиловали, и вон тачка оперативная наглухо сломалась. А я вместо того, чтобы висяк колоть, должен какого-то загулявшего бизнесмена искать, хотя, три к одному, он сейчас в каком-нибудь загородном бассейне девицу трахает...

Черяга опустил глаза и сказал:

– Мы тачку можем отремонтировать. И вообще...

– Что – вообще?

– Ну... как сказать, я понимаю, что если человек тратит время, то эта трата должна быть компенсирована...

Про компенсацию Черяге велел сказать Извольский. Им же был определен предельный размер компенсации.

Гордон поднял глаза и стал рассматривать друга, как некую заповедную лягушку в террариуме.

– Тачку отделению – отремонтируешь, – сказал он, – а насчет «вообще» еще раз помянешь – вылетишь вон. Ясно?

И тяжело поднялся из-за стола.

– Ну что, пошли?

– Куда?

– К супружнице вашего... зиц-председателя...

Супругу Заславского звали Эльвира. Это была женщина лет сорока, полная и низенькая, с нескрываемо раздраженным выражением лица. Несмотря на то что на часах уже натикало десять утра, госпожа Заславская все еще пребывала в пышном бархатном халате, непрестанно распахивавшемся и обнажавшем полные и не очень-то аппетитные ноги. Ступни у нее были босые, и Черяга отлично видел жесткие неподстриженные ногти, крашенные облупившимся золотым лаком, и черные волоски, растущие из пальцев.

Эльвира и Николай познакомились еще во времена студенческой юности и провели добрую половину совместной жизни, работая за соседними кульманами в одном и том же трубопрокатном НИИ. После начала реформ НИИ, как водится, зачах, Эльвиру сократили, а Николай, наоборот, развил в себе неизвестные дотоле качества и очень быстро влился в ряды всевозможных посредников, брокеров и приватизаторов. Он торговал трубами, лесом, турецкими дубленками и бронежилетами, продавал дорожному фонду щебенку и наконец вытащил счастливый билет, после того, как его дядя, бывший инструктор райкома партии, долез до первых замов сунженского губернатора.

Николай не был классическим тупорылым племянником, коих бесчисленное количество развелось при всех крупнейших российских компаниях. Эти племянники и сыновья сидели в хорошеньких кабинетах, появлялись на работе раз в неделю, чтобы оттрахать свою секретаршу, проходили, морща нос, по кабинетам, где разрывались между телефоном и компьютером подлинные трудяги, заглядывали в переговорную, где могли одним ловко брошенным словом сорвать два месяца готовившийся контракт, и в единственной имевшейся в их голове извилине сидела одна мысль: какой бы косяк они не упоролы – их не выгонят. Они – полномочные послы своего отца, дяди или тестя. У них – дипломатический иммунитет.

В отличие от этаких козлов, Николай Заславский был человеком вполне разумным, в меру старательным и прекрасно понимал очевидную, но редко осознаваемую «сынками» истину: его дядю выставят в любой момент, а комбинат останется. И было бы очень неплохо и после увольнения дяди сидеть все на том же месте... Поэтому в спорах между областью и комбинатом он молча, но верно гнул именно комбинатовскую линию, исподволь диктуя Батьке выгодные АМК решения. В этом-то и была ценность Коли Заславского. Дань с комбината на его месте мог получать любой дурак, а вот собрать эту дань так, что в конечном счете комбинат от дани непереносимого ущерба не нес, – для этого нужен был Заславский.

В то время, как Николай трудился как муравей, закладывая фундамент нового семейного благополучия, Эльвира сидела дома и скучала. Делать ей было нечего, и она начала закатывать мужу скандалы на предмет поздних возвращений и частых командировок.

Единственное, к чему это привело – так к тому, что Николай, доселе вполне довольный женой и детьми, начал с тоской сравнивать свою распухшую подругу жизни с эффектными молоденькими женами, которые заводили его новые приятели. Сравнение, разумеется, было не в пользу Эльвиры.

Жизнь между тем понемногу налаживалась, Николаю уже не нужно было сидеть на работе до одиннадцати, но он все равно редко оказывался дома раньше полуночи, проводя остальное время в казино и ресторанах. А потом он и вовсе перестал ночевать...

– Доброе утро, – сказал Черяга, переступая порог квартиры Заславского, – меня зовут Денис, я с Ахтарского металлургического.

За его спиной тщательно расшаркивался о коврик Гордон.

Женщина смотрела на него, как на упавшую в варенье муху. Из-за стенки громко причитал телевизор. Судя по всему, Черяга оторвал ее от созерцания рекламы «Памперсов» или иного, столь же глубокомысленного времяпрепровождения.

– Николай так и не звонил? – спросил Черяга.

– Нет, – сказала женщина, – а по мне так пусть и не звонит. Кот мартовский.

Но глаза у нее были красные и расстроенные.

Квартира у Заславского была хорошая, с евроремонтом, с розовым кафелем в ванной и сорокаметровой гостиной, уставленной дорогой мебелью, и Гордон с интересом ходил по квартире, оглядывая жилье новых русских. А когда он вернулся в кухню, Эльвира уже разливала по трем кружечкам ароматный кофе и Черяга спрашивал:

– А когда он отсюда ушел?

– Во вторник. Позавчера.

– Он вел себя так же, как всегда? Не был ни нервный, ни встревоженный?

– Нет.

– Жаловался на трудности на работе?

– Да ни на что он не жаловался, – сказала Эльвира, – выпил кофе, буркнул, что масло несвежее, и пошел. Хорошо, хоть плащ надел.

– Что значит – плащ надел? – уточнил Черяга.

– Ну, он всегда без плаща ходит. На улице холод собачий, а он прыгает, словно летом, в одном пиджачке. Я ему каждый день говорю: «Надень плащ!» А он: «Я в машине, мне не холодно». Просто как дите малое, и никаких советов не слушает! Объясняешь ему, объясняешь..

– Значит, Николай никогда не носил плаща? – уточнил Черяга, – а во вторник надел?

– Ну да.

– Он часто не ночевал дома ночью?

– Часто, – сказала Эльвира. – Он с чего начал? Завел привычку приходить домой в одиннадцать. «Ты где, – спросишь, – был?» «На работе», – отвечает. Представляете? В двенадцатом часу он был на работе. Вот вы – во сколько с работы уходите?

– Когда как, – сказал Черяга, – когда в одиннадцать, когда в полвторого. Ночи.

Эльвира видимо смутилась, но тут же оправилась и сказала:

– Ну а он так был не на работе. Это я точно знаю. Придет, пахнет помадой. Потом – играть начал. Приезжает в третьем часу, пьяный, на машине от казино – знаете, они на бесплатных такси клиентов развозят, чтобы клиент не стеснялся до копейки проигрывать... А потом и вовсе перестал.

– Он много проигрывал?

– А бог его знает. Он мне сколько зарабатывал – не говорил, и сколько проиграл – не говорил. Его спросишь: «Коля, ну сколько у тебя в месяц выходит?» – а он пачку долларов вытащит: на тебе на расходы. Довольно? Только если человек каждый день в три часа ночи из казино приезжает, что-то я не думаю, что он там выигрывает. Это казино бы разорилось, если бы он выигрывал.

– Он в одно казино ездил или в разные?

– Не знаю. А машина когда приезжала, так у ней на гребешке было «Серенада» написано. Это когда он приезжал. А потом он эту себе завел... фифу...

– Кого?

– Откуда я знаю! – визгливо сказала Эльвира, – звонит по два раза в день, сначала Таей звали, а теперь Томой.

– Куда звонит, – уточнил Черяга, – домой?

– Она на мобильник звонит, – пояснила Эльвира, – а когда он переключен на домашний телефон, я беру трубку.

- А последние два дня Тома не звонила?
- Я же вам сказала, она только на мобильник звонит. А мобильник у него с собой.
- А где Тома живет?
- Понятия не имею! Блядь обыкновенная, он ее, по-моему, в казино снял.
- Скажите, Эльвира Степановна, а он в последние дни был такой же, как всегда? Или – встревоженный какой-нибудь?
- Как всегда. Слова не скажет. Утром встанет, небритый, на кухню придет: «Ты сварила кофе?» Что, сам не может сварить, да?
- Эльвира задумалась, потом решительно прибавила:
- Он в это утро, когда ушел, себе яйца стал варить. Одно яйцо в воду положил, а другое на столе лежит. Я ему говорю: «Ты чего яйцо обратно в холодильник не убрал?» А он говорит...
- И Эльвира принялась длинно и путано пересказывать ее с мужем диалог по поводу яйца. Гордон, у подоконника, беззвучно хрюкнул.
- В общем, он, когда уходил, нормальный был?
- Он у меня всегда ненормальный! Яйцо в холодильник не может убрать!
- А к нему в последние два дня кто-нибудь заходил? Из знакомых?
- Вечером накануне один был. Шура, кажется...
- С работы?
- Эльвира покачала головой.
- А я откуда знаю? Он сволочь, этот Шура.
- Почему сволочь?
- На него как-то собака Машкина бросилась. Овчарка молодая.
- И?
- А он взял ее и застрелил. Представляете? На глазах всего двора. А по виду такой смазливый мальчик, брючки, свитерок, машина «БМВ»...
- Гордон, у окна, насторожил ушки.
- Брючки и свитер, говорите? – уточнил Черяга. – А не костюм?
- Эльвира задумалась. Видно было, что она мало что замечала в мире, кроме себя, и вспоминать о других людях было для нее непривычно и скучно.
- Нет, – сказала Эльвира, – брюки и свитер.
- Свободные такие брюки?
- Женщина кивнула.
- Стрижка короткая?
- Да.
- Цепуры золотой на шее не было?
- Нет, что вы!
- Черяга нахмурился. С цепурой или без, а молодой человек с короткой стрижкой, который не задумываясь палит в собаку, – фигура достаточно характерная.
- А как этот Шура выглядел? В смысле волосы какого цвета, толстый, тонкий?
- Эльвира опять надолго задумалась.
- Да как... Ну, среднего роста. Лет за тридцать, вроде как вам. Лицо как у всех. Волосы вроде черные... или нет, такие темно-серые... Вот! Он чуть полноватый, самую малость...
- И, вспомнив такую уникальную подробность, Эльвира замолчала.
- И долго Шура пробыл?
- Да нет, конверт какой-то передал и был таков.
- Что за конверт?
- Но конверт, судя по всему, Николай забрал с собой.
- Черяга церемонно распрощался с Эльвирой, оставил ей свою карточку, накорябав сверху московский сотовый номер.

- Если Коля появится, пусть непременно позвонит мне, – прощаясь, попросил Черяга.
- А что, он натворил что? – удивленно подняла брови супруга.
- Ну, что скажешь? – осведомился Черяга, когда они спустились вместе по лестнице.
- Скажу, что наблюдается такая любопытная закономерность: если бизнесмен начинает общаться с молодыми людьми с короткой стрижкой и на «БМВ», то у него рано или поздно возникают неприятности. Причем возникают даже тогда, когда наш бизнесмен со своими приятелями никаких дел не варит и проводит время исключительно за картишками или рыбалкой...
- Этот Шура по вашей картотеке случайно не проходит?
- Москва – это тебе не Ахтарск. Таких Шур в Москве десять тыщ с копейками.
- Посмотри по картотеке. Авось, убийство собаки раскроешь.
- Ну да. И посажу за него владельца «БМВ».

Черяга подвез опера обратно к отделению Уже высаживаясь из машины, Гордон внезапно спросил:

- Слушай, а чего ты сам возишься с этим Заславским? У вас что, людей нет?
- Хозяин у нас такой, – усмехнулся Черяга. – Живем под девизом – посуду в ресторане должен мыть шеф-повар.

Спустя двадцать минут гладко выбритый и чисто одетый Черяга вошел в небольшой особнячок близ станции метро Профсоюзная. У невнимательного посетителя, прошедшего через стеклянные двери с хмурыми охранниками, наверняка бы разбежались глаза от изобилия табличек с именами фирм, прикрученных на стену сразу за спиной охранника. Если судить по табличкам, в здании обитало не меньше двух десятков компаний и представительств. На самом деле здание состояло на балансе «АМК-инвеста», и все обитающие в нем фирмы были просто двойниками и тройниками Ахтарского металлургического комбината, страдавшего, как и все нормальные предприятия России, острым финансовым раздвоением, растроением и распятидесятирением личности.

В широком холле дежурили мальчики – очень ладные мальчики, в неперенных белых рубашках и ладно скроенных пиджаках, с фирменной стрижкой гражданской охраны – чуть подлиннее, чем у бандитов и чуть покороче, чем у нормальных людей. Мальчиков этих Черяга отбирал собственноручно, и при виде Черяги они выпрямились в струнку и заулыбались, и тут же откуда-то выкатился шеф московского отделения – Юра Брелер, крепкий сорокалетний боровичок из бывших оперативников. На самом деле Юру Брелера звали не Юрой, а Иеремией, и национальность для работника правоохранительных органов у него была нестандартная – еврей.

Для русского еврея Юра был человек совсем не типичный – не интеллигент, не банкир и не эмигрант. Кумирами его были Багси Сигел и Моше Даян, до милиции он отработал два года в старателях и два – в буровиках-нефтяниках и часто шутил, что он представитель самой малой северной народности – сибирский еврей. В органах, несмотря на природную сметку, он так карьеры и не сделал по причине скрытого (а то и не очень) ментовского антисемитизма, и в начале 90-х открыл в столице области городе Сунже маленькое агентство, торговавшее информацией. Агентство называлось «Юдифь» в честь, как авторитетно объяснял Юра Брелер, девушки-диверсанта, с блеском выполнившей в тылу врага первую засвидетельствованную историей ликвидационную акцию. Информацию агентство продавало всем желающим, хоть мэру, хоть бандитам, хоть губернатору.

Три месяца назад губернатор не поделил с начальником УВД какой-то банчок; генерал взбесился и повелел отыскать компромат на губернатора. Губернатор отдал аналогичное распоряжение. Естественно, обе стороны обратились к Брелеру. Естественно, обеим было продано по папочке. А что? Бизнес есть бизнес. Если ларек, торгующий грушами, может продать груши двум враждующим сторонам, то почему ларек, торгующий информацией, не может поступить точно так же?

По итогам информации, содержащейся в папочке номер один, первый зам губернатора оказался в СИЗО. По итогам информации, содержащейся в папочке номер два, начальник областного УВД был отрешен от занимаемой должности и долго объяснялся в Москве на предмет следственного дела, сфабрикованного по заказу областного авторитета Ирокеза.

Новый начальник УВД, кипятком писающий по поводу оскорбленной чести мундира, поставил вопрос ребром: почему это все управление не могло наскрести на губернатора компромат, а Брелер – наскреб? Начали копать и через неделю обнаружили, что компромат наскребли-таки именно оперативники, но вместо того, чтобы представить его за бесплатно начальству, толкнули за разумную сумму «Юдифи».

То, что за этим последовало, могли предугадать все – в том числе и Брелер, не будь он отчаянным авантюристом, обожающим только те игры, в которых существовала опасность потерять голову. Похоронный венок, доставленный ребятами Ирокеза к двери Брелера, и жесточайший обыск в офисе «Юдифи» были только внешними и незначительными проявлениями всеобщего недовольства.

Черяга с Извольским спасли Брелера и вывезли его в Москву, но произошло это весьма недавно и потому полным доверием начальник московского бранча до сих пор не пользовался. Извольский слишком хорошо помнил, что вляпался Брелер оттого, что продавал информацию сразу двум враждующим сторонам.

Лицо у Брелера было слегка обеспокоенное, черные грустные глаза глядели чуть виновато, и Черяга сразу понял: что-то случилось. Что-то, не связанное с засранцем Заславским...

Они прошли узеньким коридором и поднялись на второй этаж, в небольшой кабинет, единственным отличием которого от стандартного офисного помещения была гроздь небольших мониторов, на которых просматривались подступы к зданию и коридоры.

– Ты знаешь, – сообщил Брелер, как бы удивляясь и виновато разводя руками, – на нас наехали.

– Кто?

– Долголаптевские. Некто Камаз.

– Какой Камаз? Был же Джек...

– Помер Джек, – вздохнул Брелер, – а Камаз из молодых да ранних.

По мере рассказа Брелера ситуация прояснилась.

Фирмы обретались на улице Наметкина неподалеку от «Газпрома», а здешние места издавна контролировались долголаптевскими. Дима Стацюк, более известный хозяевам окрестных ларьков как Джек-потрошитель, бывший бригадир долголаптевских, уже пытался наехать на маленький, хорошо отремонтированный особнячок, отделенный от окружающих девятиэтажек высокой металлической оградой. Было это года полтора назад. В ту пору некто Премьер, ахтарский авторитет и положенец, лично приехал в Москву во главе своей коды. Была забита стрелочка, и после непродолжительной беседы Джек-потрошитель признал свою неправоту и больше к особнячку не приближался.

Однако неделю назад пьяный в зюрю Джек попытался на своем «БМВ» повторить подвиг Александра Гастелло и пошел на таран трейлера, неторопливо катившего себе в столицу где-то на сороковом километре Можайского шоссе. В коротком и зрелищном поединке «БМВ» потерпел сокрушительное поражение, и Джека пришлось выковыривать из-под трейлера по частям.

Новый бригадир долголаптевских, Витя Камаз, чья внешность и интеллектуальные способности, видимо, находились в полной гармонии с его погонялом, быстренько обревизовал свои владения и, заметив на карте неучтенную дыру, уже на третий день пожаловал в особнячок. Охранники вежливо объяснили ему, что он не прав; Камаз заартачился, результатом всего явилась стрелка, забитая на сегодня, на пять вечера, Юре Брелеру.

– Меня, понимаешь, не было, – виновато развел руками начальник московской службы, – а они так аккуратненько подошли, отловили этого ботаника Неклясова у стоянки, пальцы «козой» сделали...

– Этот Камаз что, совсем пробитый? – безгласно спросил Черяга.

– Да нет, выпендриться ему хочется... сел дошкольник за руль «Мерседеса».

Черяга взглянул на часы. До стрелки оставалось шесть часов. Слишком мало, чтобы ахтарская промышленная полиция, или СОБР, или любая другая фактически контролируемая комбинатом структура могла добраться до Москвы на колесах. Правда, у комбината был свой самолет, и никто бы в Ахтарске не удивился, если бы в этот самолет стали грузить хоть переносной зенитно-ракетный комплекс «Игла». Но вот перспектива выгрузки вышеупомянутой «Иглы» или чего-нибудь эдакого в аэропорту Домодедово без внятного изложения причин, предъявления ордеров и тому подобных бумаг была достаточно туманной.

В мозгу Черяга забрезжила смутная идея.

– Ментов будем звать? – спросил Брелер.

Черяга дернул ртом. Генеральный директор Извольский, без сомнения, отнесся бы к истории о том, как аж два начальника службы безопасности не смогли придумать ничего лучшего, как позвать к себе на помощь москвичей, крайне отрицательно. Впервые, Извольский презирал Москву в целом и московскую милицию в частности. Во-вторых, милиция наверняка запросит за содействие спонсорскую помощь, и Извольский встанет на уши: как так! Я не затем держу домашних поваров, чтобы еще и платить за обед в ресторации!

– Не будем, – сказал Черяга.

– Я бы один съездил разобрался, – безо всякого выражения сказал Брелер.

Черяга помолчал. На разборку полагается ездить старшему, – и коль скоро он, Денис Черяга, оказался в Москве, так ему и полагается быть на разборке. Если поедет Брелер – непременно при следующей встрече Ахтарский хан насупит брови и осведомится, чего это, мол, Брелер за Дениса с бандитами разбирается. Конечно, Брелеру будет обидно. Мог получить галочку, а галочка досталась Черяге.

К тому же долголаптевских следовало проучить капитально. Без трупов, без подянки, без ментов – но так, чтобы поджали хвосты и раз навсегда усвоили, чем Ахтарский меткомбинат отличается от торгового ларька. И, кажется, Денис знал, как это сделать.

– Вместе поедем, – сказал Денис, – ты уж извини, но если я здесь, то вместе.

Брелер коротко кивнул.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой невостребованный армией экспериментальный вертолет находит нестандартное применение

Отличительной чертой особнячка на улице Наметкина было полное отсутствие каких-либо опознавательных табличек на дверях кабинетов, – при необыкновенном изобилии их снаружи. Двери почти всех комнат (считай, фирм) были распахнуты настежь, меж них бродили сотрудники, и на мамонтообразном ксероксе, стоявшем, к примеру, в АО «Весельный дом „Металлург“, снимались копии контракта для фирмы „Интертрейд“.

Дефицит табличек объяснялся, разумеется, не скупостью владельцев офиса, а правилами приличия. Дело в том, что в одной комнате нередко сидело по две-три фирмы (зарегистрированных, натурально, в самых разнообразных местах, от Бреста до Анадыря), или один и тот же сотрудник мог быть представителем совершенно разных структур. Если бы какой-нибудь дотошный фининспектор (не дай бог!) вздумал проверять многомиллионный контракт, заключенный, к примеру, между АО «Стальэкспорт» и АО «Феникс», то он обнаружил бы, что представитель «Стальэкспорта» сидит в правом углу комнаты 219 на втором этаже, а представитель «Феникса» – в левом углу этой же комнаты. Или, что того пуще, гендиректор «Стальэкспорта» является одновременно гендиректором «Феникса».

Поэтому, чтобы не вводить случайного посетителя во искушение и не добавлять ему лишней информации, могущей случайно запасть в голову при виде длинных и обстоятельных надписей на дверях, – табличек не было. Случайного визитера охрана брала под ручку и твердо влекла к любезной ему двери, а если посетитель жалобно просился в туалет, то охрана ждала его у дверей туалета и вела дальше. А свой человек и так знал, куда направить стопы.

Николай Заславский обитал на втором этаже особнячка, в отдельном кабинете с секретаршей. Стол с компьютером был заставлен аккуратными стопками документов высотой в полметра. Пластиковый шкаф был забит огромными папками с круглыми дырочками на корешке, и казалось, что документы сквозь эти дырочки подсматривают за людьми.

Сердце Черяги упало. Документы предстояло проверить на вторичную вшивость, – а вы никогда не пробовали проверять на вторичную вшивость документ, изначально состряпанный с упором, так сказать, на первичную вшивость – на то, чтобы обойти налоги и пошлины?

– Мы, на всякий случай, просигналили в Шереметьево, – сказал Брелер, – но ведь если он решил уехать из страны, он не обязательно поедет через Шереметьево. Он может уехать на Украину и улететь из Киева...

– А ты думаешь, он уехал из страны?

Брелер развел руками.

– А хрен его знает, – сказал хранитель московского офиса, – он мужик вроде бы приличный, в явном грехе не замечен. С другой стороны, кто у нас других не кидает? Как гласит известный плакат: «Кидняк – основа российского бизнеса».

Черяга едва заметно поднял брови. В ответе начальника таилась некая странность. Странность заключалась в том, что подобную сентенцию о Заславском мог бы изречь любой из его сослуживцев. Брелеру же, по чину, полагалось вместо сентенции извлечь папочку, в которой было бы подробно указано, с кем Коля Заславский разговаривает по телефону, какие блюда ест в ресторане, с кем спит и каким способом предпочитает это делать... Брелер, вероятно, это почувствовал и сказал извиняющимся тоном:

– Я ведь тут всего месяц. До Коли еще руки не дошли, знаешь...

Черяга знал. Так случилось, что последний месяц служба безопасности работала сразу по двум головоломным делам, и оба раза Брелер внес более чем существенный вклад в успех расследования.

– Я как пришел, списки составил, – продолжал Брелер. – Кого в первую очередь проверять, кого во вторую. Он у меня в четвертом списке был. Опять же – заметил бы, что за ним ходят, начался бы скандал, что я, мол, за следующим замом охочусь...

Черяга кивнул. Человек, который только что посадил первого зама губернатора, и сделал это не из мести, а просто в силу избранного им рода занятий, никак не мог желать, чтобы на него пожаловались еще одному первому заму... Тот же Заславский мог поднять шум, побежать к Извольскому, представив дело таким образом, что пригретая на груди жидовская змея опять копает в прежнем направлении, причем на этот раз и под власти, и под комбинат зараз.

На столе Заславского зазвонил телефон. Черяга заколебался, но телефон звонил настойчиво, долго, и Черяга снял трубку.

– Ало! Коля! Ну слава богу!

– Коля вышел, – сказал Черяга, – я за него.

– Пашка, ты? Это Заславский. Ты вот что скажи этим, комбинатовским: они охамели. Ясно? Заплатили налоги номерками от квартир – знаешь, такие пластмассовые?

– Знаю.

– И притом – по семьсот рублей штука. Я что – вместо детских пособий номерки будут выдавать? Передашь?

– Передам.

Заславский-старший бросил трубку.

Черяга вздохнул. Ну вот. Платить налоги пластмассовыми номерками, причем по цене, раз этак в сто превышающей рыночную стоимость номерков, конечно, нехорошо. И, по логике вещей, областная власть должна была бы не подписывать такой зачет или, подписав по недомыслию, – громко повиниться перед гражданами по телевизору. А коль скоро явки с повинной по телевизору не имеет место быть, а имеет место звонок в контору по обналачке налогов, – значит, господину Заславскому-старшему приспичило отделать себе пол особняка каррарским мрамором или оклеить стены, к примеру, вместо обоев зелеными водостойкими долларами.

И это – еще одно осложнение. Если в течение двух дней Заславский не объявится, кто-нибудь наверняка дунет губернатору в уши, что замочили его по приказу Извольского, а губернатор в области недоверчивый и мнительный, что твой Диоклетиан. Половину жизни, между прочим, провел в Узбекистане на высокой партийной должности, а Узбекистан – это вам даже не Россия, там такие бульдоги под ковром дрались с 20-х годов...

Брелер деликатно отошел в предбанник, а Денис начал дозваниваться кое-куда, отдавая распоряжения, необходимые для вечерней разборки с Камазом. К удовлетворению Дениса, дозвониться удалось быстро и легко, несмотря на паршивую междугороднюю связь, и слова вышли такими корректными, обтекаемыми – если кто посторонний разговоры и пишет, ничего по факту им потом не пришьют. Ну говорил один завод с другим заводом, а потом еще с одним местечком, – и что с того?

Денис довольно усмехнулся. Если все выйдет, как задумано, – больше ни один носатый урка не сунется к АМК...

Денис оставил телефон и принялся за методичный шмон кабинета. Если поверхность стола, благодаря усилиям секретарши, имела благообразный вид, то в ящиках царил неопи-суемый бардак. Документы были буквально завалены фантиками от конфет – судя по оберткам, Коля предпочитал «рафаэллу» и «грильяж в шоколаде». На некоторых папках расплылись жирные масляные пятна от унесенного в кабинет чизкейка, а в среднем ящике обнаружился и сам чизкейк, вернее половинка от него, окаменевшая и усохшая.

Денис выглянул в предбанник и позвал секретаршу Заславского.

– Это что такое? – спросил Денис, обвиняющим перстом указуя на окаменелость.

– Он никогда в ящиках убираться не велел. Истерику устраивал, – сказала секретарша. – Тараканов развел, я уж не знаю сколько, вон, смотрите, бежит!

Действительно, по пластиковой папке с бумагами бежал огромный рыжий таракан, позоря моральный облик высококлассного офиса. Черяга таракана убил и продолжил поиски. В нижнем ящике стола, помимо бумаг, обнаружили: две страницы из записной книжки, на букву «к» и «п», выпавшие из бумажного носителя от частого использования. Несколько неотшлифованных агатов. Белый коралловый кустик с обломанными веточками. Дешевенькая пластмассовая ручка с надписью «Национальный кредит», пережившая, несмотря на краткость жизни, лопнувший банк. Там же валялся старый ежедневник девяносто шестого года. Из щели между дном и задней стенкой ящика Денис выгреб две таблетки, грязные от всякого налипшего сора. Таблетки были маленькие, по полсантиметра диаметром, и весьма бы походили на аспирин или анальгин, если бы не странная маркировка: на таблеточке был вытеснен серп и молот.

Денис полистал старый ежедневник и обнаружил забавную вещь: записи в ежедневнике были сделаны аккуратно, непременно синими чернилами и чуть ли не одной и той же любимой ручкой, каждый день был педантично заполнен. Ежели, например, владелец ежедневника с одиннадцати до двенадцати ни с кем не встречался, то это обстоятельство было отражено в книжке красивым волнистым прочерком, сделавшим бы честь любой паспортистке.

Совсем другое дело – два листка из записной книжки. Они и оказались-то в ящике оттого лишь, что истлели у корешка. Края их были немилосердно обтрепаны, надписи лезли друг на друга, имена-отчества были непременно указаны в сокращенном виде, и видно было, что записывал человек тем пишущим агрегатом, который попался под руку: и синей «нацкредовской» ручкой, и красным фломастером, и даже нежно-зеленым гигантским маркером, предназначенным для оформительских работ...

Записная книжка была новая, видимо девяносто восьмого года. За два года что-то непоравимо изменилось в душе Коли Заславского, превратив его из педанта, указывающего в ежедневнике время обеда и сумму, на оный истраченную, – в человека, который записывает деловой телефон плакатным маркером и держит в столе веселенькие таблеточки с серпом и молотом.

Черяга отгреб фантики в сторону, взял из стола папку с документами, полистал и обнаружил, что его ощутимо клонит в сон. Лег он вчера в Ахтарске в полтретьего, встал в Ахтарске же в полшестого, но до сих пор как-то особой сонливости не исполнился. А вот полистал пару контрактов – и сразу стал клевать носом.

Ничего он, конечно, с первого раза не нашел. Надо будет завтра вскрывать сейф... Или сегодня? Лучше завтра – а то появится этот же самый Заславский, протрезвевший после запоя или с Кипра вернувшийся, куда он залетел на три дня, забыв переключить мобильник... Бывали и такие случаи, особенно среди «племянников».

Подумаешь – ушел человек из дому и два дня там не был. Ну и что, что ушел? Правда, плащ надел... который никогда не надевал, потому что жена его пилила... Ну и что? Может, забылся и надел. Может, собирался пешком пройтись...

Место, назначенное долголаптевскими для стрелки, было не очень приятное: большой пустырь неподалеку от железной дороги, с полой, до третьего этажа возведенной коробкой долгостроя и осыпавшимся котлованом, наполненным изжелта-серой водой. С той стороны дороги начинался подмосковный лес, слева от пустыря вздымалась одинокая пятнадцатизэтажная «свечка».

Было около часа дня, когда к свечке подъехала белая, выдавшая виды «Шестерка» и из нее вылезли двое: молодой паренек с крутыми плечами и безразличным взглядом и массивный кадр с бритой башкой и в сером плаще. В руках паренек нес футляр от скрипки.

Оба деятеля поднялись на пятнадцатый этаж. На нужной им двери, ведущей на чердак, красовался новенький стальной замок.

– Во, мля, – растерянно сказал тот, что нес футляр со скрипкой, – от бомжей, наверно, повесили.

Тот, что помассивней, вынул из кармана плаща небольшой ломик и, немного повозившись, скovyрнул дужку.

– Ну ты даешь, Камаз! – восхитился спутник, – прям напололам разорвал.

На чердаке было сухо и солнечно, из разбитого окна тянуло холодком, рядом стоял тяжелый шкаф-распределитель и колесо, на которое наматывался шкив старого лифта. Камаз подошел к окну: далеко внизу изгибался китовый ус рельсов, и пустынная площадка стройки вырисовывалась как на ладони. Солнце било в глаза, но к пяти должно было перевалить на противоположную сторону дома.

Если бы любопытствующий архангел, или сильфида, или иное какое существо, способное подслушивать то, что неведомо смертным, удивилось бы, отчего именно два человека столь неподходящей для лабухов внешности выбрали столь странное место для музицирования, то удивление длилось бы недолго. Паренек распахнул футляр и вытащил из него длинное черное тело винтовки, на которое тут же сноровисто навинтил ствол. Винтовочка, которую он держал в руках, была прелюбопытным изделием. Умелец, тачавший ее частично на родном заводском станке, а частично – дома в гараже, не брезговал плагиатом и в целом избрал для подражания изделие Драгунова. Существенная разница заключалась в том, что винтовочку, не долго думая, приспособили под тупорылый АКМ-овский патрон. Это несколько снижало точность выстрела, но Боря Перцов по кличке Перчик, второй месяц проходящий испытательный срок в составе бригады, и не из таких рогаток в Чечне стрелял.

– Попадешь?

– Угу, – коротко сказал Перчик. Вчера, когда винтарь пристреливали, Перчик выбил «десятку» со ста метров пять раз подряд. Перчику очень хотелось в бригаду. Это было хорошо, что на Можайском шоссе побилось сразу трое. Как гласит старая народная мудрость, меньше народу – больше кислороду.

– Смотри, – дал последние наставления Камаз, – стреляй, только когда мы сядем в машины. Он подъехал, я подъехал, побазарили, я руку ему пожал – и в тачку. Вот тут стреляй.

– А если вы договоритесь?

Камаз помолчал.

– Так мы и договоримся, – сказал Камаз. – Мы договоримся обо всем и попрыгаем по тачкам. А ты стреляй.

Если бы лицо Камаза не напоминало оскаленный радиатор грузовика, можно было бы считать, что он улыбнулся.

Камаз ушел, а Перчик, припав к прицелу, принялся разглядывать залитый солнцем пустырь. Придумано было здорово. На стрелке все ожидают стрельбы сразу. Когда люди выходят без оружия и начинают договариваться, все расслабляются. Перчик не сомневался, что в машинах Камаза будет оружие и, как только прозвучит снайперский выстрел, это оружие тоже заговорит. А потом уже будет трудно разобраться в том, что произошло и кто виноват в свалке: самодельная винтовка недаром стреляла теми же патронами, которые будут в рожках ребят Камаза.

Перчик еще раз улыбнулся и перевел взгляд с пустыря на фотографию, которую он держал в правой руке: фотографию невысокого худощавого человека лет за тридцать, со светлыми волосами и васильковыми глазами.

Было около половины третьего, когда Денис спустился в столовую, организованную на первом этаже особнячка для ретиво работающих сотрудников. Столовая была вся чистенькая, пластиковая, с длинными судками западных салатов, корейских закусок и аппетитно колышу-

щихся на тарелочках чизкейков. Качеством забегаловка не уступала иному кабаку, посетителей чином поменьше охотно водили в нее «попить чай», а среди руководства офиса и вовсе считалось неприличным терять время на сторонний ресторан, если, конечно, в ресторане не была назначена деловая встреча.

Вот и сейчас руководство почти в полном составе – первый зампред банка «Металлург», что на втором этаже, глава вексельного центра «Металлург», что на третьем, и московский представитель фирмы «Ахтарский регистратор» сидели за пластиковым столиком в углу и смеялись какому-то рассказу Димы Неклясова.

Дима Неклясов был человек очень любопытный в своем роде. Генеральному директору «АМК-инвеста» было двадцать семь лет, а выглядел он вообще белокурым и розовощеким студентом. Извольский углядел его на переговорах, когда мальчик в перерыве между университетскими занятиями подрабатывал переводчиком, выпестовал его, вынянчил, свозил на стажировку в США, а в прошлом году посадил свадебным генералом (или, если судить по возрасту – лейтенантом) в самую заветную ахтарскую фирму, владевшую контрольным пакетом АМК.

Неклясов внушал Черяге смутное беспокойство. Трудно сказать, в чем было дело. Может быть, в том, что больно уж легко Дима Неклясов достиг всего, чего хотел. Одно дело – если тебя зовут Вячеслав Извольский и ты – пусть в тридцать четыре года – но своими зубами, руками и ногами дополз до вершины, перервав по пути неисчислимое количество глоток, подставив кучу подножек и выкинув со своего пути и тех, кто тебе мешал, и тех, кто мог помешать. Другое дело – если тебя в младости взяли пальчиками, одели в штанишки от Версаче и отправили в Принстон, а потом на мельхиоровом подносыке поднесли ключи от машины, квартиры и хорошего офиса. По жизни, Диме Неклясову надо было весь век ходить пуделем за Извольским, – но ведь так легко заболеть звездной болезнью, если тебя в двадцать пять сделали вторым и при том у тебя нет надежды даже к семидесяти стать первым.

Впрочем, возможно, все это были гнусные домыслы, которым не было никакой основы, но которые Черяга в себе не подавлял. Он пес, его поставили лаять, вон он и будет принохиваться.

Черяга щедро заставил свой поднос салатами, селедкой под шубой, ухватил полную тарелку душистых щей и к ним – свинину на ребрышках и подошел к обедающим. Дима Неклясов возбужденно рассказывал о том, как на него сегодня наехали:

– Вы представляете, я вылезая из тачки, и тут возникает такая морда, что твой авианосец. Пальцы веером, цепь золотая...

Слова отскакивали от белых зубов Неклясова, как пингпонговые шарики – от стола. Черяга поставил свой поднос на столик.

– Разрешите?

Неклясов мгновенно умолк, потом обернулся, расплываясь в улыбке в двадцать четыре карата.

– О! – сказал Неклясов, – как славный город Ахтарск? Его еще не сдуло в Казахстан?

Собеседники засмеялись. Ребята из московского финансового офиса взяли в привычку подтрунивать над ахтарскими. Для них далекий сибирский город, где дымились трубы, работали домны и шипел льющийся в чугуноковши металл, был каким-то глупым пережитком социализма, навсегда заклеянной комсомольской стройкой, местом, где водились рабочие, медведи и тайга. Ахтарск был непонятным придатком к чистенькому особнячку, где миллионы возникали прямо из воздуха, путем перевода энной суммы от «Феникса», занимавшего правую половину комнаты 219, в «Интертрейд», прописанный в левой ее половине.

Ахтарцы же (главный инженер, зам по производству и т. д.) считали именно москвичей паразитами, и Черяга, еще шесть месяцев назад сам обитатель Москвы и следователь Генпрокуратуры, ощущал себя именно ахтарцем. Черт его знает, в чем тут было дело – может быть, в том, что Денис был по рождению все-таки сибиряком. А может быть, в том, что в Ахтарске

Денис был вторым лицом после самого Сляба, полномочным визирем и палачом, а в Москве Денис был просто новым русским с банальным «мерсом» и мобильником, с какой-то заштатной комсомольской стройки... «Вы из Ахтарска? Так ваш комбинат же стоит!» – как-то приветствовал Дениса на конференции западный экономический светоч, прилетевший учить русских правильным основам бизнеса. «С чего вы взяли?» – поразился Денис. «Так ведь вся русская промышленность стоит», – объяснил светоч.

– Привет российской металлургии! – провозгласил Неклясов, поворачиваясь и поднимая стакан с соком. Он ужасно походил на ди Каприо в роли Артура Рембо. – Говорят, тебя Сляб Заславского послал искать?

– А что, он еще не нашелся? – это спросил кто-то справа от Черяги.

– Найдется, куда денется, – подал голос один из собеседников, сорокалетний толстяк из вексельного центра. – Я ему как-то звоню: «Привет, – говорю, – ты не забыл, что завтра нам на Соколовку² лететь?» – «Ой, – говорит, – я не могу». – «Как не могу! Нас Машкевич ждет, так тебя и растак!» – «Да ты понимаешь, я в Таиланде...»

– Он на этот Таиланд у меня две штуки баксов занял, до сих пор не отдал, – пожаловались сбоку.

– А у меня в понедельник пятьсот...

– Много он занимал? – спросил Черяга.

– Он играл много... – ответил Неклясов.

– В «Серенаде»?

– Да. Она тут в трех кварталах, где ближе, туда и ходил.

– Плохо, – сказал Денис.

– Что – плохо?

– Казино бандитское, мы на их территории, денег им не платим.

Дима Неклясов улыбнулся. Он был очень похож на вожака пионерского отряда с шелковым галстуком за двести долларов.

– Это уж, извините, по вашей части, – сказал Дима, – мы не разбираемся, кто кому платит. И почему ко мне на стоянке какие-то упыри подходят.

– Кто-нибудь знал, что Заславский – наркоман? – спросил Денис.

– Что? – Неклясов неподдельно удивился.

Черяга вытащил из кармана две таблеточки с серпом и молотом.

– Это что, анальгин? – спросил кто-то.

– МДМА. Экстази. Западногерманское производство. Видите серп и молот? Разновидность называется «горби», в честь супруга Раисы Максимовны. Для прикола.

Неклясов глядел на таблетки с неподдельным любопытством, с каким девственница глазеет в шелку на пенис. Потом осторожно протянул руку, чтобы потрогать.

– Что ж они такие грязные? – растерянно сказал он.

– В ящике завалялись. Коля у нас человек богатый, ханку по притонам не кушает, что ему сотня долларов, которые в щель ухнули... Часто он под кайфом на работу приходил?

Неклясов медленно покачал головой.

– Да нет, Денис Федорыч, – растерянно сказал председатель правления «Металлурга», – никогда б не подумал. Вполне нормальный пацан... Бывали у него, конечно, заскоки, так ведь сейчас жизнь такая, поди разбери, отчего у человека шифер едет – от дури или оттого, что его партнеры вчистую кинули... От кидняка-то еще круче мозги пробирает.

– А кто ему «колеса» мог доставлять?

– Да господь с тобой, Денис Федорыч! – сказал представитель «Ахтарского регистратора», – откуда ж мы знаем?

² Соколово-Сорбайский горно-обогатительный комбинат в Казахстане.

– А кстати говоря, – заметил человек из вексельного центра, – ты, вроде бы, бумаги Колины смотрел?

– Да.

Денис взглянул на часы: на часах уже натикало три, пора было уезжать на стрелку, и Черяга торопливо и быстро набивал брюхо.

– Можно узнать зачем?

– Просто хотел посмотреть, какие контракты он подписывал. И на что «колеса» покупал: на те деньги, которые у нас заработал, или на другие.

– И нашел чего-нибудь?

– Нет.

Дима отправил в рот бледный стебелек спаржи, прожевал и сообщил:

– Сляб завтра приезжает. Правда, что он хочет АЭС купить?

Гигантская недостроенная Белопольская АЭС стояла в сотне километров от Ахтарска.

– Энергетики не продают, – ответил Денис, – Лучше, мол, пусть у нас сгниет, чем ты, буржуй, прибыль получишь.

Поднос Дениса опустел. Черяга торопливо встал, допивая сок.

– Приятного аппетита, – попрощался Черяга.

Он уже не услышал, как Неклясов сказал за его спиной вполголоса:

– Ахтарская овчарка. Еще бы он чего-то в документах нашел. Он их, наверное, вверх ногами читал.

Если бы эти слова передали Извольскому, Неклясов ничем не рисковал. Сляб любил, чтобы его сотрудники не выносили друг друга.

Стрелка началась, как в лучших английских домах: секунда в секунду.

В тот момент, когда темно-зеленый «Паджеро» Брелера, сопровождаемый двумя «Ауди», свернул на пустырь с Новомосковской улицы, с другой стороны пустыря, выходящей к полузаброшенному железнодорожному переезду, выскочили двое – пятисотый «Мерс» и «БМВ-семерка» с тонированными стеклами.

Дверцы «БМВ» распахнулись, и из них полезли стриженные амбалы. Тот, который первым шагнул навстречу Брелеру, ужасно напоминал шкаф, шутки ради наряженный в штаны и куртку. Кубообразную голову венчала короткая, как у свиньи, щетина, под маленькими глазами в оттопыренном рту перекаtywалась сигарета «Мальборо», и девятимиллиметровый «макаров» за поясом казался совершенно игрушечным на фоне могучей ляжки. «Ну, дебил!» – восхитился про себя классическим типажом Брелер.

– В чем проблемы, Камаз? – негромко спросил Брелер, засовывая руки в карманы пальто.

– Ты кто такой? – спросил Камаз.

– Я заместитель Черяги. Начальника службы безопасности. Брелер моя фамилия.

Камаз набылчился.

– А где сам Черяга? – спросил он.

– Черяга сейчас подлетит, – спокойно сказал Брелер. – Велел без него начинать.

– Опаздывает, да?

– Начальство не опаздывает, начальство задерживается, – елейным голосом сказал Брелер. – Велело спросить, какие проблемы?

– А такие проблемы, что вы на нашей земле стоите, а за аренду не платите.

– Мы не на твоей земле, а в Ахтарске. Что-то я тебя в Ахтарске не видел.

– Твой гребаный Ахтарск можешь себе оставить, – возразил Камаз, – а что на Наметкина, то наше. Лавьем-то делиться надо.

– Нечего мне тут с тобой рамсы разводить, – ответил Брелер. Мы – ахтарские. Так Джек решил, так Коваль решил, и не тебе, Камаз, вора перевякать.

– Когда Джек решал, вам «крышу» Премьер держал, а сейчас Премьера нет, пора вас на понятия ставить.

– Крыши нам Премьер не ставил, это ты ошибаешься, – возразил Брелер, – он на комбинате так был, разовый порученец. Сечешь разницу? Не он нам крышу ставил, а мы его на посылках держали.

Широко улыбнулся и добавил:

– А вот и шеф! Я же говорил – сейчас прилетит!

Уже некоторое время к диалогу двух противоборствующих сторон примешивался далекий рокот, словно в небе кто-то завел кофемолку. Теперь рокот обозначился ниже, громче – и из-за леса выплыла хищная тушка вертолета. Камаз не обращал на рокот внимания – мало ли кто летает над Москвой? – но тут, когда закричали, обернулся.

Лицо Камаза перекопилось ужасом, и это было так же примечательно, как если бы от ужаса перекопился ну, скажем, ковш экскаватора.

Вертолет был не какой-нибудь гражданский потрепанный пузырь, – а хищной военной раскраски, с 30-миллиметровыми авиационными пушками и блоками неуправляемых реактивных снарядов, мертво скалившимися по обе стороны тупого носа, и с двумя кассетами, из которых торчали головки «Штурма» или еще какой ракеты «воздух-поверхность». Вертолет медленно сделал круг почета над остолбеневшей публикой, спустился ниже и завис в двух метрах над головами бандитов.

Песок, поднятый лопастями, летел во все стороны, у одного из бандюков выдуло из кармана небрежно засунутые туда «деревянные». За спиной Камаза кто-то нехорошо охнул. Вертушка подалась еще ниже к земле, дверца технического отсека распахнулась, и из нее прыгнул невысокий человек в деловом прикиде, подошел к беседующим.

– Какие вопросы? – негромко спросил Черяга.

К чести Камаза – бандит попытался сохранить лицо. И это бы ему удалось, если бы не растерянный шепот его подручных и хлопанье дверец «БМВ».

– Да вот, – сказал бригадир, – надо было посмотреть на тебя, какой ты есть. А то на моей земле стоишь, а носа не кажешь...

– Посмотрел?

Камаз развел руками, пытаясь скрыть невнятицу собственных слов.

– Какие проблемы, браток! Посмотрел.

И обернулся к ребятам:

– Поехали!

«БМВ» летел с площадки так, что шины взвизгивали на поворотах.

Боря Перчик на чердаке пятнадцатизатжки растерянно переводил ствол с вертушки на Черягу и обратно. Ему было велено стрелять, как только Камаз нырнет в машину. При этом имелось в виду, что люди Камаза в машинах немедленно достанут стволы, а ахтарские, напротив, останутся на пустыре безоружные. Ему не было дано никаких ценных указаний насчет того, что делать, если людей на пустыре прикроет боевой вертолет новейшей модификации.

Так или иначе, Боре Перчику было ясно, что при первом же выстреле вертолет огневой поддержки не оставит от машин Камаза даже металлолома. Боря вздохнул и принялся паковать винтовочку, – штучка была ценная, в другом месте непременно пригодится.

Самое удивительное было то, что Боря, недавно вернувшийся из Чечни, не мог опознать типа вертушки.

Юра Брелер и сам толком не знал, что задумал Черяга и куда так неожиданно он сорвался за полтора часа до стрелки. Сейчас он стоял и попеременно глядел то на «БМВ», улепетывающий к переезду, то на ошестинившуюся стволами летающую морду.

– Ну ты даешь! – восхитился Брелер, – чья вертушка?

– Конгарская, – ответил Черяга.

Брелер хлопнул себя по голове. Сам должен был догадаться!

– Погоди! Они же не из Сибири прилетели? Какая у этой штуки дальность полета?

– У Ми-28 – четыреста километров, – ответил Черяга, – а у этого шестьсот плюс двести километров подвесных баков. Они на полигоне были под Рязанью.

– А что они военным объяснили?

– Они в Тушино летят. За железякой. У них мероприятие срывается, через неделю выставка в Абу-Даби, а железяки все нет...

Брелер покачал головой, провожая акулий силуэт, скользящий над лесом.

– Так это вертушка для выставки?

– Экспериментальный образец.

– Постой! Так они же не вооружены! А что бы ты делал, если бы стрелять пришлось?

Черяга недоуменно вынул из губ папиросу.

– Почему не вооружены? – спокойно спросил он, – это автоматчик в техническом отсеке сидел, он не вооружен. А боеприпасов у пушки десять цинок... Поехали!

Если бы полгода назад Даниилу Федоровичу Сенчакову, генеральному директору Конгарского вертолетного завода, сказали, что новая сверхсекретная вертушка будет участвовать в бандитской разборке на стороне генерального директора АМК Вячеслава Извольского по кличке Сляб, он бы хрупнул по столу старческим кулаком и вскричал: «Да я самого Сляба грохну! Сталина на него нет!»

Даниил Федорович Сенчаков был самый нетипичный директор, какого только было можно себе вообразить. На фоне нынешней России он гляделся не мамонтом даже – трилобитом.

Сенчакову было глубоко за семьдесят, и на пенсию он ушел аж в 1991-м году. К 1993 году завод стоял, как член в брачную ночь, новый директор пропал бесследно в милых его сердцу оффшорах, а трудовой коллектив, который на тот момент еще имел право избирать директора, пошел к пенсионеру, как киевляне к варягам, и с плачем предложил ему венец и державу.

Трудовой коллектив руководствовался одним здравым соображением: Сенчаков был семидесятилетний вдовец, без детей и племянников, и воровать ему было просто не для кого.

Трудно сказать, был ли это оптимальный выбор. Твердокаменный партиец и ветеран Великой Отечественной, один из учеников знаменитого Миля, Сенчаков так и остался насквозь убежденным коммунистом – несмотря на то, что годы 1950–1954 провел за колючкой в «шарашке». По взглядам, манерам, характеру Сенчаков безнадежно отстал от времени и порой до ужаса напоминал завитого французского придворного времен Людовика XIV, с опаской карабкающегося на борт реактивного лайнера. Сенчаков так никогда и не понял, что военно-промышленного комплекса больше нет и что никогда, ни при каком правительстве, Россия больше не будет продавать нефть на запад, чтобы на вырученные деньги оплачивать Конгарскому вертолетному заводу строительство двухсот винтокрылых барракуд в год...

Но – удивительное дело – этот директор, повесивший у себя в кабинете портрет Сталина, директор, призывавший голосовать за коммунистов, – не украл у завода ни копейки. И именно он бросил во всеуслышание на митинге губернатору-коммунисту, избранному его стараниями: «Ты – не красный! Ты красно-зеленый!» И на вопрос о том, кто такие красно-зеленые, пояснил: «Это красные, у которых руки по локоть в долларах». Площадь грохнула смехом, кличка «красно-зеленый» намертво приклеилась к главе региона, следующие выборы он проиграл нынешнему губернатору Дубнову.

Сенчаков крутился как мог. Срезал себестоимость, сэкономил копейки, метлой гнал воров. На пустующих площадях он организовал производство медицинских инструментов и запчастей для «жигулей». Выточенные из оборонных материалов компоненты двигателя стали покупать «Рено» и «Даймлер-бенц». Другие директора тоже крутились, с одной лишь разницей: когда они организовывали экспортное производство, цеха сдавались за копейку в аренду

фиктивным компаниям, и все, что было сделано на заводском оборудовании заводскими рабочими, продавалось от имени этой самой фиктивной компании, на деле принадлежавшей директору. Получалось, что за станки платил завод, за электроэнергию платил завод, за материалы платил завод, – а доход от продажи изделия получала фирма директора. Промышленный, так сказать, вариант басни про вершки и корешки.

У Сенчакова вся валюта, вырученная от контрактов с «Рено», шла рабочим – и на строительство величественных вертолетов, которые Павел Сергеич Грачев лично обещал оплатить. Дело было в 1994 году, оборонный заказ не был утвержден, объемы были неизвестны. «Это наши проблемы, – сказал министр обороны, – стройте! Заплатим! Ваш завод – надежда России».

Пользуясь влиянием КПРФ (это было еще до того, как он прилюдно облил губернатора), коммунист Сенчаков добился в Минобороны выгоднейшего заказа: по соглашению с американцами один из гигантских цехов был переоборудован под разборку и уничтожение баллистических ракет. Американцы платили живыми баксами, из ракет можно было попутно извлекать драгметаллы, смешанная американо-российская комиссия навестила завод и приняла оборудованный цех на «ура».

К концу 1994 года Сенчакову объявили, что за вертолеты ему ни копейки ни заплатят. Директор бросился в Москву, в Миноборонпром. «Когда вам давали заказ, – объяснили ему в департаменте авиационной промышленности и судостроения (да-да, департамент назывался именно так), – все думали, что военный заказ будет 20 триллионов рублей, а Дума утвердила только 5 триллионов». – «Но мне обещал сам Грачев!» – «Ну что ж, поговорите с...» – и чиновник назвал очень известную фамилию из Минобороны.

Известная фамилия Сенчакова не приняла, – вместо нее с директором поговорил мордастый референт. Референт внятно объяснил Сенчакову следующее: что он, Сенчаков, конечно, может получить деньги за вертолеты. Но только при одном условии. Если он сдаст оборудованный американцами цех по разделке ракет в аренду некоему ТОО «Сатурн», с уставным капиталом в двести рублей. Стоимость аренды составляла ноль целых хрен десятых. Пайщиками ТОО «Сатурн» были: два ракетных генерала, один зам военного министра, жена зама и чиновник из Минфина. Сенчаков возмутился, и референт, неправильно истолковав его возмущение, предложил включить в число пайщиков еще и Сенчакова. Сенчаков поднялся со стула, на котором сидел, взял стул за ножки и начал этим стулом бить референта с криком «При Сталине бы тебя к стенке!» Это была любимая фраза директора.

Позже, уже трясясь в поезде и непрерывно глотая нитроглицерин, старик осознал, что положение завода безвыходное. Либо завод отдаст бесплатно американский контракт, либо он не получит денег за боевые вертолеты. И в том и в другом случае в балансе зияла гигантская дыра, которая даже не позволит зарплату выплатить.

Сенчаков пошел на принцип и американский контракт не отдал. Вертолеты остались стоять в цехах: двенадцать МИ-28 и новая разработка КБ, двухвинтовой четырехместный «Ястреб». Боевой вертолет – это не такая штучка, которую можно вывезти на рынок в базарный день и продать. Завод нашел покупателей – каких-то арабов. Но торговать самостоятельно он права не имел, весь экспорт оружия шел через госкомпанию «Росвооружение». Референт важного лица не забыл скачек со стулом в собственном кабинете. Эмиссары «Росвооружения» отправились оформлять сделку, которая приносила России пару сотен миллионов долларов и... намеренно провалили ее. Впрочем, может быть, дело было и не в референте с его хозяином. Может, взятку эмиссарам сунули конкуренты.

Вертолеты стояли в обезлюдевших цехах. Люди уходили в бессрочный отпуск. Рабочая неделя на заводе сократилась до трех дней.

К концу 1995 года Сенчаков обнаружил еще одну удивительную вещь. Вертолеты стоили кучу денег. Если бы Минобороны за них заплатило, завод получил бы около 1,5 триллиона

рублей. На этот несостоявшийся заработок были начислены налоги – где-то 800 миллиардов рублей.

Так вот – Минобороны за вертолеты не заплатило. А налоги с завода... списали. Откуда же взялись деньги, спрашиваете вы? А деньги были те самые, которые завод заработал по американскому контракту и по договору с «Рено».

Сенчаков с ужасом осознал одну простую вещь: если бы он поступил, как обычный вор, и заключил контракт с «Рено» не от имени завода, а от имени подставной фирмы, то деньги остались бы у подставной фирмы и он бы смог кормить с них завод.

В 1996 году на заводе появились чеченские эмиссары. Они слышали о том, что Сенчакову не заплатили за вертолеты, и были готовы заплатить. Разумеется, не по пять миллионов долларов за вертолет, но тоже вполне достаточно. Разумеется, не заводу, а лично директору. Все вопросы доставки чеченцы брали на себя.

«А для чего вам боевые вертолеты?» – полюбопытствовал директор у полевого командира. «Вах, ты что, маленький, что ли?» – осклабился чеченец. Сенчаков представил себе наглядную картину: сделанные на российском заводе новейшие вертолеты, не состоящие еще на вооружении у российской армии, расстреливают российских солдат, а тридцать серебряников за это лежат в швейцарском банке... Сенчаков не стал гоняться за чеченцем со стулом, потому что чеченец был бородатый, здоровый как бык и с оружием. Он вежливо выпроводил его и позвонил в управление ФСБ по области, но на следующую встречу чеченец так и не пришел, кем-то предупрежденный.

Сенчаков был настолько взбешен, что через месяц передал бесплатно два вертолета воюющему в Чечне полку. Вертолеты были подбиты при первом же вылете.

Спустя месяц Сенчаков доподлинно разузнал, что никто вертолеты не подбивал, что летчики мирно сели возле указанной высоким начальством горки и ушли, а спустя полчаса вертушки с новыми летчиками уже летели к новым хозяевам.

Неясные слухи, гулявшие по российским войскам насчет новейших вертолетов, еще не поступавших на вооружение российской армии, материализовались совершенно неожиданно – спустя два года, когда заблудившийся в тумане чеченский вертолет сел возле сортировочной станции где-то в Северной Осетии, близ Моздока. Из вертолета вышли два бородатых дяди с автоматами, постучали дулом в окошечко диспетчеру и попросили отыскать среди скопившихся на путях цистерн ту, которая с авиационным керосином.

На беду чеченцев, на сортировку в этот момент заехал военный «газик». Завидев вертолет и уяснив ситуацию, военные резко изменили планы. Результатом изменения стал скоротечный огневой контакт: чеченцев посекали в дым, на путях взорвалась цистерна с пропаном, а почти невредимый вертолет без единой царапины на пуленепробиваемых стеклах попал в ФСБ и в прессу.

Скандал вышел тот еще.

На завод приехала следственная группа ФСБ и долго трепала Сенчакову нервы. В центральной прессе появились публикации о том, что директор продавал вертолеты чеченским террористам.

Налоговая полиция арестовала счета завода и вывезла прочь часть оборудования, абсолютно неликвидного, но необходимого для выполнения контрактов с «Рено». А через два месяца предынфарктного состояния (и у завода, и у директора) старший фээсбешник ласково намекнул Сенчакову, что ему достаточно вернуться к варианту с ТОО «Сатурн» (в котором теперь образовался еще один пайщик – генерал ФСБ) – и все неприятности уйдут сами собой...

Директор Сенчаков думал вечер и всю ночь. Утром он попросил у собственного шофера «Жигули» (заводская директорская «Волга» была арестована налоговой полицией и продана за гроши фирме, принадлежащей заместителю начальника налоговой полиции) – и поехал за двести двадцать километров на Ахтарский металлургический комбинат.

Узрев в своей приемной престарелого вертолетчика, Вячеслав Извольский изумился не меньше, чем если бы обнаружил в ней, скажем, павиана в цилиндре. Извольский и Сенчаков были полными антиподами. Одному было тридцать четыре, другому семьдесят три. Извольский не раз в более или менее широком кругу называл Сенчакова «..удак» и «е... ным коммунякой», и еще более витиеватыми характеристиками, на которые Сляб был несказанно щедр. Сенчаков, опять-таки, не раз приводил Извольского в качестве примера тех, «кого бы при Сталине поставили к стенке». Один не украл у завода ни копейки, жил в двухкомнатной «мало-семейке», – и завод его сидел в глубочайшей дыре, а рабочие перебивались с хлеба на водку, купленную за разворованные детали (тут уж, охраняй завод или не охраняй, а если зарплаты нет, его непременно растащут). Другой крал миллионами, выстроил себе трехэтажный особняк в реликтовом парке, – а завод его процветал, и никто с него ничего не нес.

Извольский довольно сухо оглядел старика, поздоровался, не подавая руки, и пригласил в свой роскошный кабинет, со стенами, отделанными розовым деревом и с наборным дубовым паркетом.

– Чем могу помочь, Даниил Федорыч? – спросил Извольский, нетерпеливо поглядывая на часы – через полчаса начиналась утренняя «топтушка».

Сенчаков вздохнул и начал рассказывать.

Минут через десять после начала рассказа Сляб поднял трубку и коротко велел Черяге зайти к нему, и после этого они слушали рассказ вдвоем. Директор говорил долго – по-старчески путаясь, перескакивая с мысли на мысль и время от времени переходя от чеченцев и ТОО «Сатурн» к длинным рассуждениям о Сталине, героическом советском народе и преимуществах плановой экономики.

Извольский слушал, не перебивая. Прошло время «топтушки», которую провели без директора, у секретарши обрывался телефон, в предбаннике уже налетали друг на друга посетители, – Сенчаков все говорил и говорил. Было уже одиннадцать часов, когда директор наконец иссяк. Извольский оглядел его внимательными голубыми глазами, поджал губы и спросил:

– Так от меня-то вы что хотите, Даниил Федорыч?

– Мы вам задолжали за броневой лист, – объяснил Сенчаков, – подайте на нас в суд и обанкротьте нас. Сейчас ведь есть ускоренное банкротство.

Извольский побарабанил пальцами по столу. Старик говорил правду – у вертолетчиков было очень мало долгов в бюджет (вот они – списанные деньги по контрактам с «Рено»), при согласии обеих сторон обанкротить предприятие было невероятно легко, и АМК был действительно крупнейшим кредитором вертолетчиков. Повинен в этом, кстати, был все тот же Сенчаков, упорно отказывавшийся платить именно «вору» Извольскому.

– А что это мне даст? – в упор спросил Извольский. – Вместо вас разбираться с генералами? Чтобы уже на мой завод наехали, а не на ваш?

– Вы сами генерал. На вас не наедут.

Извольский помолчал. Сенчаков, видимо, неверно истолковал его молчание и заторопился:

– Мой завод прибыльный! – сказал он. – У нас участок платинового напыления, контракт с «Рено», ракетный контракт – если мы сможем сами заключать сделки на внешнем рынке, мы выживем!

– А почему ты ко мне пришел? – спросил Сляб, – а? Кто меня вором называл? Кто про Сталина и стенку говорил?

Старик опустил голову. Он молчал некоторое время, потом посмотрел Извольскому прямо в глаза и сказал:

– Я не знаю, как так получается. Я не ворую, а мой завод стоит. Ты ворует, а твой завод работает. Я хочу, чтобы мой завод работал.

Это была личная маленькая победа, которую Извольский одержал над коммунизмом.

Спустя полчаса Сенчакова спланировали заместителю директора по производству (под тем предлогом, что сам Сляб в машиностроении не рубит и о возможностях вертолетного завода надо рассказывать спецу). Извольский и Черяга остались одни.

– Ну, что скажешь? – спросил Сляб.

– Сволочи какие, а? Вертушки чеченам сливать! Не, честное слово, были бы лишние бабки, сам бы киллера нанял...

– А то ты раньше не знал, что сволочи. Я спрашиваю – что с Сенчаковым делать?

– А что? У него хорошая идея. Если в наш областной суд подать – так хоть завтра обанкротят.

– А дальше что? Ты там был хоть раз? Это как египетскую пирамиду купить! Сто гектаров цехов, двести вертушек в год – кому двести вертушек нужны?

Черяга задумчиво сказал:

– Знаешь, он на «Жигулях» приехал...

– На каких «Жигулях»?

– Вон стоят...

Извольский подошел к окну, из которого открывался вид на площадку перед заводоуправлением. Площадка была заставлена десятками автомобилей – «Жигулей» и подержанных, но вполне достойных иномарок. Рабочие АМК понемногу отвыкали от трамваев и автобусов. Синий «Жигуль» с ржавым задом приткнулся между внушительным «Мицубиси паджеро» и старой «Тойотой».

– Ну и дурак, раз на «Жигулях», – взорвался Сляб. – Если директор ездит на «Жигулях» – это не говорит хорошо о директоре! Вот если рабочие ездят на джипах – тогда это хорошо говорит о директоре!

Извольский повернулся.

– Ты хоть представляешь, что там надо делать? – спросил он. – Половину рабочих уволить – раз! Все их чертовые детские сады на баланс городу передать – два! Пробрить в Москве разрешение на экспорт вертушек – три! Да это же бочка бездонная, а не завод! Легче взорвать и новый построить!

– Но ведь генералы-то, – возразил Черяга, – видели в заводе прибыль....

– Воровство они видели, а не прибыль! – заорал Сляб, – вертушка пятнадцать лимонов стоит, а они ее чеченцам за три рубля толкнут! Зато все три положат себе в карман! А мне такой бизнес на х... не нужен! А потом – на какой.... мне ссориться с генералами? Очень мне нужно, если из-за этого паршивого ракетного цеха мне сюда ФСБ приедет и станет меня проверять!

Черяга опустил голову. Это было правда. Обанкротить КВЗ было проще простого. Но лучше, чем кто-либо, Черяга знал, что такие конфликты решаются не в суде. И даже не на стрелках. И ввязываться с силовыми структурами в войну из-за девяти гектаров металлолома...

– А ты представляешь, какой это авторитет? – спросил Черяга. – К тебе человек добровольно приполз. И кто – Сенчаков! Коммунист пробитый! Ты его защитишь – к тебе еще двадцать директоров приползет!

– А если сюда ФСБ придет? – повторил Извольский.

– Я – за то, чтобы помочь вертолетчикам, – сказал Черяга.

Извольский помолчал.

– Тогда – под твою ответственность, – сказал он заму.

– В каком смысле?

– В таком. Ты – ходишь в суд. Ты разговариваешь с судьями. К вертолетчикам тоже едешь ты. Все пройдет спокойно – отлично. Можешь давать интервью, как АМК спас завод. А наедут на комбинат – я тебя сдам. Извините, ребята, но это частная инициатива моего зама. Хотел на стороне капусты срубить. Берите его и ешьте. С завода я тебя вышибу. Что с тобой

генералы сделают, меня не касается – пусть хоть чеченам вместо вертушки продают. Мне свой завод, извини, дороже вертолетной помойки.

– Хорошо, – сказал Черяга.

Со времени этого разговора прошло два месяца.

Из них две недели ушли на переговоры с Сенчаковым. По видимости, эти переговоры вел Черяга – на самом деле все до одного условия, выставленные им, принадлежали Извольскому. Условия были непростые – особенно для коммуниста. Со времен приватизации сокращений на заводе не было – Извольский потребовал уволить как минимум треть. Коммунист Сенчаков был горд, что сохранил на балансе завода всяческие детские садики, дома отдыха, подсобные хозяйства и прочие вещи, от которых происходит несварение баланса и превышение расходов над доходами, – Извольский требовал от всего этого отказаться.

Более того – ничтоже сумняшеся, Извольский хотел, чтобы все распоряжения о сокращениях вышли именно за подписью уважаемого народом Сенчакова. Чтобы рабочие не рассматривали происходящее в том смысле, что, мол, был на заводе директор-коммунист и катался народ при нем как сыр в масле, а потом пришел буржуй Извольский и всем показал кузькину мать.

Вертолетчиков обанкротили с молниеносной быстротой.

Черягу вызвали в Москву. В уютном ресторане, контролируемом измайловской преступной группировкой, он встретился с тем самым известным лицом, которое являлось соучредителем ТОО «Сатурн». Известное лицо повторило Черяге предложение, сделанное его референтом Сенчакову.

– Это очень выгодный для завода контракт, – сказала известное лицо, – вы посмотрите, Сенчаков от него отказался, и что? Как просел завод...

Собеседник Черяги пожевал губами, задумался и добавил:

– Хотя, с другой стороны, как посмотреть... Вы ведь их отхватили за полтора миллиона зачетными... Бред какой-то, а? Крупнейший завод – за сорок тысяч долларов, хороший «Мерс» столько не стоит, за сколько вы завод поимели. Ведь это можно и в суде оспорить, как мошеннический сговор...

Черяга молча выслушал известное лицо, достал из дипломата прозрачную папочку с красной каймой и положил ее перед собеседником.

– Это что такое? – полюбопытствовал тот.

– Это документы, – объяснил Черяга, – о том, кто и как продал чеченам вертушки. И платежки на ваш счет на острове Мэн. Копии.

Генерал с изменившимися глазами листал папку.

Черяга перегнулся через стол и схватил собеседника за галстук.

– Только попробуй чего-то оспорить в суде, – ласково сказал начальник службы безопасности Ахтарского меткомбината, – и эта папочка будет на первых страницах газет.

Известное лицо жевало воздух губами, как вытасченный из воды карп. Черяга забрал у генерала папку, сунул ее в дипломат и встал.

– За ужин заплатите сами, – на прощание бросил бывший следак, – денег от чеченов у вас достаточно.

Черяга рассчитал точно. Прошел уже месяц – но на АМК никто не наезжал. Генерал был слишком напуган документами. То есть, во всяком случае, так Черяге тогда казалось.

Было уже восемь часов вечера, когда Черяга с Брелером, радостно возбужденные, ввалились в особнячок на Наметкина. Ребятки, с которыми они приехали, тут же растеклись по этажам, рассказывая подробности только что завершившейся стрелки своим товарищам, просяживавшим штаны за охранной конторкой, а Черяга поднялся на второй этаж и прошел в кабинет Димы Неклясова.

Дима Неклясов, в ослепительной белой рубашке и американских подтяжках, украшенных знаками доллара, сидел за столом и о чем-то беседовал с сидевшим напротив человеком в толстом зеленом свитере.

На звук открываемой двери Дима стремительно обернулся. Лицо у него было растерянным и даже чуть побелевшим, как у мальчишки, застуканного за кражей яблок в колхозном саду. При виде Черяги оно внезапно вспыхнуло надеждой, и Черяга, внутренне холодея, понял: человек в зеленом свитере – это не бандит, не партнер и не старый знакомый.

Это что-то очень плохое.

– Вот, Денис Федорович, спрашивают, моя ли это подпись, – лирическим тенором сказал Дима и протянул Черяге ломкий, чуть потрепанный лист.

И, обернувшись к зеленому свитеру:

– Денис Федорович у нас замдиректора.

– Михаил Опанасенко, старший уполномоченный отдела по борьбе с экономическими преступлениями, город Харьков, – представился тот. Теперь Черяга мог видеть, что свитер у него сбоку подраспустился и заляпан чем-то белым, а джинсы старые и не фирменные.

Черяга механически взял лист – это была официальная бумажка с вензелем «АМК-инвеста» и за подписью Димы Неклясова. Бумажка была направлена в МПС Украины и просила переадресовать 12 вагонов с холодным прокатом, отгруженных в адрес турецкой фирмы «МС-стил», – в город Харьков.

Черяга почувствовал какую-то неприятную дрожь в членах. Сердце упало, и в голове промелькнула одна мысль: «Допрыгались!»

Ибо бумажка, которую он держал в руках, на экономическом языке называлась «лжеэкспорт» и являлась уголовным преступлением.

Суть дела заключалась в том, что хотя комбинат продавал на Запад по документам более семидесяти процентов продукции, – не все эти семьдесят процентов шли на Запад. Некоторая часть оставалась на Украине и в других странах СНГ. В процентном отношении часть эта была совершенно ничтожной, но когда у вас комбинат выпекает семнадцать тысяч тонн проката в день, то даже очень незначительный процент оказывается очень солидным количеством металла.

Проблема в том, что когда вы экспортируете металл на Запад, то государство возвращает вам двадцатипроцентный налог на добавленную стоимость. А когда вы экспортируете металл в страны СНГ, то вышеуказанные двадцать процентов остаются в кармане государства.

Поскольку лишние двадцать процентов всегда приятно получить назад, комбинат поступал таким образом: вагоны грузились сталью, закупленной «АМК-инвестом» или «Стилвейлом», двумя основными торговыми агентами комбината. В сопроводительных документах указывался пункт назначения: Венгрия или Румыния. Товар пересекал границу, таможня ставила отметку, отметка в документах ехала в налоговую инспекцию как основание для возврата НДС. Как только прокат попадал на Украину, на железнодорожной станции Конотоп происходила переадресовка груза. В адрес железной дороги приходило письмо из «АМК-инвеста» или «Стилвейла» с просьбой отправить вагоны в Донецк или Харьков.

Завершающим звеном цепочки являлся начальник железной дороги, который подписывал переадресовку, но не ставил в известность российские налоговые органы. За эту маленькую снисходительность начальник получал большие деньги. В отличие от других налоговых кунштюков, используемых АМК, лжеэкспорт был чистой воды уголовщина и прямое налоговое воровство.

Такова была одна сторона медали.

Другая сторона медали заключалась в том, что две высокие договаривающиеся стороны, сиречь правительства Украины и России, все никак не могли договориться с собой о порядке взимания НДС. В результате Россия заявила, что она будет взимать НДС со своих производи-

телей, которые поставляют товар на Украину, и не будет взимать его с украинских производителей, которые продают его в России. А Украина заявила, что она поступит наоборот: не будет взимать НДС со своих экспортеров и будет взимать его с российских импортеров.

В связи с чем украинские товары, продававшиеся в России, не облагались НДС вообще, а российские товары, ввезенные в Украину, облагались сорок четыре процента налога (двадцать процентов российского НДС плюс на них же начисленные двадцать процентов украинского НДС). При таких ножницах в цене любой российский товар вылетал с украинского рынка со скоростью, близкой ко второй космической. Россия была обречена на то, чтобы уступить огромный украинский рынок машиностроительных и трубопрокатных заводов французским, немецким, австралийским конкурентам.

Извольский этот рынок терять не собирался и с полным основанием полагал, что его действия приносят выгоду не только комбинату, но и России. А если для соблюдения стратегических интересов России требовалось нарушать уголовный кодекс, – то на то и существует замдиректора по безопасности. Зря, что ли, Извольский взял на эту должность не битюга из «Альфы», не армейского полковника, а человека из генеральной прокуратуры, вхожего в правительственные кабинеты?

Ведь что ни говори, а главная опасность заводу угрожает не со стороны отморожков, которые сдуру забивают свои идиотские стрелки, а со стороны какого-нибудь немецкого Круппа, который тоже облизывается на украинский рынок. Крупп вполне может заинтересоваться, из какой такой прорехи какой-нибудь украинский «Южмаш» берет дешевую русскую сталь, – и заинтересовать этим странным обстоятельством местную прокуратуру. И все. И плакал украинский рынок. Крупп – на Украине, ты – в полном неглиже, а что законы – идиотские и кто-то из российских политиков при сочинении этих законов тоже огреб взятку от Круппа, только несравненно большую, чем украинский прокурор, – кто это докажет?

– Так это ваша подпись? – настойчиво повторил украинец.

– Я... э... – мне трудно ответить. Ведь это копия. Если бы вы показали мне оригинал...

– Но вы подписывали такую бумагу?

– Слушайте, Валентин Михайлович...

– Михаил Валентинович, – поправил опер.

– Послушайте, Михаил Валентинович, я подписываю по сорок бумаг в день. Неужели я могу вспомнить, что я подписывал, а что нет?

В голосе гендиректора «АМК-инвеста» звучали плаксивые нотки примадонны, обнаружившей в своей уборной труп.

Черяга шагнул вперед.

– Михаил Валентинович, – ласково сказал он, – сейчас конец рабочего дня, Дима уже переутомился, если бы вы пришли пораньше...

– Я пришел три часа назад, – не без злорадства сообщил опер, – у господина Неклясова не было времени меня принять.

Черяга выругался про себя. Офонареть! Кто знает, зачем приехал этот урод? Пятьдесят на пятьдесят, что он заявился доложить о кознях своего начальства и прощупать почву: сколько АМК отвалит за прекращение дела? И вместо это Неклясов маринует его в предбаннике.

– Дима был очень занят, – виновато сказал Черяга.

– Конечно. Он не меньше получаса диктовал своей секретарше, наедине, после чего она вышла, поправляя юбку...

В голосе оперативника слышалась плохо скрываемая злость. Честное слово, кто-нибудь когда-нибудь закажет Неклясова, киллер явится в предбанник полюбопытствовать, не перекупит ли жертва заказ, – но Дима наверняка не удосужится его принять.

Теперь было важно увести оперативника от Неклясова. Тот все равно уже вызывал неадекватные реакции у человека, наверняка явившегося прямо с поезда и просидевшего три часа в приемной без жратвы и чая...

– Пойдемте, – сказал Денис, нежно увлекая за собой украинского защитника закона, – я думаю, я все сумею объяснить. В конце концов, я зам директора...

– А вы зам по каким вопросам? – уточнил оперативник.

– По безопасности.

Оперативник задумался, а потом шагнул в предбанник вслед за Черягой. Это был хороший знак.

– Собственно, – озабоченно взглянул Черяга на часы, – уже действительно поздно. Вы ужинали?

Хохол покачал головой.

– Нет.

– Ну вот те раз!

Черяга решительно пробежал вниз по лестнице, увлекая за собой опера, и через минуту они уже стояли на широком бетонном крыльце.

– Куда бы вам поехать... – задумался вслух Черяга, – вы в какой гостинице остановились?

– Я не успел, – буркнул хохол. И тут же чистосердечно пожаловался:

– У вас в Москве все так дорого! Номер триста рублей! Нам столько не оплатят. У нас есть ведомственная гостиница, в Строгино, так я туда поехал, а там мест не было. Вещи отдал, они мне сказали, если к вечеру мест не будет, где-нибудь в холле можно будет переночевать...

Черяга искренне всплеснул руками.

– В Строгино! – сказал он. – Да ведь это от нас на другом конце города!

Черяга вытащил мобильный телефон, набрал номер, потолковал.

– Вот, – сказал он, – у нас ведь тоже есть несколько представительских квартир, одна как раз пуста, здесь недалеко, на Юго-Западе... Собственно, это не квартира – гостиница за городом...

Глаза оперативника зашныряли по сторонам, как две крысы в пустом подвале.

– А это дорого? – уточнил хохол.

– Да вы не беспокойтесь! Нам это все равно. Есть гость, нет гостя – дом-то стоит! Место отличное, Рублевское шоссе, рядом ресторан «Царская охота», – вы никогда в «Царской охоте» не были?

В «Царской охоте» украинец, натурально, никогда не был. Но даже в своем Харькове он слышал, что есть-де на Рублевке ресторан «Царская охота» и знаменит он тем, что кормили в нем президента Клинтона, и не отдельно, а вместе с обычными посетителями, как-то: ворами в законе, вице-премьерами и банкирами...

Украинец напряженно думал. С одной стороны, было ясно, что, дав согласие поселиться за счет подозреваемого комбината в «представительских апартаментах», он вывешивает себе на шею табличку «сдается в наем». А с другой стороны – когда еще нищему хохлу доведется поесть, как президент Клинтон?

В эту минуту к Черяге с оперативником мягко подкатился черный «БМВ», из него выскочил водитель в кожанке. С крыльца пробежал Юра Брелер.

– Сережа! – сказал Черяга водителю раньше, чем украинец выбрал между достатком и честью, – отвезешь человека к нам в гостиницу. У человека вещи в Строгино, пока они ужинают, ты туда заедь и вещи заberi. А ты, Юра, проследи, чтобы его в гостинице устроили как полагается, да заедьте поужинайте – вон, покажи человеку «Царскую охоту».

– И вообще – обернулся Черяга к украинцу, – пока вы в Москве, Сергей – ваш водитель. Куда надо отвезет и подождет. В машине телефон, если что надо, в любой момент можете со мной связаться. Хорошо?

Оперативник колебался. Видно было, что его голодное и озябшее воображение уже рисует ему тарелку дымящегося экзотического супа на белейшей скатерти, и огонь, потрескивающий в мраморном камине «представительских апартаментов», и черное округлое тельце моби́льника на «торпед» стремительного и мягкого «БМВ»... И вместо всего этого – вонь, грязь, ночевка в холле в грязном Строгино, склизкие пельмени в дешевой забегаловке и давка в метро?

– Как-то... э-э... – начал оперативник.

– Это не налагает на вас никаких обязательств! – вскричал Черяга. – Я десять лет работал в органах, я сам знаю, что такое командировки! Пусть у вас будет время сосредоточиться на своей работе!

Юра ненавязчиво подталкивал оперативника к раскрытой дверце машины. Черяга нес что-то учтиво-восторженное. Полированный бок «БМВ» блестел в гроздьях мощных фонарей, окружавших подъезд.

Украинский оперативник сам не заметил, как очутился в машине. Брелер немедленно вскочил на заднее сиденье, охранник поднял шлагбаум, «БМВ» плавно выскользнул наружу, и через минуту его габариты растаяли в лавине красных огней, плывущих по вечерней московской улице.

«Дешевка ты, братец», – осклабился Черяга.

Впрочем, результат был совершенно предсказуем. Не то чтобы честных оперов и следаков не было вообще. Они были, и Черяга знал это лучше кого-либо другого. Были честные менты, которые расследовали убийства, грабежи, изнасилования. Были даже честные менты, которые охотились за бандитами и ворами в законе. И гнили, конечно, там хватало, но самой отвратной гнили было ровно поровну с самым поразительным идеализмом.

Но вот те, кто расследовал коррупцию и экономические преступления – у тех ничего, кроме гнили, не было. Эти всегда либо выполняли заказ, либо сами охотились. Объектами самостоятельной охоты становились, как правило, мелкое и среднее зверье, а уже если у какой фирмочки не было крыши... Какой дурак сказал, что если у фирмы нету крыши, на нее непременно наедут «пробитые»? Отморозки как раз не всегда наедут, промахнутся, а вот налоговая полиция навестит совершенно точно. Раздербанит кабанчика, распродаст оборудование по дешевке собственным карманным фирмешкам и, что характерно – ни одна из этих фирмешек, как правило, даже тех жалких копеек, за которые ей все продали, в бюджет не перечислит. А значит – долг раздербаненной фирмы государству не уменьшится.

Поэтому если бы к Черяге пришел мент и, козырнув, спросил: «А скажите, это не машина гендиректора Извольского третьего дня сбила старушку?» – то Черяга вполне мог бы допустить, что мент горит желанием защищать старушек от «новых русских», тем более что ездил Извольский с несказанным хамством и только бог его до сих пор берег от задавленных старушек. Но что обэповец действовал не от себя – этот факт обсуждению не подлежал, как не подлежал обсуждению тот факт, что солнце восходит на востоке, а баиньки уходит на западе. Очевидно было также, что в силу величины АМК не может быть объектом самостоятельной охоты, но только заказа.

Охота же могла идти: на начальника железной дороги. На постоянных украинских партнеров АМК, – ведь не на базаре же продавали стальной лист. И, наконец, на сам комбинат. В первом случае речь шла о местных украинских разборках, и оперативник приехал срубить капусту на стороне и прицениться: сколько денег отвалит АМК за то, чтобы его имя не впутывалось в чужой бракоразводный процесс.

Во втором случае на сибирского изюбря, скорее всего, охотились иностранные конкуренты, горящие желанием заполучить место АМК на рынке. Более экзотические версии (вроде банка «Ивеко», желающего отомстить за летний срам, или областной администрации, намеренной таким путем нажать на комбинат) не то чтобы не следовало принимать во внимание, но

думать о них надо было в последнюю очередь, руководствуясь принципом Оккама и не умножая сущностей сверх необходимости.

Во втором случае цена откупа многократно возрастала, и Черяга был намерен ее капитально снизить. Проживание украинского оперативника в представительских апартаментах на Рублевке было первой стадией снижения цены.

Еще полгода назад человек, намеревавшийся сделать с оперативником то, что намеревался сделать Черяга, вызвал бы у него живейшее омерзение. «Наверное, деньги все-таки портят человека, – философски отметил Черяга. – Наверное, не только нищий оперативник ведет себя при виде „БМВ“ как кобель при виде суки.»

Потом он докурил сигарету, решительно растоптал ногой окурки и поднялся на второй этаж – оставить инструкции относительно хохла.

Было уже семь часов вечера, когда новоиспеченный бригадир по кличке Витя Камаз вошел в роскошный номер гостиницы «Лада», облюбованной его шефом Ковалем в качестве штабного пункта.

Коваль – невысокий жилистый мужик лет пятидесяти – с любопытством наблюдал явление Вити в двери, ибо облик Вити Камаза излучал растерянность и смятение. А растерянный Витя Камаз был такая же несообразность, как растерянный шкаф. Если бы у Вити Камаза был хвост, то он держал бы хвост между ног.

– Ну, как успехи? – спросил, саркастически улыбаясь, Коваль.

– Там вертушка была, – сообщил Камаз.

– Какая вертушка?

– Вертолет! Боевой! – истерически выкрикнул бригадир. – Новый! Развернулся, пушки – 30 миллиметров. Подвесные блоки с ракетами! Он спрашивает: «Есть вопросы?».

– Так, – усмехнулся Коваль, – вертолет, значит? Испугался? В штаны наложил?

Голос Ковалья был страшен.

– Ты! Щенок! Тебя человеком поставили! Тебе что сказали? Тебе сказали – на стрелку придет Черяга! Со стрелки Черяга не уедет! А ты – вертушка... Пушка в шесть стволов! А маслины к этой пушке есть? Или она пустая? А?

– Ракеты были точно настоящие, – угрюмо сказал Камаз, – летчик – ас! Машину по струночке вел...

Пожилой человек в кресле не двигался, рассматривая качка внимательными каменно-угольными глазами, и под взглядом человека, которого он мог бы разорвать напополам голыми руками, Витя Камаз как-то стушевался и опустил глаза.

– Ты, парень, – раздумчиво произнес Коваль, – серьезный косяк упорол. Тебя на стрелку с фраерами послали, а тебя лохи, можно сказать, уделали... Зам директора.... Вертушка, говоришь? Миль или Камов?

– Ми. Только не двадцать восьмой, а какой-то новый. У «Милей» два винта, хвостовой сидит сбоку, а у этого хвостовой фронтально по направлению полета, как у американского «Апача». И крылышки у «Ми» под углом к земле идут, а у этого почти горизонтально и этикие кургузые, да и морда поуже будет...

Коваль задумался. Интересный расклад. Откуда за пять часов этот Черяга мог спроворить новую вертушку с полным боезапасом? Из вертолетного полка? Вряд ли – у них, болезных, небось, третий год нет новых машин. Значит, на заводе? Ну конечно, Конгарский вертолетный..

– Иди прочь, – сказал Коваль.

– А Черяга?

– Иди прочь... Утро вечера мудренее.

Витя Камаз вышел от шефа донельзя расстроенный. Ему хотелось что-нибудь выпить, но в баре «Лады» в этот ранний час сидели одни братки – облагороженные, в пиджачках и костюмчиках, но все равно – братки. Языки у них были, как у деревенских баб в очереди за хлебом,

всех тонкостей произошедшего они не знали, а знали только, что новоиспеченный бригадир форменным образом оформшился, от большого ума забив стрелку фирмочке, которой ставил крышу какой-то промышленный гигант. И точно – из-за погруженного в полутьму столика лениво встала какая-то фигура, пьяно поинтересовалась:

– Эй, Камаз! Правда, что тебе радиатор из авиационной пушки расквасили?
Послышался гаденький смех.

Витя Камаз развернулся к обидчику, и смех мгновенно умолк. Внешний облик Вити даже у пьяного отморозка напрочь отбивал охоту смеяться бригадир в лицо.

Камаз постоял-постоял, повернулся и пошел к выходу, прихватив в баре бутылку зелья. Его старый сосед по двору, а ныне – член бригады по кличке Черт, дожидался его на улице в скромной «девятке». Во взгляде его читался невысказанный вопрос: ну как, турнули из бригадиров или нет?

Камаз забрался на заднее сиденье, до отказа заполонив машину.

– Может, Вить, девочек снимем? – спросил Черт.

– Давай.

Черт завел мотор, машина скользнула от тротуара.

Камаз, на заднем сиденье, сосредоточенно думал.

Внешность у Вити Камаза была чрезвычайно обманчивой. Более всего анфас долголаптевский бригадир напоминал тяжелый сервант, – да и профиль у него был соответственный. Короткий, мощный торс венчала непропорционально маленькая голова с короткой стрижкой. Ворот рубашки был всегда раскрыт, так, что случайный собеседник видел шрам на волосатой груди и толстую золотую цепь. Нос у Вити Камаза был перебит в спортзале, в щербатом рту вечно перекачивалась жвачка. «Дебил», – думал каждый, кто бросал взгляд на Витю, – и фундаментально ошибался.

Витя Камаз был очень умный парень. Он даже умудрился отучиться на трех курсах механико-математического факультета МГУ. Как это ни парадоксально, Витя Камаз был отличником, а отчислен был по весьма уважительной причине: он попался на грабеже богатой квартиры действительного члена Академии Наук, каковую квартиру неоднократно навещал в качестве любимого ученика. Грабители указали на Витю как на наводчика, но потом взяли свои показания обратно, Витя просидел шесть месяцев в СИЗО и вышел чистым. Однако за это время буйная половина Витиной натуры окончательно взяла верх над математической и созерцательной составляющей, и уже через три дня после освобождения Витя залетел по хулиганке на пятнадцать суток.

Общаясь со своими новыми знакомыми, Витя очень быстро сообразил, что споры о теореме Геделя никакой, даже самый авторитетный «хозяйский» поддерживать не в состоянии. Более того – оказалось, что дебильная внешность Вити дает ему колоссальное преимущество, если, конечно, не стараться разубедить собеседника. Чтобы выглядеть дураком в глазах вышестоящих и при том поступать умно, Витя Камаз придумал очень мудрое правило: он всегда спрашивал совета у старших. Если же совет давался старшим не к вящей выгоде Вити Камаза, а к вящей выгоде старшего или, того хуже, имел целью Витю подставить, то обычно как-то так выходило, что Витя, вследствие неодолимых обстоятельств или собственной глупости, совета не выполнял. И старшему только оставалось пожать плечами и процедить сквозь зубы: «Ну что с него возьмешь? Бычара безмозглый».

Поэтому даже Коваль, который, казалось бы, знал Витю неплохо и, конечно, понимал, что парень вовсе не такой безмозглый качок, как кажется, не подозревал все же, насколько опасен новый бригадир.

И сейчас Витя Камаз мучительно думал над вечерним происшествием, и чем дальше, тем меньше оно ему нравилось. Дело было, как ни странно, вовсе не в вертушке. С вертушкой, так поразившей воображение Витиных поделщиков, было как раз все более или менее ясно.

Вертушка новая – значит, не армейская. Не армейская – значит, с завода или даже из КБ. С завода – значит, с такого, на который Ахтарский металлургический комбинат поставляет броневую сталь. Или еще какая-нибудь похожая завязка.

Дело было в другом.

Витя Камаз, будучи человеком неглупым, прекрасно представлял себе, что такое Ахтарский металлургический комбинат. В здравом уме и твердой памяти он никогда бы не наехал на его московский филиал. Но в тот день, когда его назначили бригадиром, Коваль поманил Витю пальцем и сказал, старчески покашливая:

– Да, кстати, эти, которые рядом с «Океаном», – пробей их.

Витя Камаз ожидал, что его выкинут из особнячка жопой кверху. Вместо этого ему с ледяной вежливостью забили стрелку.

Верный своим привычкам, Витя зашел к шефу посоветоваться и получил неожиданный приказ:

– Туда приедет Черяга. Зам ихний. Придерешься к чему-нибудь и завалишь.

– Черягу? – уточнил ошеломленный Камаз.

Камаз вышел от босса в некотором смятении, видя в происходящем два логических непорядка. Непорядок первый заключался в том, что он, Камаз, забивал стрелку не Черяге, а московскому Брелеру. И если Коваль знал, что на стрелку пожелует именно Черяга – значит, кто следил за Черягой и знал, что тот в Москве (что, прибыв в Москву, зам по безопасности отправится на стрелку сам, а не пошлет заместителя – это было естественно).

Непорядок второй был куда крупнее. Было совершенно ясно, что забивать стрелку АМК – это все равно что забивать стрелку ЛУКойлу. Или «Газпрому». Не в том, конечно, смысле, что этим структурам не прищемить хвост – а в том, что не сопливному бригадиру за это браться. Это – другой уровень...

То есть это, конечно, не означало, что стрелку забить нельзя. Любой уличный отморозок, с прямой кишкой вместо головного мозга, вообразивший себя крунее папы римского, мог бы это сделать, – и, посмотрев на себя в зеркало, Витя Камаз мог убедиться, что он выглядит точь-в-точь как искомый отморозок.

Отсюда вытекало несколько неприятных истин. Во-первых, бригадиром его назначили по внешним данным, чтобы у АМК не возникло вопросов, по чьей инициативе на них наехали. Во-вторых, уж очень все красиво *залегандировано*. Нужно убрать одного из верных людей Извольского, – у группировки, держащей район московского офиса, погибает бригадир, вместо бригадира назначают пробитого качка, пробитый качок на стрелке гасит Черягу... Черт возьми, уж очень кстати вылетел в кювет Джек-потрошитель! Может – ему тоже помогли?

Возникает вопрос – зачем мочить человека на стрелке, если можно просто нанять киллера? Ответ: убийство Черяги киллером поставит АМК на уши. Оно докажет, что у комбината есть могущественный противник. Это же касается и любого «несчастливого случая» с Черягой. Другое дело – стрелка. Виновник налицо, мотив ясен – безмозглый качок не сообразил, на что хвост пружит...

А из этого вытекала третья неприятность. А именно – что для завершения операции безмозглого качка тоже надо зачистить. Иначе гендиректор по кличке Сляб за своего зама будет землю рыть, полгруппировки пересажает... Другое дело, если Коваль Витю пристрелит, перевяжет розовой ленточкой и труп выдаст Извольскому: вот он, урод ваш, а мы тут ни с коего бока непричастные.

Вите Камазу совершенно не хотелось играть роль переводного векселя, с помощью которого разные неродные ему люди будут решать всякие не относящиеся к Вите проблемы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Игра в чужом казино

Было уже десять часов тридцать минут – два с полтиной по ахтарскому времени, когда Денис, зевая, спустился по ступенькам московского особняка. Черная «Ауди», тихо журча, ожидала его у самого входа, подобно послушной собаке.

– В гостиницу? – спросил шофер, когда Черяга, ежась от внезапного порыва ветра, уселся на заднее сиденье.

Инструкции насчет украинского визитера были отданы, спать хотелось отчаянно. Однако завтра в Москву приедет Извольский, а приехав, непременно справится о Коле Заславском.

Человек неопытный попытался бы объяснить шефу, что дела более важные, как-то: разборка с отмороженным бригадиром и обвинение в лжеэкспорте – отвлекли внимание шефа безопасности комбината от случившейся недостачи в персонале. Но Черяга был человек опытный и знал, что на Извольского такие, с позволения сказать, отговорки не действуют. Ирония судьбы состояла в том, что за леность в поисках потерявшейся гаечки по имени Заславский Черяга получил бы не меньший втык, чем за проваленную разборку или взбешенного хохла. Прецеденты уже были: как-то после аврала, вызванного визитом налоговой полиции, Извольский призвал в кабинет главбуха и осведомился, подготовлена ли смета на закупку новогодних игрушек (!) для опекаемого комбинатом детского дома. Главбух попробовала оправдаться и через две минуты вылетела из кабинета директора, сопровождаемая воплем: «Я вам не затем плачу, чтобы вы штаны просиживали!» и тушкой пикирующего телефона. Между прочим, главбух была не в штанах, а в юбке и высоких «шпильках», одну из которых она с перепугу потеряла в кабинете директора. Утром шпильку подобрала уборщица.

Извольский не столько был деспотом, сколько считал естественным, что подчиненные должны вкалывать никак не меньше босса, а сам Извольский вкалывал, как землеройный автомат. Денис был свидетелем тому, как после переговоров, закончившихся в полтретьего ночи, директор сел в машину и... позвонил журналисту, бравшему у него интервью. «Вот теперь, – радостно объявил Сляб человеку, ворочающемуся спросонья по ту сторону трубки, – будем редактировать текст!»

Поэтому, если Черяга завтра не хотел уворачиваться от брошенного телефона, ему надлежало проявить несколько больше рвения в деле розыска заблудшего племянника первого зама губернатора, чей портрет чем дальше, тем больше отличался от морального облика праведного строителя капитализма.

– В «Серенаду», – сказал Черяга, откидываясь и закрывая глаза.

Поспать Черяге не удалось: «Серенада» находилась в пяти кварталах от особняка, на территории, контролируемой, как нетрудно догадаться, все теми же долголаптевцами.

Семиэтажное гранитное здание, стоявшее на изрядном удалении от дороги, было заткано неоновыми огнями, под козырьком ходили внимательные и поджарые швейцары с рациями, рядом тянулся хвост одинаковых такси, бесплатно развозивших по домам упившихся и проигравшихся клиентов. По ту сторону козырька начиналась неожиданно темная и пустая стоянка для автомобилей.

Швейцары окинули человека, вылезшего из черной «Ауди», равнодушным взглядом, и спустя минуту Черяга беспрепятственно миновал металлодетектор, предъявив для инспекции обыкновенный мобильник. Разрешение на ношение оружия у Черяги было, но действовало оно только в городе Ахтарске. А вот у Сляба разрешения не было, что, характерно, не мешало ему держать в верхнем ящике рабочего стола девятимиллиметровую «Беретту-компакт» с магазином на тринадцать патронов.

Игровые столы занимали весь первый этаж здания; вокруг с энтузиазмом тусовался самый разнообразный народ, от дам в изысканных вечерних туалетах, в которых минимальное количество материи стоило максимальное количество денег, до непонятного вида товарищей в потертых джинсах и с усталыми глазами автослесарей.

Широкая мраморная лестница вела на второй этаж, где располагались ресторан и эстрада; по лестнице тек непрерывный поток игроков, как правило, сопровождаемых дамами. Приятные мальчики в безукоризненных пиджаках стояли у стен и следили за порядком. Наверняка у этих мальчиков, если знать, можно достать и таблеточки с серпом и молотом, и его высокоблагородие кокаин. Все можно достать, не считая вульгарной ханки, в этом месте ханки не сыщешь, как в английском клубе не сыщешь махорки... Наверное, Черяге не стоило сюда соваться спустя пять часов после разборки с Камазом, но с другой стороны – не начистят же эти мальчики ему чавку? Такие приличные мальчики....

И в самом деле, Черягу как будто никто не трогал. Он походил между столами, за которыми занимались, с его точки зрения, совершенно бессмысленным процессом потери сотен и тысяч долларов в надежде обмануть его величество случай, спустил какую-то мелочь в рулетку и, наконец, оказался плечом к плечу с красивой девочкой в коротком красном платье, сидевшем на молодом тельце, как скорлупа на яйце. Девочка невзначай задела его остренькой грудкой, когда перегибалась, чтобы поставить на красное, как-то завязался разговор, они незаметно выбрались из толпы, окружавшей столики, и Денис сказал, что он впервые в этом казино, а рекомендовал ему «Серенаду» его приятель Коля Заславский.

– Вы его, кстати, не видели?

Девочка наморщила лобик. Она явно была из местных профессионалок, но очень свеженькая, хорошенькая.

– Коля? Это который Томке квартиру снял?

Денис наобум кивнул.

– Какие люди – и без охраны!

Денис обернулся.

За его спиной, улыбаясь холодной улыбкой древней статуи, стоял невысокий худощавый человек лет пятидесяти. У человека были белые, редющие к макушке волосы и слегка выкаченные глаза. Безукоризненно пошитый костюм и крокодиловые туфли от Джона Лобба не мог скрыть легкой несоразмерности тела: слишком короткие ноги и слишком длинные руки делали обладателя крокодиловых туфель похожим на большую и умную обезьяну. Несмотря на то что Денис никогда не видел этого человека, он его мгновенно узнал по фотографиям: это был Виктор Ковалев, он же Коваль, он же Витя Арап, – негласный хозяин всех здешних угодий, от улицы Мосфильмовская до Варшавского шоссе, вступивший в права владения полтора года назад по смерти своего двоюродного брата, тоже вора в законе.

Коваль тоже никогда не видел Черягу живьем.

– Рад познакомиться, Денис Федорыч, – произнес Коваль. – Каким ветром в наше скромное заведение?

– Развлекаюсь, Виктор Матвеич, – коротко сказал Черяга.

– Развлекаетесь – это хорошо, – одобрил Коваль, – а то ходят о вас слухи, что работают у вас, как Ленин на известном портрете. Помните: «Встану – Ленин вновь читает, он встает чуть свет». Надо больше развлекаться. А то совсем засохнете, мы без вас скучать будем...

Коваль засмеялся, обнажая крепкие желтые зубы, и стал еще больше похож на породистую гориллу.

– Ужинали? – спросил Коваль.

Денис отрицательно покачал головой. Коваль как-то по-особому качнул рукой, и тут же один из его спутников помчался на кухню распоряжаться.

– Пойдемте, Денис Федорыч, – сказал Коваль.

Они поднялись на второй этаж на директорском лифте, прошли каким-то полуслужебным коридором и оказались в небольшом кабинете. Посреди кабинета стоял стол, накрытый хрусткой свежей скатертью, со стен струился голубоватый галогенный свет, откуда-то издалека доносился шум ресторана.

Неслышно на пуантах влетел халдей, поставил бутылку вина, бокалы и целое блюдо свежей зелени, из которой аппетитно круглились цельнокроенные половинки красных помидоров, сверкающие капельками влаги на тугой, как грудки девочки, коже.

– Ну, герой! – с легким сарказмом сказал Коваль, усаживаясь в кресло и рассматривая собеседника живыми черными глазами, – по всей Москве шухер прошел: Черяга на разборки на вертушке летает...

– Стараемся, – скромно сказал Денис.

– А если б Камаз стрелять начал? А? Побили бы твою дорогую технику...

– Почему побили? – пожал плечами Черяга, – вертушка новая, огневая мощь побольше, чем у «Апача», на турели под фюзеляжем авиапушка тридцатимиллиметровая, скорость стрельбы восемьсот выстрелов в минуту, система целеуказания позволяет управлять бортовым и стрелковым вооружением движением головы, впервые, кстати, в России, по бокам тоже все снаряжено....

А из автомата ее не побить. Кабина бронированная, лопасти полностью композитные, сохраняют боеспособность при попадании чего угодно калибром до пятнадцати миллиметров... Мечта, а не машинка.

– Вооруженная, значит, вертушка?

– Значит, да.

Коваль со вздохом покачал головой.

– Пропорил я, значит, – сказал вор, – я с умными людьми об заклад побился. Они говорят, что вертушка с оружием была, а я говорю: «Нет, Черяга умный фраер, не мог он так такой косяк упороть».

Денис насторожился.

– Ведь так твоя вертушка полетела, в Тушине села, вечером бы в Рязань вернулась или откуда она там снялась... А если б стрельба была? Да менты бы на уши встали: как так, нафаршировали людей из авиационной пушки! Тут уж неважно, кто, кого – подвел бы ты завод, и конгарцев подвел, у них еще с директора обвинение не сняли, что он вертушки чехам гнал, а тут пожалуйста – бандитская разборка с заводским изделием...

Денис невольно закусил губу. Вор был прав, а он, Денис, все до конца не продумал. То есть просто страшно представить, что бы с ним сделал Извольский, если бы на пустыре началась стрельба. Извольский его бы лично на кусочки изорвал, ментовке только оставалось бы прийти с совком и метелкой и все, что осталось от Черяги, подгрести... Другое дело, что Денис был уверен – не станет Витя Камаз стрелять по боевому вертолету, будь он хоть четырежды пробитый.

– Камазу, конечно, я по ушам дал, как услышал, – продолжал мерно журчать Коваль, – на кого, говорю, полез? У тебя бригада, а не ансамбль художественной самодеятельности... Из бригадиров я его вышиб, ты уж на дурака зла не держи, отморозки везде попадают.

– Не держу, – коротко сказал Денис. Знал или не знал Коваль о наезде – сейчас было не время выражать свои сомнения по этому поводу.

– А может, и зря ему по башке дали, – задумчиво сказал Коваль, – на вас ведь многие тянут... Много хороших людей возле вас полегло... Кое-кто за Сашку Негатива готов был пасть порвать... Сходняк собирали, убийц хотели искать... Скажи спасибо – ссучился Негатив в последние годы, депутатом стал, с ментами дружил, в общак платил мало...

Денис сидел не шевелясь. Стукнула дверь, неслышный официант скользнул к столу, расставил закуски, сдернул с закрытой мельхиоровой крышки посуды льняную белую салфетку и выскользнул тихо, как рыбка гуппи.

– И вот еще какая арифметика скверная: утром Негатива завалили, а вечером тебя замдиректором назначили.

Приказ о назначении Черяги был подписан на следующий день, но в принципе арифметика получалась действительно красноречивая.³

Черяга невозмутимо наколот на вилку помидорчик, пододвинул к себе тарелку с горячей закуской – ей оказались крабы, и это неожиданно успокоило Черягу. Крабами Черягу угораздило отравиться месяца два назад, и с тех пор он крабов терпеть не мог. В очень подробном досье эти сведения могли бы содержаться – стало быть, нет у них на него очень подробного досье.

– Ну да ладно, – сказал Коваль, – кто старое помянет, тому глаз вон... Тут вот какая запутка вышла: один наш клиент технику поставлял. Фирме «Сокол». Город Ахтарск. Не знаешь, что за фирма?

– У нас город большой. Всех не припомнишь, – отозвался Черяга. – Могу узнать.

– Ты узнай, Денис Федорыч. Они через месяц заплатить обещали, уже семь прошло, люди денег ждут, волнуются... Неправильно они себя ведут.

– А как ваша фирма называется?

– «Инвестал-плюс». У них офис в трех кварталах от вас. Хорошие ребята, молодые, – а их на пол-лимона кинули. Если все сам сделаешь, я с них даже лавэ не возьму, грех ребят обижать...

Черяга некоторое время колебался. Потом вытащил из кармашка телефон. Решительно взглянул на часы – в Ахтарске было уже не сегодня, а завтра – плевать.

– Как директора зовут?

– Решетников, а имя не помню.

Звонок Черяги, видимо, поднял Володю Калягина, начальника промышленной полиции, с постели.

– Але!

– Это Денис, – сообщил Черяга в трубку. Ты Решетникова такого знаешь, фирма «Сокол»?

– У него много фирм, – отозвался заспанный голос, – сегодня «Сокол», завтра «Беркут», послезавтра еще какая-нибудь канарейка...

– Кто ему крышу ставит?

– Менты.

– Номер его дай.

Трубка сипела и крикала, пока заспанный Калягин тыкался в поисках базы данных. До Черяги донесся сдавленный женский крик, потом тихий шепот: «Иди сюда, милый...»

– Направь к его дому патрульную машину, – сказал Черяга, когда Калягин продиктовал номер.

– И что?

– А ничего. Пусть стоят и ждут. А он пусть на них в окошко посмотрит. Скоро доедут?

В трубке произошла какая-то заминка, прерываемая шорохом электрических разрядов и хрипом служебной рации – Калягин общался с патрулями по подручному средству связи. Потом трубку взяли опять:

– Считаю, ребята уже на месте. Там экипаж по соседству крутился.

³ События, приведшие скромного следователя Дениса Черягу на пост замдиректора по безопасности, описаны в предыдущем романе «Стальной король».

Решетников отозвался по домашнему телефону, что было самым оптимальным вариантом.

– Это Решетников? – спросил Черяга.

– Ты который час знаешь? Третий час, урод, ты кто такой?

– Я Черяга, – сказал Денис в трубку, – ты у фирмы «Инвестал» технику брал?

В трубке на глазах просыпались.

– Брал, – сказал Решетников.

– Деньги через месяц обещал перевести?

– Да понимаете, Денис Федорыч, – сказал Решетников, – кризис, ничего не раскупили...

– Ты за сколько месяцев до кризиса контракт заключал? За три?

– Да...

– Ты им завтра деньги переведешь, понятно? – сказал Черяга, – или с тобой не я буду разговаривать.

Трубка что-то заблеяла, но Черяга уже захлопнул телефон.

– А патруль зачем высылал? – полюбопытствовал Коваль.

– А для впечатления. И чтоб не удрал с перепугу.

– Предусмотрительный... а если он ничего не переведет? – спросил Коваль.

– Делай с ним что хочешь. Комбинат вмешиваться не станет. Только учти – у нас город сучий и крыша у «Сокола» ментовская...

– А патруль чей? – удивился Коваль.

– Промполиции.

Неслышный официант принес еду – какие-то морские гады на гриле, горшочки с куропатками и огромное фарфоровое блюдо со свининой и бараниной, плававшей в терпком ароматном соусе.

Черяга рассеянно принялся за куропатку, разговор между собеседниками ненадолго умолк.

– Ты хорошим людям помог, – сказал Коваль, – правда. Если у вас какой сканер испортится, ты им звони, они тут же бесплатно поставят... Должники твои... Кстати, ты зачем в казино пришел? Какого-то Заславского спрашивал?

Черяга подумал.

– Парень у нас один куда-то пропал, – ответил Черяга, – директор фирмочки. Говорят, он у вас часто играл. Может, проигрался?

– Фото есть?

Черяга вынул из-за пазухи снимок.

Коваль позвонил по внутреннему телефону, белевшему на особой стойке, и через полминуты в дверь кабинета вошла красивая девица в короткой красной юбке – крупье в казино.

– Этот лох часто играет? – спросил Коваль, протягивая девице фото.

Глаза девицы были красивые, с паволокой и длинными ресницами. Такие длинные ресницы, наверное, стоят по доллару волосок... Ресницы обольстительно моргнули, девица посмотрела на снимок и обратила бездонный взор на Черягу.

– Часто, – сказала она, – бывает, каждый день приходит. Его Коля зовут. Он в банке «Металлург» работает. Тут рядом.

– Много играет? – это уже спрашивал Черяга.

– Много, – сказала девица.

Задумалась и прибавила:

– Он еще в прошлом году появился, у Клары в блэк-джек играл. Сначала помалу играл, двести-триста долларов с собой приносил. А потом втянулся. По две штуки обычно менял. Однажды двадцать тысяч за вечер спустил, у него все с собой было. Другой раз пятнашку проиграл, тоже наличными заплатил.

Черяга невозмутимо пережевывал осетрину. Если Заславский менял в казино по две тысячи долларов и при этом строил дачу и ремонтировал квартиру, да еще и травил себя за немалые деньги, – значит, у него было куда больше денег, чем он мог получать в «Ахтарск-контракте».

– И много он вам проиграл? – полюбопытствовал Черяга.

– Он не только проигрывал. Он выиграл. Позавчера. Пятьдесят тысяч.

– Позавчера? – вскинулся Черяга.

Девушка наморщила лобик.

– Нет, – сказала она, – в среду. Позапозавчера.

Черяга поднял брови. Пятьдесят тысяч долларов – не бог весть что для заядлого игрока, но достаточная сумма, чтобы убить из-за нее человека. Если Заславский в ночь своего исчезновения умудрился крупно выиграть, это совершенно меняет дело...

– Возле него кто-нибудь крутился? – спросил Черяга.

– Да нет...

– Вы не заметили, на чем он уехал?

– Это совершенно исключено, – подал голос Коваль, – наши гости в полной безопасности.

Если кто-то хоть пальцем гостя тронет...

– Но человек исчез и с тех пор его не видели, – возразил Черяга, – и выясняется, что он выиграл полтинник. Что прикажете думать?

– Всех перетрясу, – коротко сказал Коваль. – Если кто насрал там, где кормится, – на куски порежу.

Он впервые бросил улыбаться, и верхняя губа его вздернулась вверх, обнажая желтые звериные зубы. Если пойдет слух, что охрана казино распотрошила удачливого гостя, – да кто на хрен в такое казино пойдет?

– Он один ушел? – спросил Черяга.

– Да. Я заметила – вы понимаете, это для него крупная сумма. Он еще сначала штук пять засадил, Лось ему говорит: брось играть, а этот: погоди, погоди.

– Какой Лось? – быстро спросил Черяга.

Коваль нахмурился. Девушка, видимо, сообразила, что сказала лишнее.

– Парень наш, – ответила она, – Коля вроде с ним приехал.

Твою мать! Сотрудник московского офиса – мало того, что швыряется бабками в бандитском казино, так еще дружит с его «крышей»!

– А где Лось? – спросил Черяга.

Коваль снова взял внутренний телефон и что-то пролаял. Через минуту он положил трубку.

– Нету Лося, – сообщил вор, – третий день где-то гуляет.

Черяге отчаянно не нравилось то, что происходит. Даже если Коваль никоим боком не замешан в происшествии с Заславским, даже если он ни сном ни духом не ведал об инициативе Вити Камаза, – это было в корне неправильно. Нельзя разыскивать пропавшего директора «Ахтарск-контракта» в компании вора в законе, который не является крышей «Ахтарск-контракта», проживающего на его территории, который искренне опечален этим событием и бригадир которого вдобавок только что поимел от тебя фигу с диаметром лопасти семнадцать метров...

Но никаких вариантов не было. Если бы Черяга ушел, Коваль тут же бы принялся разыскивать: что – Заславский? куда – Заславский? И через час Коваль бы знал о Заславском все, а Черяга – ничего, а так хоть шанс, что растерянная девушка скажет в присутствии своего босса все, что знает...

– Говорят, – спросил Черяга, – он в казино любовницу подцепил?

– Томку, – без колебаний сказала девица, – она центровая была, а потом видит, мэн щедрый, он ей хату снял...

– Адрес?

Девица пожала плечами.

– Где-то в центре, – сказала она.

Коваль снова припал к телефону, и на этот раз в кабинете почти немедленно объявилось двое близнецов: дорогие туфли, брюки-саксы под модельными пиджаками и улыбка бультерьера на тщательно выбритом лице с короткой стрижкой.

– Возьмете тачку, – сказал Коваль, показывая Денису на того бультерьера, что справа, – поедете к Томке. Он знает адрес.

– Я и сам могу съездить, – возразил Денис.

Коваль усмехнулся.

– Если гость пропал с выигрышем, это и наше дело, – сказал он.

Прошло две минуты, такси, увенчанное гребешком с названием казино, уже отвалило от бетонного козырька, а Коваль все так же сидел в кресле, полуприкрыв глаза и о чем-то размышляя. Второй бультерьер почтительно стоял рядом.

– А крабы-то – съел, – вдруг промолвил Коваль.

– А что?

– Он их не любит, – проговорил Коваль. – Отравился в каком-то кабаке...

– Приехали!

Денис открыл глаза. «БМВ» из казино стояла посреди типичного московского двора. На панели светились зеленые огоньки приборов, позади горели раскосые, как глаза китайца, фары черягинской «Ауди». Денис поднес к глазам часы – стрелки показывали полвторого. Полшестого по биологическому времени Черяги. Он был на ногах уже двадцать четыре часа. Машина домчалась от Профсоюзной за пятнадцать минут, и Денис заснул мгновенно, как только затылок его коснулся подголовника.

Стриженный бультерьер вылез с переднего сиденья, предупредительно распахнул перед сонным Черягой дверцу. Они вместе поднялись на третий этаж, и бультерьер заколотил во внутреннюю сейфовую дверь, разительно отличную по экстерьеру от облезших врат соседних коммуналок. Черяга прислонился к сетке лифта и закрыл глаза. Ему так хотелось спать, что он готов был свернуться в клубок прямо на лестничной клетке.

– Кто там? – раздался ленивый женский голос.

– Открывай, Томка! К тебе гости!

Дверь распахнулась, на пороге появилась тоненькая женская фигурка в белых шортах и серебристой маечке – судя по всему, Тамара Векшина не ложилась так рано спать.

– Ой, Ленчик! – сказала Тамара. – А это кто?

Черяга вошел в квартиру. Квартира была двухкомнатная, но довольно большая, – огромная гостиная была объединена с прихожей и кухней, справа виднелась дверь спальни, наверняка уютной и романтической, с пышным балдахином над кроватью размером с футбольное поле.

Все тридцать квадратных метров гостиной были забраны серым ковролином, в углу с пола орал большой плоскоэкранный «Панасоник», на белоснежной плите в джезве варился кофе. На крючке в прихожей висели модный мужской плащ и кожаная куртка.

– Меня зовут Денис, – сказал Черяга, скидывая плащ, – я с Ахтарского металлургического комбината. Коля не у вас?

– Нет, – сказала Тома, – его третий день не было.

– А плащ его?

– Плащ его и куртка его.

Ленчик прошел до спальни, не раздеваясь и оставляя грязные следы на ковролине, добросовестно заглянул в ванную.

– Нет его, – сказал бультерьер.

– Спасибо, что довели, – сказал Черяга, милостиво кивая бандиту, – мы с Тamarой немножко поболтаем и я поеду. А ты свободен. Скажи моему водителю, чтоб не уезжал.

Бультерьер озадачился. На лице его некоторое время отражалась сложная внутренняя борьба: ему, очевидно, приказали не отпускать Черягу и не перечить ему, и теперь Ленчик не знал, какой директиве следовать. Наконец он сообразил, что завтра сможет расспросить Томку обо всем ее разговоре с Черягой, буркнул что-то прощальное и затопал вниз по лестнице.

– Вы из службы безопасности? – спросила Тома.

– Вроде того. А что, заметно?

– Ага, – кивнула Тома, – вы все одинаковые. Овчарки.

– А Коля как – тоже овчарка?

– А Коля – пудель, – засмеялась Тома, – кофе хотите?

– Хочу, – сказал Денис.

Девочка ему определенно нравилась. Тоненькая, не наглая, в меру понятливая. И притом, заметьте, при отсутствующем сожителе могла бы снять мужика и подработать немного, а она сидит, пьет кофе и смотрит видео. Правда, какое-то полупорнушечное видео, но опять же, по нынешней легкости нравов могла бы отвлечься и другим способом.

Тома оглянулась, проследившая за взглядом Дениса, покраснела и выключила телевизор, по которому как раз шла какая-то совсем уже скабрзная сцена. Вскоре на столе перед Денисом дымился ароматный кофе в белоснежной фарфоровой чашке, а Тома сидела напротив, подперев голову тонкой ручкой и уставясь на позднего гостя внимательными синими глазами.

– Когда вы последний раз его видели? – спросил Черяга.

– Во вторник.

– А в среду он не приходил?

– Нет.

– Он в среду полтинник выиграл, знаете?

– Знаю. Девчонки рассказывали.

Тома, не спрашиваясь, протянула тонкую, перечеркнутую пластмассовым браслетом руку к пачке длинных дамских сигарет, чиркнула зажигалкой, затянулась.

– А он натворил что-то, да?

– Почему ты думаешь, что Коля что-то натворил?

– У него денег было больше, чем надо.

– Он – директор фирмы. У нас хорошо зарабатывают.

– Я знаю, когда зарабатывают, а когда воруют, – покачала головой Тома. – Которые зарабатывают, те так не играют.

– И почему ты мне это говоришь?

– А ты все равно это знаешь.

Тома помолчала и добавила:

– Он хороший человек, Коля. Жена у него стерва. Если его кто-то во что-то втянул, – так не сам.

Тома неожиданно засмеялась, показывая белые острые зубки.

– Пудель, – сказала она.

– А как ты с ним познакомилась?

– А что, у тебя в Ахтарске своего казино нет?

Черяга покачал головой.

– Не сподобился.

Казино было у Володи Калягина, начальника промышленной полиции города Ахтарска. Отношения между Калягиным и Черягой были в точности такие, как планировал Извольский – постоянное соперничество при формальной ледяной вежливости.

– В казино всегда есть девушки, – объяснила Тома, – чем больше красивых девушек, тем больше ставки. Если лох один, он проиграет сто баксов и уйдет, и будет считать, что его накололи. А если рядом красивая соска, он спустит тысячу и еще доволен будет: вон, мол, я какой крутой!

– И знакомятся часто?

– Знакомятся всегда, – гордо сказала Томка, – даже если он не за этим приехал. Если человек проиграл, он садится за столик и хочет поесть. И тут ты должна подсесть к нему и утешить. Если он за столиком, значит, он не все спустил, а если он не все спустил, то деньги на тебя у него найдутся. А если он выиграл, то ты тоже должна сесть за столик.

– И убедить его играть, пока он не проиграется?

Тома засмеялась.

– Не обязательно. Но надо сделать так, чтобы ему было приятно вспоминать об этой ночи. И чтобы он пришел в казино опять.

Черяга допил кофе, и в голове появилось обманчивое ощущение легкости.

– Ты колешься? – спросил Черяга прямо.

В глазах девушки мелькнул быстрый испуг.

– Нет.

– А Коля?

– Тоже нет.

– Вранье.

– Он правда не колется! Если совсем чего немного...

– У него колеса даже в кабинете на работе валяются.

Томка задумалась.

– Это, наверное, «экстази», – неуверенно предположила она. – Он иногда ел, чтобы подольше за столом просидеть. И потом от нее в постели классно. Я вам честно говорю, Коля не торчок...

– А откуда колеса? В казино брал?

Тома подумала, потом кивнула.

– А кто такой Лось? – спросил Черяга.

– Это ты у Ленчика спроси, – с явной неприязнью ответила Тома. – Ленчик у Лося в шестерках.

– Как Лося зовут? Шура?

Томка подумала:

– Шура. А фамилия... у него вроде погоняло по фамилии. Лосев, что ли.

– И что же он с Заславским подружился?

Тома пожала плечами.

– Отчего люди дружатся?

– От общих интересов. Какие у них были общие интересы?

Тома покачала головой:

– Да нет, он крутой, Лось, Коле такие нравились. Коля сам плюшевый...

– А замуж ты за него бы пошла?

– А он меня замуж возьмет, – сказала Тома, – если не посадят.

– А если посадят?

– А если посадят – передачи ему буду носить. А жена не будет. Он от жены-то хоть в тюрьму сбежит... Коля мне на день рождения одну штуку подарил... показать?

Черяга кивнул.

Тома вернулась из спальни с огромным плюшевым мишкой, хотела что-то сказать и замерла в изумлении: Черяга сидел на диване, закинув голову, и глаза его были закрыты. Начальник службы безопасности Ахтарского меткомбината спал мертвым сном, как тритон зимой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О пользе автомобильных аварий

– Да проснись ты! Козел несчастный! Проснись!

Черяга невнятно замычал и открыл глаза. Он сразу не сообразил, где находится: он лежал на каком-то диване, укрытый пледом и с вышитой подушкой под головой. Из-под пледа торчали его собственные ноги в серых носках. В раскрытые окна квартиры плескалось утреннее солнце, а над ним стояла растрепанная девица в халатике и трясла его, как грушу:

– Урод! Вставай!

– Тома, что случилось? – наконец сообразил Черяга, выпрастываясь из-под одеяла.

– Вот! Позвонили! И это принесли!

Тома тыкала ему в руку белый конверт.

– Куда позвонили? – замотал головой полусонный Черяга.

– В дверь! И конверт подсунули!

Черяга раскрыл конверт.

На белом листке бумаги лазерным принтером было отпечатано:

«Если хочешь видеть Кольку живым, принесешь двести штук».

Подпись и обратный адрес, натурально, отсутствовали. Черяга потряс конверт, и из него выпало еще что-то: грубо отхваченный кусок шелкового галстука.

– Что за галстук? – тупо спросил Денис.

– Это его галстук! Любимый!

Денис понемногу просыпался. Часы показывали восемь утра.

Тома билась в истерике.

– Откуда у меня двести штук? – кричала она.

Черяга встал, сходил в ванную. Когда, помывшись и соскребя щетину бритвой, явно принадлежавшей Заславскому, начальник службы безопасности вышел в гостиную, Тома сидела, облокотившись на стол, и тихо всплакивала. Заслышав Черягу, она подняла мокрое от слез личико и спросила:

– Вы ему ведь поможете, а?

Черяга сел напротив.

– Поможем, – кивнул он, – если ты мне все расскажешь. Какие у него были дела с Лосем?

– Они просто общались...

– Какие дела у бизнесмена были с бандитом?

Томка опустила голову.

– Лось в казино долги выбивает. Знаете, если клиент старый, он может занять у администрации...

– Ну и?

– Коля – он сначала немного играл. Двести, триста баксов. Как-то он проигрался. Очень сильно.

– Сильно – это насколько?

– Тысяч двадцать.

– Ну?

– У него таких денег не было.

– И его навестил Лось?

Тома кивнула.

– А что было потом?

– Потом... он стал помногу играть.

– А деньги откуда?

Тома вздохнула.

– Я не знаю...

– Давай вместе подумаем, а? – спросил Черяга. – Был «новый русский». Вполне в порядке, но не миллионер. Мог спустить в казино триста баксов. Тысячу. Две. Потом спустил двадцать тысяч. К нему пришли бандиты выбивать долги. И у него опять появились деньги. Откуда? Наверное, оттого, что ему предложили долю в каком-то кидалове. Сказали: либо доставай двадцать тысяч, либо мы тебе простим долги, но вот ты сделаешь то-то и то-то. Так?

Тома кивнула.

– Вопрос – а кого мог Заславский кинуть? Только наш комбинат. Так?

Девушка готова была вот-вот заплакать.

– Я правда не знаю, что они делали. Он *никогда* об этом не говорил.

Черяга помолчал.

Заславский приехал в казино с Лосем. Выиграл пятьдесят тысяч. Лось, возможно, эти деньги решил забрать себе. Что-то типа: «Ты мне по жизни должен». Заславский полез на стенку. Слово за слово – бизнесмену разбили нос и посадили в погреб. Возможно, они поссорились. Возможно, Заславский сказал, что больше не будет работать на Лосю. Очень может быть, что Лось принял это всерьез и решил, что больше с терпилы нечего взять, кроме выкупа. Пожалуй, все сходится. Разве вот – плащ утром он взял, выходя из дома. А раньше никогда плаща не брал...

Черяга помотал головой. Двести штук – пустяки. Главное – это сколько и как Заславский слил из фирмы.

– На наркотики его тоже Лось посадил?

– Я вам уже говорила, он не...

– На наркотики его ты или Лось посадили?

Тома заплакала.

– Это Тая... – сказала она.

– Какая Тая?

– Ну, с которой он раньше жил. До меня. Она тоже из «Серенады».

– Зачем? Бандиты велели?

– Нет. Она сама нюхалась. Знаете, ей бабки были на дурь нужны, а Коля хорошо упакован. Она рассудила, что так он ей ничего не даст, а если она его на дурь посадит, то они будут вместе торчать. Так часто делают. С богатого человека можно столько бабок на это дело снять...

– Где я Лосю могу найти? – спросил Черяга.

– В казино, – заторопилась Тома, – потом, у него еще дача есть по Ярославскому шоссе, в Малиновке, туда девочек возят, еще гостиница «Алтай», он там часто бывает... Вы думаете, это Лось его...

– Водитель где мой? – спросил Черяга.

– Я его уснула. Он сюда поднялся, я ему вас показала, мы решили вас не будить. Он сказал, что к девяти за вами приедет.

Денис позвонил в машину. Трубку немедленно сняли, бодрый голос водителя Сережи подтвердил:

– Подъезжаю, Денис Федорыч! Я уже на Никитской.

Черяга приехал в офис на Наметкина около десяти утра, и не один, а с Гордоном, которого он подхватил в отделении. Черяга считал, что в сложившейся обстановке будет очень приятно иметь своего мента, который может при случае задействовать официальные силы милиции – а может, опять-таки, и не задействовать. Местные же менты с Профсоюзной на эту должность никак не годились – у них были слишком партнерские отношения с долголаптевскими.

Обсудив ситуацию, они наугад заехали к Эльвире Заславской и имели с ней весьма неприятную беседу, результаты которой поразили даже привыкшего ко всему Черягу.

Прямо из машины Денис позвонил Ковалю и коротко сказал, что надо встретиться.

– Подъезжай к «Ладе» в двенадцать, – сказал законник.

Черяга с Гордоном взбежали в малолюдное с утра здание.

Прямо в коридоре им попался Неклясов под ручку с Брелером:

они о чем-то перешептывались, и глаза Неклясова были белые и безумные. Брелер, видимо, успокаивал финансиста. При виде Черяги Неклясов вскинулся и заверещал:

– Вы знаете, Денис Федорыч! Мне тоже звонили. По поводу Коли.

– Требовали двести тысяч?

– Да, за Заславского. Кавказский акцент, условий не сообщили. Я им сказал, что пусть разговаривают с вами.

Денис искренне восхитился. Интересно, как это выглядело?

«Эй ты, козел, нам надо двести штук...» – «Простите, ребята, вы не в то окошечко. У нас такими делами занимается зам по безопасности...»

– Звонок записал?

– Нет, он звонил на сотовый.

По дороге Брелер тихонько отвел Черягу в сторону и зашептал на ухо:

– Украинец, считай, у нас в кармане. Просит путевку в Таиланд. Вчера нализался выше крыши, говорит – охотятся на начальника железной дороги.

Ну слава богу – хоть одна забота с сердца вон.

Через две минуты штаб по спасению Заславского собрался в небольшом кабинете Брелера. Кабинет был белый, холодный, – за спиной хозяина в зеленоватом аквариуме плавали толстые рыбки. Рыбки были новые: старые рыбки издохли в Сунже, когда во время обыска кто-то из силового сопровождения налоговиков рассадил выстрелом аквариум и потом избил Брелера, когда тот кинулся собирать прыгающих по полу вуалехвостов.

Они даже не успели рассестись для совещания, когда мобильник Черяги зазвонил. Номер, вспыхнувший на дисплее, Черяга за последние дни выучил наизусть – это был мобильный телефон Заславского.

– Я слушаю.

Голос в трубке был с тягучим тбилисским акцентом. Слишком тягучим, чтобы быть настоящим.

– Ты, что ли, Денис Федорыч?

– Я.

– Тебе привет передает твой друг Коля Заславский.

Черяга взглянул на группу технической поддержки: те уже вовсю переговаривались с кем-то по другим телефонам.

– Этот козел нас кинул на двести тысяч, – продолжал голос, – за вами должок.

– Должок за ним, а не за мной, – сказал Черяга, – с него и требуйте. Нам такие, как он, без надобности.

В трубке неторопливо хмыкнули.

– Он много знает про ваши дела, этот Коля, – проговорил голос, – может, эти вещи будет интересно услышать вашим врагам? Скажем, банку «Ивеко»? Ты хорошо подумал, генацвале, когда отказываешься от человека, как от засохшего репья?

– Наши враги, – ответил Черяга, – не торгуют человечиною. Ты только попробуй сунуться к нашим врагам, они вас первых ради дружбы с нами ментам сдадут. Вы работу сделали, за работу я вам готов заплатить. А за человека я платить не буду.

В трубке промолчали несколько секунд.

– Пятьдесят тысяч, – сказал Черяга, – и выбирай сию секунду. Либо ты получаешь полтинник за работу, либо ты получаешь войну с АМК за нанесенное нам оскорбление.

– У Заславского есть соска. Томка Векшина.

– Я знаю, – сказал Черяга.

– Возьмешь лавэ – двести штук – и передашь их соске. Дашь соске свой мобильник. А дальше мы будем с ней дело иметь. К вечеру получите своего Заславского, живого и целого. Двести штук, Денис. Если не заплатишь к вечеру, завтра цена будет триста.

Связь прервалась.

– Засекли, откуда звонили? – спросил Черяга.

– С мобильного телефона Заславского. Приблизительное местонахождение – в районе Садово-Кудринской. Объект перемещался от соты к соте со скоростью около сорока километров в час.

– То есть ехал по Садовому в машине, – подытожил Черяга.

– Что делать будем?

– Это разводка, – заявил белый от ярости Брелер, – в этом деле участвуют трое: соска, Лось и Заславский. Или соска с Лосем. Это условие – что мы должны передать ей деньги...

– Она в этом не участвует, – прервал Брелера Денис.

– Да? Почему? Потому что ты с ней переспал?

Черяга открыл рот, чтобы объяснить, но передумал и махнул рукой.

– Они тебя развели, как лоха! – убежденно сказал Брелер, – она тебя в постель уложила, а утром письмо показала! Ты представь себе, что бы было, если бы сюда пришла мокрошелка из бандитского казино и предъявила такую маляву? Да ее бы тут же и замели!

– Она ни при чем, – повторил Денис, – а деньги повезет она, потому что ее не боятся...

– Почему они тогда жене не позвонили?

– Они звонили жене. Вчера к вечеру. Она не сочла нужным поставить нас в известность. Брелер даже икнул от изумления.

– Ну, жены пошли... – только и сказал он.

– Ребята, а это... двести штук у вас найдется? – полюбопытствовал Гордон.

На него взглянули с легкой жалостью.

– Между прочим, – напомнил Брелер, – Сляб еще не в курсе, что Колю украли. А когда он будет в курсе, это будет неважно, чего они хотят. Будет важно, чего хочет Сляб.

Черяга кинул взгляд на часы. Извольский должен быть уже на пути из аэропорта. Самолет приземлился минут двадцать назад.

– Ты ручаешься, что девочка тут ни при чем? – тихо спросил Гордон.

– Я ни за что не ручаюсь, – сердито ответил Черяга, – я ручаюсь, что дважды два будет три и девять в периоде. А больше ни за что. Просто если меня спросят, а какова вероятность того, что Тамара Векшина принимает участие в этом деле, я отвечу: вряд ли.

И в этот момент раздался новый звонок. Денис снял трубку, молча выслушал сообщение и нервно захихикал.

– Ты что? – недоуменно спросил Брелер.

– Недоспал, – сказал Черяга – поздравляю вас, господа! Я вот тут сижу и думаю, чего нам не хватает для полного счастья...

– Что такое? – встревожился Брелер.

– Извольский побился, – объяснил Черяга.

И, глядя на побелевшее лицо Брелера, тут же добавил:

– Да жив он и цел. Три тачки всмятку, авось теперь как человек ездить будет...

Представительский Як-42 с изюбрем на хвосте, символом Ахтарского металлургического комбината, приземлился в аэропорту Домодедово около десяти утра.

К трапу подкатились черный шестисотый «Мерс» и «БМВ» сопровождения. К неудовольствию охранников, Сляб высадил из «Мерса» шофера и сам сел за руль: любимый «Брабус» Извольского остался в Ахтарске, но гендиректор не мог отказать себе в удовольствии прокатиться с ветерком по пустынному Домодедовскому шоссе.

За двенадцать минут черный «Мерс» проскочил расстояние до Москвы, оставив машину сопровождения разбираться с уязвленным в самое сердце гаишником, собиравшим дань на мосту через речку Пахру под знаком, ограничивавшим скорость до пятидесяти километров в час, и вылетел на внутреннее кольцо МКАД.

* * *

В девять минут одиннадцатого у трейлера, ехавшего по внутренней стороне московской кольцевой автомобильной дороги, протек поддон картера. Дело было между Варшавским шоссе и Профсоюзной. Трейлер остановился, и на асфальт вылились полтора литра масла. После этого трейлер проехал несколько метров вперед, включил аварийку и принялся ремонтироваться.

Моросил слабый дождик, дорога была относительно пуста, и минуты две трейлер стоял и ремонтировался без особых помех.

Спустя три минуты на дороге показалась беленькая «шестерка», мирно делавшая по той самой полосе, на которой угнездился трейлер, около восьмидесяти километров в час. Поздно увидев аварийку, водитель попытался отвернуть вправо, но в этот-то миг, на его несчастье, под колесами «Шестерки» оказалась та самая лужа масла.

Машину мгновенно развернуло и потащило поперек полос, все ближние водители бросились врассыпную, как куры от ястреба. Быть может, «Шестерке» еще и удалось бы выпутаться, если б не шестисотый «Мерс», за рулем которого сидел Извольский. «Мерс» летел справа от «Шестерки», под сто пятьдесят километров в час, обгоняя лентяев на левой полосе, и какие-то аварийные огни на дороге, и белый неторопливый «Жигуль». Сделать на такой скорости что-нибудь было невозможно. «Шестерка» влупилась шарахнувшегося от нее «Мерсу» в левую скулу, обе машины завертели на шоссе, и тут же «Мерс» словил хук справа – от пятнистого военного тягача.

Помятая «Шестерка» вылетела на газон, стукнулась о пробойник и замерла, высунувшись фарами в сторону встречной полосы. Военный грузовик захлопал пробитой крышкой и приткнулся к обочине.

Извольский, кое-как справившийся с управлением, остановил машину, с корнем выдрал полуотвалившуюся дверцу и выскочил вон. Несмотря на воздушные мешки, его довольно сильно стукнуло, он слегка хромотал и морщился от боли в боку. Рядом уже тормозила «БМВ» с охранниками.

Водитель «Шестерки» сидел в своей тачке, видимо, в трансе. Разъяренный Извольский подскочил к «Жигулям», рванул дверцу и скомандовал:

– А ну вылезь, козел!

Два охранника бугрились за ним плотной стеной.

Водитель не вылезал. Извольский обеспокоенно сунул голову внутрь «Жигулей».

За рулем, сжавшись в комочек, сидела испуганная девушка в сером шерстяном жакетике и синих джинсах. Невидящими глазами она смотрела на вдрызг изувеченный «Мерс», из которого вылез хорошо одетый мордovorот, и на сопровождающих его качков из «БМВ». С ней случилось самое страшное, что может случиться с российским автомобилевладельцем: она побила бандитскую иномарку.

За последние годы директор привык к девицам совсем другого сорта – длинноногим, полуголым и ярко накрашенным, и он сразу заметил, что на девушке не было никаких украшений и никакой косметики. На вкус Извольского, она была не столько хороша, сколько беззащитна, как серый воробышек.

Ярость Извольского внезапно улеглась. Как ни был он раздосадован, он все же прекрасно понимал, что, иди он помедленней, он бы спокойно увернулся от «Шестерки» и что скорость на

МКАД все-таки ограничена сотней километров в час. Кроме того, одного взгляда на масляное пятно хватило ему, чтобы сообразить, что случилось.

– Ну, что сидишь? Ты цела? – добродушно сказал Извольский.

Девушка опустила головку на руль и зарыдала.

К месту происшествия уже подруливала патрульная машина ГАИ.

– Что такое? – осведомился толстенький сержант с полосатым жезлом, вышагивая прямо к «Шестерке». Водитель военного грузовика рассыпался перед ним мелким бесом:

– Это все «Шестерка», – закричал он, – она как вправо закрутится, сначала долбанула «Мерс», а уж «Мерс» отлетел на меня, и я ему добавил маненько. Я не виноват!

Сержант направился к «Шестерке» и легонько постучал жезлом о край спущенного стекла.

– Эй, барышня, – позвал сержант, – вылезьте.

Девушка, опустив голову, вылезла из машины. Теперь Извольский мог заметить, что она все-таки и стройная, и длинноногая, – несмотря на уродливые дешевые джинсы и китайские кроссовки. Кроссовки были старые, с постиранными шнурками и тщательно отмытыми трещинами. У девушки были длинные волосы цвета спелого ячменя и серые мягкие глаза. Волосы были собраны в конский хвостик и перехвачены сзади дешевой пластмассовой заколкой.

– Что ж вы ездите сломя голову? – ехидно начал сержант, – ваши права?

Девушка покопалась в сумочке и извлекла оттуда права и техпаспорт.

– Денисова Ирина Григорьевна, – прочитал сержант, – ну что ж, Ирина Григорьевна – пошли!

– Минуточку, – сказал Извольский.

Сержант остановился.

– Ирина Григорьевна, – спросил Извольский, – вы ко мне имеете какие-нибудь претензии?

Двухметровые качки лыбились на нее за директорской спиной. Девушка глядела на Извольского с ужасом.

– Нет, – пролепетала она.

– Ну вот видите, – сказал Извольский, – и я не имею. Так что стороны от оформления ДТП отказываются.

Девушка поглядела на Извольского и, видимо неверно истолковав его мотивы, шарахнулась к сержанту.

– Нет! – вскрикнула она.

Сержант набылчился.

– Эй, гражданин, – сказал он, – если вы намерены разбираться частным порядком...

Извольский сунул ему под нос два удостоверения: гендиректора и областного депутата.

– Уймись, москвич, – сказал он, – я не Ирод, чтоб младенцев резать.

– А ты как? – спросил сержант военного водителя.

Извольский вместе с сержантом обошли тягач. Девушка плелась за ними. Громадный тягач, разворотивший «Мерсу» полморды, отделался скромной царапиной вдоль крыла и спущенным колесом.

– А ему-то что? – сказал Извольский, – пусть колесо сменит и дальше пылит.

И оборотился к девушке:

– До дома-то сможете доехать?

Та растерянно пожала плечами. Извольский вынул у нее из рук ключи, сел в машину и попробовал завести двигатель. Раздался щелчок втягивающего реле. «Шестерка» даже не чихнула. Извольский обошел машину, поднял капот и брезгливо заглянул внутрь.

– Тромблер накрылся, – констатировал директор.

Они сели в гаишную канарейку и по очереди, на обороте одного и того же листа, написали, что от оформления ДТП отказываются. Потом другой лист таким же макаром заполнили Извольский и водитель военного грузовика.

Девушка понемногу отходила от первоначального шока. Она уже поняла, что, судя по всему, эти странные бандиты или бизнесмены не собираются драть с нее полную стоимость убитого «Мерса». Несчастье сдулось до средних размеров и приняло более бытовые формы: как доехать до дома на искалеченной машине? Из каких шишей платить за ремонт двигателя?

Девушку внезапно начала бить дрожь.

– Ты чего дрожишь? – спросил Извольский, – все уже позади. Жива, и ладно. Вон, побиться могла в дым.

– Д-да мне просто холодно, – сказала Ирина.

Действительно, на улице было чуть выше нуля, и Ирина, рассчитывавшая проделать весь путь в машине, не захватила с собой ни плащика, ни шубки.

Извольский снял с себя темно-серое шерстяное пальто и закутал в него девушку. Ростом Извольский был под метр девяносто, и в свои тридцать четыре года некогда атлетически сложенный директор изрядно располнел. Ирина утонула в темно-серых складках; пальто, бывшее Извольскому чуть ниже колена, мело полосу.

Скрипнули тормоза, и на сцене появились еще две машины: кто-то из охранников Извольского вызвонил их по телефону. Из черной «Ауди» выпрыгнул Денис Черяга:

– Славка? Ты в порядке?

Ирина и Извольский обернулись одновременно. Ирина взглянула на легкого, сухощавого человека в черной кожаной куртке, вылезшего из «Ауди», и внезапно словно невидимый и неслышимый клубок перекатился между ними – из улыбки в улыбку, из взгляда во взгляд.

Извольский вздрогнул и прижал к себе Ирину.

– Со мной все в порядке, – проговорил он, – вот, девушку надо отвезти домой.

Денис покосился на машины, приткнувшиеся вдоль дороги. «Шестерка» еще смотрелась цивилизованно, а вот «Мерс» выглядел так, словно его правым крылом сунули в мясорубку. Денис представил себе, что было бы, если бы вместо «Мерса» с его системами безопасности Извольский ехал в какой-нибудь отечественной «Волге», и невольно передернулся.

Надобно сказать, что Денис неверно оценил ситуацию. Зная за Извольским привычку к дикой езде, он не сомневался, что виновником аварии на все сто является «Мерс», а не скорбного вида «Шестерка». Благо, гаишники, которые могли дать несущемуся, как баллистическая ракета, «Мерсу» зеленую улицу, остались за уральским хребтом.

Живой и даже ничуть не ободранный Извольский поманил Дениса пальцем, и они отошли в сторону.

– Что там за история с вертолетом? – спросил Извольский.

Черяга хитро улыбнулся.

– Просто летела вертушка с полигона в Тушино за запчастями, – развел он руками, – летела-летела, пилот смотрит вниз, видит: ба, да это же Денис Черяга! Подобрала Черягу, летим дальше. Я смотрю вниз: ба, да это же Брелер разбирается с каким-то гоблином! Спустился вниз, прыгиваю из вертушки, спрашиваю: «Какие проблемы»?

Денис шутовски развел руками.

– Пролетел гoblin что-то невнятное, сел в «бимер» да как рванет... А ты еще спрашивал – зачем нам КМЗ... Слушай, давай танковый завод купим!

Извольский усмехнулся.

– А ты свою стряпню не пересолил? – спросил директор.

Черяга покачал головой.

– Я вечером Ковалю встретил. Законника. Та-акой вежливый был... Проняла их вертушка до самых печенок.

– Еще что?

– Слав, там обэповец с Украины приехал. Конотопом интересуется.

– Где он сейчас?

Денис позволил себе довольный смешок.

– Дрыхнет на нашей фазенде. Вчера нализался до свинского состояния, чуть девочку не утопил в бассейне. Девочки, жратва и киносъемка за счет фирмы... Говорит, копают не под нас – под начальника железной дороги.

На то, что Неклясов продержал обэповца три часа в предбаннике, Черяга жаловаться не стал. Вообще-то Извольский жалобы поощрял, и Неклясов в подобной ситуации Черягу бы наверняка заложил, но...

– А что Заславский?

– Я полагаю, что его украл авторитет по кличке Лось.

– Почему?

– Дряннь наш Заславский. В казино проигрывал больше, чем мог, дурью баловался. У меня такое предчувствие, что они с Лосем вдвоем завод кидали. И чего-то не поделили.

– Кто такой Лось?

– Близкий вора в законе Ковалья. Тридцать пять лет, бывший чемпион Союза по биатлону. Беспредельщик. Его Коваль взял в качестве одноразового прибора, Лось уцелел, из киллера преобразовался в авторитета, сколотил собственную бригаду, Коваль ему несколько точек отдал. Если Ковалю кого-то надо завалить, дело поручают Лосю.

Черяга говорил и смотрел на Извольского. С директором явно творилось что-то странное: тот слушал рассеянно, не хвалил и не ругал и все время поглядывал вправо, туда, где в тяжелом мужском пальто у края дороги стояла женская фигурка.

– И что они хотят?

– Двести штук. Я думаю, мы договоримся за полтинник. По понятиям: если люди работу сделали, им надо заплатить.

Извольский помолчал и сказал:

– Нет.

– Что?!

– Дело не в деньгах, – сказал Сляб, и голубые его глаза внезапно сделались цвета вечного льда, – дело в оскорблении. Если ты заплатишь им за работу, ты не имеешь права потом с ними разбираться. А они должны знать, у кого можно красть, а у кого нельзя. Я лучше вам заплачу. Всем участникам операции – наградной фонд сто тысяч.

– А если за него «Ивеко» заплатит?

Извольский покачал головой.

– Ни в жисть они не полезут в такое дерьмо. Им твой украинец за пятьсот долларов больше расскажет, чем Коля за лимон.

Черяга закусил губу. Что-то в распоряжении Извольского было ужасно не так: нельзя так просто списывать человека, даже если ты считаешь, что он водится с бандитами и что он тебя кинул...

– А область? – воскликнул Черяга. – Да нас же старший Заславский во все дырки трахнет, если его убьют!

– Если его убьют, – философски сказал Извольский, – мне не придется объяснять губернатору, за что я его уволил. И еще одно, – ты на Иру так не смотри.

– Как? – искренне удивился Черяга.

– Сам знаешь как, – ответил гендиректор, – она моя жена, ясно?

Черяга много удивительных вещей слышал от Извольского, но эта, пожалуй, перешибла все прочие.

Ни он, ни Извольский даже отдаленно не могли представить, какие беды свалятся на их голову из-за случайной аварии на шоссе. Извольский занимался заводом с семи утра и до двенадцати вечера. Субботу он проводил в офисе, а воскресенье – с бумагами дома. Не было ни одной вещи на заводе, которая могла совершиться без ведома Извольского. Влюбленному человеку трудно было выдерживать подобный график.

А это значило, что в тот момент, когда над АМК стужались невидимые ни Черяге, ни Извольскому тучи, гигантский механизм, чьи связи не уступали по сложности человеческому мозгу, внезапно утратил безраздельное внимание своего руководителя. Это было бы все равно как если бы пилот самолета, входящего в штопор, выбрал это время, чтобы перекинуться в картишки.

Отослав Черягу от греха подальше, Извольский вернулся к Ирине.

– Вы куда ехали? – спросил он. Голубые его глаза глядели на девушку внимательно и довольно откровенно.

– Я... на дачу, на Калужское шоссе, понимаете, у меня там бабушка...

Извольский поджал губы. Через десять минут в Белом Доме начиналась встреча по поводу введения экспортных пошлин на металл, на встречу он явно опаздывал, но это плевать, встреча была полупредварительная, Неклясов и без него знает, что говорить. А вот на что Извольский надеялся, так это на то, что девушку можно будет подвезти. Но Ирине было не в центр, а совсем наоборот.

– Миша, – крикнул Извольский, – отвезешь девушку куда скажет, а тачку пусть Серега дотащит... Куда вам машину довезти, Ирина?

Ира задумалась, и в этот момент в кармашке Извольского зазвонил телефон. Это был Неклясов. Он звонил от проходной Белого Дома. Неклясов любопытствовал, долго ли патрону осталось ехать. Извольский внезапно разозлился.

– Ну что вы как груднички? – грубо сказал Извольский, – сами ничего не трепыхаетесь, чуть что – тятя! Тятя! Ты что, не в курсе проблемы? Сам им все скажешь.

Упрек Извольского был более чем несправедлив, потому что Сляб всегда все делал сам, всегда прикидывал ход частных переговоров против одному лишь Извольскому ведомого голографического лабиринта финансов завода, и если кто-то осмеливался без него закупить хоть рулон туалетной бумаги для офиса, – этому энтузиасту самодеятельности был обеспечен как минимум основательный втык. Что же касается белодомовских чиновников, – то разъяренный рык по поводу налоговой грабировки им полагалось выслушивать исключительно от стального короля России, а вовсе не от управляющего какой-то филькиной конторой под названием «АМК-инвест». И намеки насчет поддержки сторонников снижения налогового бремени тоже не Неклясов должен был раздавать. Поэтому Неклясов ошеломленно помолчал в трубке, а потом осторожно справился – когда босс планирует прибыть?

– Не знаю, – ответил Извольский, – у меня дела.

Сунул в карман трубку и вернулся к Ирине.

– Знаете что? Давайте я отвезу вас на дачу.

Ирина опустила глаза. Ей не очень нравился этот человек со слишком толстыми плечами и слишком тяжелым взглядом, и она прекрасно видела, что ему на вырубку понаехала целая куча иномарок, и почему бы ему не посадить ее в машину, и все? Но отказаться возможности не было. Ирина помнила лицо Извольского и бешеный крик «Вылазь, козел!», и что-то подсказывало Ирине, что непритворная любезность нового знакомого может так же легко обернуться дикой яростью, и тогда... господи, страшно себе представить, что тогда! Интересно, сколько стоит этот в штопор закрученный «Мерс»? Ирина понимала, что не одна она виновата в аварии, что «Мерс» шел слишком быстро, но разве в таких случаях это важно?

Извольский сел за руль большого серого «Сааба», а покалеченную «Шестерку» прицепили к утконосому джипу. На «Мерседес» людей не хватило, его так и бросили у обочины; впрочем, Ирине казалось, что наверняка сейчас кто-нибудь подъедет и о «Мерсе» позаботится.

«Сааб» стелился над дорогой необыкновенно быстро и плавно, Ирина, которая всю жизнь ездила по Калужскому шоссе в своем трескучем жигуленке, не могла не подивиться балетной поступи иномарки; впрочем, дача была близко от города, шоссе скоро кончилось, и «Сааб» свернул на проселок, опасно ныряя низким брюхом в обширные лужи и трещины полуистлевшей бетонки.

Пока они ехали, Извольский начал расспрашивать Ирину. Она оказалась историком, и не школьным, а университетским, с законченной в прошлом году аспирантурой и диссертацией по итальянским торговым городам, и от испуга она говорила довольно много и занимательно, то ли желая произвести на Извольского впечатление, то ли, наоборот, надеясь подчеркнуть, что она – не такая, что ее интересует Флоренция XIV века, но никак не Россия века XX, и уж тем более не интересует ее конкретный обитатель России по имени Вячеслав, а по фамилии Извольский (Сляб представился). Она объяснила, что едет на дачу, потому что там бабушка Настя, которая ни за что не желает перебираться в Москву раньше декабря, и Извольский уже заранее проклял эту неведомую старуху, которая помешает им с Ириной остаться вдвоем.

– А вы чем занимаетесь? – спросила она, когда «Сааб» уже сворачивал в последнее коленце проселка.

– Металлом, – ответил Извольский.

– Торгуете?

– Я директор Ахтарского металлургического комбината.

По взгляду Ирины Извольский понял, что она понятия не имеет, чем АМК отличается, к примеру, от издохшей чулочно-носочной фабрики, – точно так же, как он, Извольский, не в силах отличить какого-нибудь Медичи от какого-нибудь Черчи или Донати, и это обстоятельство, вместо того чтобы взбесить, неожиданно развеселило его.

Дача оказалась в точности такой, какой ее и представлял себе Извольский: одноэтажной деревянной халупкой в садоводческом товариществе, с дымком, выходящим из трубы, необыкновенно ухоженным и оттого по осени почти голым участком и толстой маленькой таксой, которая приветствовала незнакомую машину захлебывающимся лаем.

На лай таксы на крыльцо вышла старушка, и Извольский внезапно успокоился: старушка была тоненькая и ветхая, словно полуразмытая водой акварель, и Извольскому сразу показалось, что они с Ириной все-таки на этой даче одни, а старушка – ну это уже вроде как семейный призрак в стенах замка, не третий лишний и не свидетель.

Ирина принялась объяснять бабе Насте, что приехала на машине знакомого, чтобы не волновать ее рассказом об аварии и прочих вещах, но баба Настя явно не слышала почти ничего и не волновалась, а просто улыбалась Ирине и Извольскому и наверняка даже не отличала «Сааба» от «Жигулей».

Ирина вынула из багажника «Сааба» два пластиковых пакета с едой, предусмотрительно переложенных ею из побитых «Жигулей», и Извольский запоздало ругнулся, что не заехал в магазин и не купил чего-нибудь более вкусного, чем в этих старых пакетах.

А Ирина уже хлопотала где-то на кухне, и на маленькой террасе дачи пахло собакой и котом, откуда-то вдруг пошел мелкий, тонущий в тумане дождик, и баба Настя очень громко сказала Извольскому, чтобы он снимал ботинки и шел пить чай.

От террасы в кухню вел маленький коридорчик, и Извольский задержался в коридорчике, разглядывая себя в зеркало.

То, что он видел, ему далеко не понравилось. Да, костюм на Извольском был пошит у Грекова, шелковый галстук с бордовыми разводами стоил не меньше двухсот долларов, и белей-

ший воротничок белейшей рубашки оттенял тщательно выбритый подбородок. На этом плюсы кончались.

Вячеславу Извольскому было всего тридцать четыре года – возраст более чем молодой для единоличного хозяина пятого по величине в мире металлургического комбината и некоронowanego диктатора сибирского города с населением в двести тысяч человек.

Пятнадцать лет назад атлетически сложенный, стройный Слава Извольский был героем-любовником всего курса и кандидатом в мастера спорта по боксу. С тех пор привычка к власти, долгие переговоры и перелеты, бесчисленные бумаги и хорошая пища, в которой Извольский никогда себе не отказывал, сыграли с ним дурную шутку. Некогда сухощавое лицо стало розовым и откормленным, как у свинки. Мускулы на плечах превратились в жир; талия изрядно разрослась. Из старенького, обклеенного бумагой зеркала на Славу Извольского глядел упитанный и мордастый хряк весом за центнер. Извольский невольно представил рядом с собой жилистого и сухощавого Черягу и тихо вздохнул.

В кухне была распакована нехитрая снедь, которую Ирина привезла бабе Насте, и на деревянном столике в щербатых тарелках были разложены пошехонский сыр и розовая докторская колбаса. Извольский не видал этой колбасы вот уже лет пять и даже не знал, что она еще существует. Он почему-то думал, что докторская колбаса канула в вечность вместе с продуктовыми заказами, очередями за шпротами и Советским Союзом. Оказывается, СССР умер, а докторская колбаса была еще жива. На плите подергивал свистком чайник, на деревянном столе стояли высокие щербатые чашки без блюдец.

Докторская колбаса оказалась очень вкусной, а чай – горячим и терпким, и Ирина опять что-то говорила, и Извольский ее о чем-то спрашивал и прихлебывал чай, привалившись спиной к стене и закрыв глаза. Он внезапно почувствовал покой и дрему, – совсем не то, что должен чувствовать самец, оставшийся наедине с приглянувшейся ему самкой, и он неожиданно понял, что страшно устал: не за вчера, не за месяц, а годика этак за три-четыре.

Баба Настя и в самом деле куда-то исчезла, – Извольский заметил ее в окно, когда она торопилась прибрать что-то в саду из-за начинающегося дождя. Потом баба Настя вернулась домой, а Извольский с Ириной, наоборот, вышли в сад, и гендиректор побрел по доскам, проложенным между раскисших грядок, пачкая начищенные ботинки и отвороты безукоризненно скроенных брюк. Он совсем забыл, что где-то рядом Москва – ненавистный, страшный ему город, где не было ни одного чиновника, который не продавался, но где купить всех из-за их многочисленности было нельзя. И что час назад он, быть может, сам подписал смертный приговор глупому проворовавшемуся Коле Заславскому.

У Ирины было немного детское лицо, может быть, чуть узковатое, с пухлыми бледными губами и твердым подбородком. По нынешним меркам в нем удивительно не хватало той сексапильности, которая обычно привлекала Извольского. Если бы смолянку с портрета Рокотова нарядить в джинсы и старенькую курточку, она бы как раз оказалась похожа на Ирину, и это была вряд ли случайная аналогия. Молодая преподавательница казалась еще моложе от собственного интеллигентам невнимания к жизни и искреннего безразличия к проистекающему оттого безденежью.

Только одно до странности противоречило личику смолянки – внимательные серые глаза. Извольский не привык видеть таких внимательных женских глаз, разве что у бухгалтеров. На Извольского глаза почти не смотрели. Время от времени Ирина вскидывала их, встречалась с откровенным и очень оценивающим взглядом директора, и тут же утыкалась носом в землю. Это было непохоже на привычное для Извольского поведение шлюхи и оттого странно возбуждало директора.

Где-то между забором и грядкой Извольский повернул Ирину к себе и начал ее целовать – довольно грубо, напористо, ощущая цепкими пальцами серый влажный свитер, а под свитером

– гладкую молодую кожу. Ирина сначала отвечала ему, а потом, когда он полез под свитер, уперлась кулачком в грудь, и когда Извольский выпустил ее, закричала:

– Прекратите!

Извольский растерянно отступил на шаг.

Ирина стояла перед ним, нахохлившись, как воробушек, в глазах ее сверкнули злые слезы, она сжала кулачки и закричала:

– Как вы можете, вы так со всеми, да? Вы просто пользуетесь моей беспомощностью! Вы знаете, что я никогда не смогу заплатить за эту вашу машину! Вы знаете, что я слова не скажу, что я дрожать буду!

Извольский стоял как оплеванный. По правде говоря, именно что-то в этом роде он и думал, и теперь он видел себя со стороны – большой толстый хам на раскисшей грядке, человек, который забыл, как звучит слово «нет» и за которым побежит любая ахтарская шлюха, и московская, и даже американская шлюха – а вот чтобы наткнуться на ту, которая не шлюха, надо было разбить тачку, потому что не шлюх вокруг давно не попадалось.

Ира еще что-то прокричала, жалобно, как сойка, Извольский повесил голову и вдруг сказал:

– Извините.

Прошел по доскам до калитки, сел в «Сааб» и уехал.

На обратном пути он заблудился в дачных закоулках, выскочил почему-то в конце концов не на Калужское, а на Киевское шоссе и приехал в офис в два часа дня, рассерженный и в мокрых ботинках. Неклясову за результаты встречи достался изрядный и не совсем заслуженный втык: не мог же, в самом деле, Димочка Неклясов добиться от оголодавшего правительства уверений в отмене экспортных пошлин?

В гостиницу «Лада» Черяга едва успел. Воображение уже рисовало ему перспективы разбирательства с ГАИ по поводу кучи побитых машин, и с души его свалился солидный камень, когда он увидел, что очередной автозабег директора кончился довольно мирно. Встреча с Ковалем просто вылетела из его головы, что было, конечно, крайне невежливо и чревато осложнениями.

Тем не менее было всего пять минут первого, когда Черяга вошел в вестибюль «Лады» – одной из любимых точек Ковалю, где у него на третьем этаже было что-то вроде неформального офиса.

Его почтительно провели в ресторан, где в пустынном и полутемном зале патриарх вкушал скромный ленч из сваренного вкрутую яйца. Черяга сел за покрытый скатертью стол напротив Ковалю, а двое бычков застыли статуями по углам ресторана.

– Твой Лось упорол крутой косяк, – сказал Черяга.

– Я тебя слушаю, Денис Федорович.

– Я вчера спрашивал о Заславском?

– Ну.

– Заславский с Лосем делали свой гешефт на наших деньгах. Потом Заславский Лосю надоел, Лось его сунул в мешок и теперь просит у нас выкуп. Грузином прикидывается.

Король покачал головой.

– Как нехорошо, – сказал он, – а может, это и вправду грузины?

– Мы пленку в институт на анализ отдали, – спокойно соврал Черяга, – не грузины.

Король покачал головой.

– Что я тебе скажу, Денис Федорыч, – развел руками Король, – каждый зарабатывает на хлеб как умеет. Если Лось получит за Заславского деньги – это будет его бизнес, если ты получишь Заславского без денег – это будет твой бизнес.

– Вы могли бы приказать Лосю, – сказал Черяга.

– Что ты говоришь, дорогой? Лось взял себе человека. Что я должен сделать? Позвонить ему и сказать: «Ты поступил неправильно, людей красть нельзя?» А потом ко мне придет торговец с рынка и скажет: «Лось на меня наехал». Что я должен сделать? Позвонить Лосю и сказать: «Как тебе не стыдно ставить людей на бабки?» А? Я кто? Я вор или учитель в воскресной школе?

Черяга молчал.

– Мы ведь тебе не ставили крышу, Денис Федорыч? Если бы ты пришел и сказал: «Я плачу вам за крышу, а вы украли моего бизнесмена». Вот тогда бы Лось офоршмачился. Но ты не платишь за крышу. И тебя никто не просил платить за крышу. И хотя тебя никто не просил, я пошел тебе навстречу. Я послал с тобой людей, я позволил тебе расспрашивать кого хочешь. Я тебя на Лося навел.

Это Лось мне может позвонить и сказать: «Ты что делаешь? Ты меня фраеру сдал! Это как, по понятиям?»

Денис встал.

– Ну что ж, – сказал он Ковалю, – посмотрим, на чьей стороне будет удача.

О том, что Сляб категорически отказался платить за Заславского деньги, Денис, разумеется, говорить не стал. Незачем отягощать противника лишней информацией.

В фойе гостиницы было безлюдно и прохладно, лощеный швейцар открыл перед Черягой двери. Справа от двери на диване развалился Витя Камаз. Диван был большой, но Камаз помещался на нем не полностью.

– Что, фраерок, – сказал Камаз, – не все на вертушке кататься?

Денис, не устаивая бандита ответом, сбежал по ступеням вниз.

* * *

Черяга вернулся в офис около часа. Неформальная группа, созданная для того, чтобы разбираться с запуткой, заседала на втором этаже в кабинете Брелера. О том, что деньги Сляб платить запретил, все уже знали. Нельзя сказать, чтобы решение было воспринято совсем уж без энтузиазма.

– Где шеф? – осведомился Черяга, увидев среди присутствующих молодого плечистого Вишнякова, того самого охранника, который оставался на месте аварии с Извольским.

– Не знаю.

– То есть как?

– Так, не знаю, – агрессивно-виновато сказал Вишняков, – посадил эту девицу в свою машину и повез ее. Красивая баба, между прочим, если ее подстричь да одеть.

Денис нахмурился. Извольский относился к вопросу собственной безопасности примерно так же, как к правилам дорожного движения, то есть наплевательски.

На столе уже лежало досье Лося: служба безопасности пробила бандита и по линии РУОПа, и по другим каналам. Борис Гордон, опер 81-го отделения, отработал свой кусок хлеба с маслом на славу. Досье более или менее отвечало той краткой информации, которой уже располагал Денис.

Александр Лосев был человеком сколь небесталанным, столь и циничным, и это сочетание заставляло относиться к нему с двойной осторожностью. Он был настолько же опасней давешнего Вити Камаза, насколько живая и верткая гадюка опасней простодушного кирпича. Щуплый архангельский паренек занимал призовые места на состязаниях по биатлону, но ни разу не стал чемпионом. (Здесь Черяга ошибся.) Стрелял он безупречно, промахов вообще не знал, однако бегал медленнее прочих, возможно потому, что категорически отказывался уродовать здоровье стероидами и прочей химией.

Его спортивная карьера кончилась внезапно, в 1992 году, когда в снаряжении его по возвращении из Норвегии нашли крутую контрабанду: не какое-нибудь заграничное шмотье, а пятидесятиграммовый пакет с белым порошком, на поверку оказавшимся кокаином.

Из команды его тут же выперли, посадить не посадили, но взяли подписку. Однако, странным образом, следствие по делу Лося вскоре заглохло, следователь Матвеев неожиданно пришел к выводу, что мастер спорта и не подозревал, что его сумку втемную используют для перевозки наркотиков. А за три дня до того, как следователь пришел к этому выводу, на пороге собственного казино неизвестные злодеи грохнули Аркадько Валерия Алексеевича, первого директора небезызвестной «Серенады». Грохнули, надо сказать, классно – темной ночью и с трехсот метров, пока охрана добежала до подозрительного чердачка, киллера и след простыл, – валялся там один пустой снайперский винтарь безо всяких отпечатков пальцев.

Впоследствии сторонние наблюдатели были склонны связывать два эти события. Нищий спортсмен заплатил кому-то за прекращение уголовного дела, и этот кто-то был, скорее всего, нынешний хозяин «Серенады», а валютой, в которой была оплачена сделка, как раз и был единственный израсходованный на Аркадько 7,62-миллиметровый патрон СВД. Черяга, поразмыслив, склонился к мысли, что следователь Матвеев был прав и что Лосева действительно подставили. Сначала сами предложили перевезти порошок, потом сами же стукнули таможенникам и в итоге довольно задешево поймали классного киллера.

По всем приметам Шура Лосев, фразер со стороны, обречен был стать изделием одноразовым, – однако же Лось оказался примерным учеником. Он обзавелся помощниками, страховавшими его на охоте, потом – наблюдателями, отслеживавшими объект, и очень скоро превратился из простого исполнителя в хозяина крепко сбитой бригады. Сначала бригада промышляла исключительно заказными убийствами, а потом, когда Лось стал достаточно популярен, чтобы одно лишь имя его заставляло бледнеть самых стойких оловянных солдатиков, занялась более консервативными видами бизнеса, как-то: выбиванием долгов, охраной прикрученных точек и так далее.

Года полтора назад Лось окончательно цивилизовался, официально вступив в число «долголаптевских», с лидером которых его уже давно связывали неформальные отношения. Все-таки Ковалю было невыгодно признавать, что беспредельщик, имя которого держит в страхе Москву, работает на него – правильного вора, отца цивилизованной группировки.

Коваль отдал Лосю несколько точек, Александр Спиридонович надел деловой костюм, повязал галстук за двести долларов и устроился на работу консультантом сразу в пять или шесть фирм. Тем не менее отношения вора с собственным бригадиром не складывались: Лось оставался одним из самых жестоких и непредсказуемых долголаптевских авторитетов. Возможно, он не очень-то готов был простить хозяину ту первую подставу с кокаином. Возможно, Коваль намеренно подчеркивал отморозенность Лося, чтобы можно было в случае чего списать прокол на его дурной характер. Так или иначе, если Ковалю требовалось кого-то завалить, это всегда поручалось бывшему биатлонисту.

Месторасположение Заславского стало вырисовываться примерно к двенадцати дням.

Брелер действовал быстро. При условии, что похитителем являлся лично Лось, количество мест, которых следовало проверить на наличие пленника, оказывалось не таким и большим. Часть этих мест назвала Тома Векшина – дача Лося в Малиновке и две безраздельно отданные ему точки в черте города. Гордон, покопавшись в оперативной информации, принес по своим милицеским каналам название третьей точки – огромный, в десять гектаров, склад, принадлежащий ТОО «Афродита» и расположенный всего-то в пяти минутах езды от офиса на Наметкина.

Разумеется, Заславского могли держать в любой снятой в Москве квартире, но даже в этом случае его тюремщики должны были время от времени меняться местами и приезжать к Лосю с рапортами. Кроме того, Черяга по опыту знал, что российские бандиты удивительно

пренебрегают правилами конспирации и держат жертв в специально оборудованных подвалах гораздо чаще, чем в случайно снятых хатах. В конце концов, подвалы находились на складах и в особняках, охраняемых подобострастной и прикрученной милицией, а в случайную квартиру мог заглянуть любой любопытный участковый.

Следовало также понимать, что телефон звонит в обе стороны и что Коваль несомненно Лосю о разговоре с Черягой рассказал. С этой стороны встреча могла показаться ошибкой. Однако, с другой стороны, было ясно, что, едва услышав о выкупе, Коваль сразу вспомнит, что Черяга знает о дружбе между Лосем и похищенным Заславским. Таким образом, новой информации Черяга вору не сообщил, зато расставил все точки над «и».

Легче всего оказалось со складом, принадлежащим ТОО «Афродита». Брелер съездил в налоговую полицию и объяснил начальнику, что, по сведениям из надежного источника, на складе хранится левая водка. Начальник полюбопытствовал об имени источника, и Брелер сослался на бумажку за подписью Роберта Рубена, секретаря американского казначейства. Этих зеленых бумажек он предъявил начальнику сразу двадцать штук, и тот, поразмыслив, согласился, что источник надежный и заслуживает доверия. Он даже попросил Брелера не стесняться и в случае чего и в дальнейшем делиться с ним сообщениями за подписью источника.

После этого группа силовой поддержки налоговой полиции, работая ударными темпами, вышибла ворота в ТОО «Афродита» и обшарила склады на всех десяти гектарах. Самое интересное, что налоговая полиция действительно нашла, причем не только левую водку, но и безакцизные сигареты, незадекларированный импорт и даже два цинка с патронами для АК-74. В связи с этим сумма, которую налоговая полиция запросила с руководителей «Афродиты» за мир, на порядок превышала первоначальные инвестиции Брелера.

Единственное, что отсутствовало на складе – так это Коля Заславский.

Была еще полувымершая деревня под Можайском, откуда происходили родители Лося и где у него была наследственная фазенда. Двое ребят отправились под Можайск на разведку и, еще не доехав до места, донесли, что к деревне ведет раскисшая грунтовка, плавно переходящая в болото, и что на грунтовке не имеется никаких следов движения автотранспорта в последние два дня. Тем не менее они добрались до деревни, где, как выяснилось, отсутствовали не только Заславский и Лось, но также телефон, электричество и магазин.

Зато с дачей Лося неожиданно угодили в десятку.

Дача Лося была приметным явлением природы: она располагалась в деревеньке Малиновке по Ярославскому шоссе и возвышалась над окружающими ее деревянными развалюхами подобно замку барона-разбойника, прилепившемуся к верхушке горного перевала. К даче было направлено сразу три машины: одна, на всякий случай, обосновалась у выезда на шоссе, люди из второй прошли в лес и стали обозревать самое дачу, а третья подъехала к селю, и вышедшая из нее милая дама стала расспрашивать, не хочет ли кто из жителей продать участок и кто вообще здесь живет.

В одиннадцать двадцать наблюдатели засекли, как ворота дачи раскрылись, аки алтарь на Пасху, и из них выкатился черный «БМВ» с Лосем и двумя быками. Вторая тачка последовала за «БМВ».

Спустя полчаса ворота дачи растворились вновь и извергли крупногабаритный, но довольно престарелый «Форд», за рулем которого сидел одинокий бугай в кожаной куртке. Бугай показался наблюдателям перспективным кадром. Они известили об этом коллег, запрыгнули в тачку и двинулись за «Фордом».

«Форд» выбрался на Ярославское шоссе и пошел, не особо обращая внимания на знаки дорожного препинания. У небольшого магазинчика возле дороги «Форд» притормозил, и его обитатель нырнул внутрь.

Ребятки Брелера припарковались рядом; водитель тоже зашел в магазинчик, а по пути проткнул шилом заднее колесо «форда». Через некоторое время водитель вышел и попил дальше. Много он, однако, не проехал – свернул на обочину, включил «аварийку» и вынул из багажника запаску.

Он как раз сноровисто поддомкратил заднее колесо, когда около него на людном, полном машин шоссе затормозила беленькая «Шестерка».

– Помочь? – участливо спросил водитель «Шестерки».

– Сам справлюсь, – ответил обитатель «Форда», выпрямился и замер – прямо ему в живот глядела заграничная волына.

Водитель «Форда» оказался чрезвычайно понятливым и качать свои гражданские права не стал, а покорно залез в «Шестерку» и даже подождал в машине, пока один из обитателей «Шестерки» перемонтировал колесо, вежливо забрал у бычка техпаспорт и ключи и попил себе тихонечко к городу, не нарушая правил дорожного движения и не имея никакой головной боли от гаишников.

«Шестерка» же свернула на первую попавшуюся лесную дорожку. Там бычка высадили из машины и перегрузили в багажник.

Спустя двадцать минут «Шестерка» закатилась в ворота трехэтажного особнячка на Рублевском шоссе, совмещавшего в себе функции загородной московской дачи Извольского и гостиницы для руководящих работников Ахтарского металлургического комбината. (Кстати, именно тут гостил украинский оперативник.)

В подземном гараже бычка достали из «шестерки», посадили в роскошный лифт фирмы «КОНЭ» и доставили на третий этаж, в двухкомнатные апартаменты класса люкс. Особнячок был совершенно непригоден для заплочных дел, однако пятизвездочный номер обладал пуленепробиваемыми стеклами и звуконепроницаемыми стенами, в чем с удовольствием не далее как две недели тому назад убедился губернатор области, всю ночь именно в этих апартаментах проводивший с целым выводком девиц: ни единого звука не долетало в коридор, хотя визгу в самих апартаментах было предостаточно.

В номере бычок приободрился и начал выступать на тот предмет, что ежели он в чем-то виноват, его полагается сдать ментовке. Ребята заверили бычка, что никакой ментовке они его сдавать не собираются, но бычок неправильно сориентировался: увидев роскошные апартаменты вместо подвала и сообразив, что захватившие его ребята не имеют даже надлежащего места для крутой беседы, бычок признал их за дилетантов и принялся разоряться на тему прав человека.

Ребята вежливо попытались ему объяснить, что секьюрити Ахтарского металлургического комбината отличается от братков не тем, что не владеет методами допроса третьей степени, а тем, что, в то время как братки жмются и проводят беседу в некомфортных для дознавателей условиях подвалов, ахтарская секьюрити вполне может для такого дела изгадить ворсистый ковролин и европейские обои.

Бычок на слово ребятам не поверил, и им пришлось перейти от теории к практике. Правда, надо сказать, что ребятки все-таки не решились портить тысячдолларовую обстановку и допрос производили в ванной, сплошь заделанной в сверкающий и легко моющийся кафель. Благо ванная комната была просторна и с легкостью вмещала в себя необходимое количество вопрошающих.

Бычка привязали к батарее и некоторое время топтали ногами. После этого один из ребят вспомнил о приятной особенности гостиницы: у нее была автономная бойлерная, и так как потребности особнячка в воде были вдвое меньше тех, на какие была рассчитана автоматика, из крана с горячей водой хлестал почти что кипяток. Этим кипятком ребятки наполнили джакузи, в которой не так давно забавлялся с прелестницами губернатор, и объяснили бычку, что хотят его вымыть.

Бычка макнули в ванну только один раз, и он тут же стал как шелковый.

Бычка отвели обратно в спальню, намазали распухшую морду противоожоговым кремом и стали беседовать с ним на разные интересующие секьюрити темы.

В ходе собеседования бычок разъяснил, что генеральный директор «Ахтарск-контракта» Николай Заславский и Александр Лосев по кличке Лось корешились вот уже четыре месяца. Что Заславский, более известный в бригаде как Metallург, несколько раз бывал на даче Лося и в последний раз появился там во вторник, немного пьяный и крайне веселый от выигрыша. Metallург много пил и, заваливаясь спать, просил разбудить его в пять утра, дабы поспеть на самолет.

– На какой самолет? – спросил дознаватель.

Но бычок не знал; впрочем, он припомнил, что Metallург интересовался, сколько ехать из Малиновки до Шереметьева.

В пять утра Заславского не разбудили; он продрал глазки к полудню и очень обиделся. Лось успокоил его и велел сидеть на даче. Вечером между ними опять случилась ссора. На следующий день у комнаты Metallурга появился охранник, а когда Metallург попытался вылезти в окно, он из комнаты перекочевал в подвал.

За то, пусть сейчас подвал или полон, бычок не мог поручиться. Он часто отлучался с дачи и своими глазами Metallурга вот уже два дня не видел. Впрочем, он достоверно знал, что в подвал носили еду.

На вопрос о состоянии психического здоровья Лося бычок сообщил, что спиртного Лось, будучи спортсменом, практически не кушал (исключение составляла разве что стопочка-другая коньяку в особо приятные минуты жизни), дури тем более не потреблял. «А зачем ему дурь? – слабо икнул бычок, – у него и так шифер от власти поехал». Всю эту информацию Брелер выложил перед Черягой вкупе с вопросом: как быть с бычком дальше?

Черяга ответил, что бычка придется поить и кормить до конца операции, а потом отпустить на все четыре стороны: не сдавать же его, в самом деле, в ментовку с ошпаренной рожей.

– А что Шереметьево? – спросил Черяга.

Все утренние рейсы из Шереметьево-2 были уже проверены; пассажир по фамилии Заславский, купивший билет и не улетевший, не значился нигде. Всего пассажиров, не явившихся на утренние рейсы и не сдавших билеты, было трое. Двое летели в Цюрих, один в Вашингтон. Следовало предполагать, что один из этих пассажиров может быть Заславский, под чужой фамилией. Поэтому местонахождение необъявившихся пассажиров тщательно проверялось.

В Швейцарию, где «Ахтарск-контракт» держал счета, уже вылетел человек, которому было поручено оценить размер возможной потравы.

Бухгалтеры перерыли весь стол Заславского. Они нашли два старых договора, по которым фирма «Ахтарск-контракт» брала у Росторганка кредит под гарантию областной администрации. По некоторым признакам кредит пах очень дурно, но страдала от него область, а не комбинат.

– Надо брать дачу, – подытожил Брелер.

Черяга смотрел на стол и хмурился. Все получалось как-то очень просто. Даже если допустить, что у беспредельщика Лося маленько поехал шифер, то сколько же можно одной и той же группировке задевать одну и ту же растяжку? Сначала Камаз, потом Лось? Почему Лось думает, что Извольский возьмет и выложит за Заславского двести тысяч? Или Metallург запудрил ему мозги и выставил себя совершенно необходимой связующей деталью между комбинатом и областной администрацией, без которой, мол, у Извольского грохнутся все налоги?

Почему, наконец, Лось думает, что Заславского так уж трудно отыскать? Мог бы догадаться, что если ребятки летают на разборки на боевом вертолете, то в области сыска они тоже не заполярный участковый...

* * *

Спустя полчаса причина беспечности Лося стала отчасти ясна.

Частный визит на дачу был для Ахтарского металлургического комбината заведомо невозможен. Одно дело – тихо изловить языка и ошпарить ему морду в собственной гостинице, другое – устроить пальбу и взятие укрепрайона. Даже если забыть о неизбежном последующем скандале, в московском офисе просто не было достаточного количества квалифицированных бойцов. Точно так же исключались штучки вроде вчерашней вертушки. Это вам не бескровная стрелка. Ребятки Лося наверняка начали бы стрелять в ответ, милицейское начальство по итогам конфликта прознало бы о появлении в воздухе неопознанного вертолета, и скандал, который за этим воспоследовал бы, повредил бы комбинату куда больше, чем бандитам. О местной милиции в качестве помощников не стоило и думать – эти наверняка сидят у Лося в кармане.

Оставался РУОП, и здесь Черягу ждал крутой облом.

По телефону к рассказу начальника службы безопасности Ахтарского меткомбината отнеслись благосклонно, но когда Черяга приехал лично обсудить кой-какие детали, начались непонятки. Полковник, с которым разговаривал Денис, долго крутился и прятал от Черяги глаза, а потом махнул рукой и позвал его из кабинета.

Они прошли в зал, где отчаянно пахло здоровым мужским потом и крепкие ребята бросали друг друга через плечо, и полковник, расставив пошире ноги и обернувшись к Черяге, спросил:

– А отчего вы, собственно, так уверены, что ваш Заславский в Малиновке?

– Гадалка нагадала, – ответил Черяга.

– Гм... Гадалка жива-то?

– Ну что вы, – усмехнулся Черяга, – мы люди интеллигентные, промышленные...

– Ну да. Интеллигентности у вас, как у прокатного стана... Значит, вот что. Есть такое мнение, чтобы в долголаптевские дела попусту не вступать. Вы у нас срываете важную и долговременную разработку. Понятно?

Полковник говорил отрывисто, тихо и зло, широкие скулы его покраснели, а глаза то упрямо вонзались в Черягу, то сползали вниз, как у школьника, застуканного со шпаргалкой на экзамене.

– Понятно, – кивнул Черяга, – а если ее, разработку, все-таки сорвать?

– Есть внебюджетный фонд содействия правоохранительным органам, – сказал полковник. – Почему бы одному из крупнейших российских экспортеров не оказать фонду поддержку?

– Сколько? – прямо спросил Черяга.

Полковник сглотнул. Ему было явно и нестерпимо тошно, и если Черяга что-то понимал в людях, инициатива насчет фонда исходила не от полковника.

– Столько же.

– Столько же, сколько просит Лось? – безжалостно уточнил шеф безопасности Ахтарского меткомбината.

– Да.

– И тогда ваше начальство пересмотрит свое мнение насчет невмешательства в долголаптевские дела?

Полковник кивнул.

– Я не уполномочен решать такие вопросы, – сказал Черяга чистую правду, – я должен посоветоваться с шефом.

Реакцию сибиряка Извольского на предложение москвичей он мог предвидеть во всех подробностях.

При обыске бычка из-за пазухи его вытащили мобильник и записную книжку, в которой с похвальной аккуратностью значились телефоны всех друзей и знакомых бычка.

Был там, само собой, и телефон шефа: Александр Лосев столовался у известной московской компании сотовой связи. Президент компании Лаптев был знаком с Извольским, и нельзя сказать, чтобы это знакомство относилось к числу приятных и легких.

Дело в том, что Вячеслав Извольский сам был председателем совета директоров и учредителем компании сотовой связи «Коннект», обслуживавшей и Ахтарск, и столицу области Сунжу. Коммерция не была первоочередной целью Сляба – просто владение собственной сотовой компанией было хорошим средством защиты от прослушивания со стороны. Из-за некоммерческого назначения «Коннекта» дела его шли не особо хорошо, и от дыры в балансе компанию спасали только монопольное положение и монопольные же цены.

Когда Лаптев задумал прирастать Сибирью и объявился в Сунже, конкурент вызвал у Извольского понятное недовольство, и в результате сунженские власти довольно долго морочили москвичей, отказывая им в лицензии. Кончилось тем, что Черяге (который, кстати, значился исполнительным директором «Коннекта») пришлось лететь в Москву и разбираться с эфэсбешной «крышей» Лаптева, отстаивавшей в данном случае святой принцип рыночной конкуренции.

Лаптев принял Черягу необыкновенно быстро, и Черяга изложил ему свою нехитрую просьбу. Комбинат хотел ни больше ни меньше, как прослушивать все разговоры Лося. И, разумеется, отследить его местоположение, так как сотовый телефон даже в режиме ожидания звонка работает как радиомаяк.

Москвич долго думал, прежде чем ответить. «Коннект» после летней склоки как раз заключил с Лаптевым соглашение о роуминге, отношения между двумя компаниями пошли на лад, и Лаптеву, видимо, не хотелось сдирать кожицу с только-только поджившей раны.

– Извини, – наконец сказал он, – это дело ФСБ. Если станут говорить, что я могу предельно со своими клиентами такие вещи, завтра от меня половина клиентов уйдет.

«А что от тебя опять область уйдет, ты не боишься?» – подумал Черяга, но вслух этого не сказал.

– Извини, – еще раз повторил президент компании, задумался и добавил: – Кстати, это правда, что Венько на вас зол?

Венько был крупным чином в ФСБ и большим другом того самого значительного лица из Минобороны, которому принадлежало ТОО «Сатурн». Именно люди Венько проверяли Конгарский вертолетный завод на предмет попавших к чеченам вертолетов, хотя самую исчерпывающую информацию по поводу продажи вертушек они могли бы получить, вколов своему шефу скополамин.

– А кто вам это сказал? – поинтересовался Черяга.

– Да так, – неопределенно повел рукой президент компании, – в баньке парились...

Черяга понял. ФСБ плотно курировало все компании мобильной связи, – сотовые разговоры являлись слишком важным источником информации. Президент компании, конечно, хотел сохранить свою лицензию в городе Сунже, но свою лицензию в городе Москве он ценил еще больше. Может быть, если бы его просил Извольский, результат был бы другим – но Извольского где-то черти носили.

Следующий звонок раздался в пять вечера. Звонили опять с мобильного Заславского, включенного сразу перед разговором:

– Алло? Черяга? Бабки готовы?

– А откуда я знаю, что Заславский у вас? – спросил Черяга.

– Взгляни на определитель номера, – посоветовал насмешливый голос.

– Откуда я знаю, что он жив?

– Шлифуй базар, Денис Федорыч.

– Значит, так, – сказал Черяга, – ты сейчас едешь к Заславскому и снимаешь его на пленку. Перед съемочкой положишь на стол газету за сегодняшнее число... Черяга глянул на часы, – вечерний выпуск «Известий» положишь, ясно? Его сейчас в киоски завезут. И принесишь мне пленку. Все. Без этого базара не будет.

Х ~к у:

И Черяга бросил трубку. Нового звонка не последовало. Денису очень хотелось набрать телефон Лося и повторить свое требование. Если Лось спросит, откуда телефон, можно сказать, что Извольский и президент сотовой фирмы месяц назад подписали соглашение о роуминге. Это был бы хороший урок обоим. Пусть Лось скрипит мозгой, думает, прослушивается его телефон или нет.

Но лучше не надо. Станет Лось беспокоиться, начнет всех своих пересчитывать по пальцам, хватится бычка...

Когда Черяга вышел из кабинета, к нему бросилась Тома.

– Ну что? – сказала девушка. – Звонили?

Черяга махнул рукой.

– Не беспокойся, звонили и еще позвонят. Мы же должны убедиться, что он живой?

Тома глядела на Дениса, как собака, которую третий день не кормили.

– Вы не будете за него платить, да? – спросила Тома. – Вам все равно, ведь он вас обокрал...

– Успокойся, – сказал Черяга самым натуральным тоном, – никто твоего Колю не бросит.

* * *

Но Лось и так уже обеспокоился. Он уже жалел, что не выполнил приказ Ковалю, который предусматривал совсем другой вариант обращения с Заславским. Он схватился было за сотовый телефон, потом передумал (а черт их знает, кто эти трубки прослушивает!) и коротко приказал что-то водителю.

Через несколько мгновений машина, в которой ехал Лось, плавно скользнула к тротуару, где красовалась будочка платного телефона-автомата. Мимо спешили прохожие, к остановке подвалил огромный желтый автобус, щедрая порция выплеснувшейся из-под автобуса грязи окатила брюки Лося, и бандит почувствовал себя странно незащищенным, как белка в таежном лесу.

Автомат дважды съел жетон, на третий раз в трубке послышался ленивый, с придыханием голос.

– Я по поводу того человека, о котором мы говорили утром, – сказал Лось, – вроде бы он в курсах. Он обращался к вам за помощью?

– Обращался, – подтвердил собеседник.

– И?

– Не кипишуй, Шура, – ответил собеседник, – здесь им не Сибирь, чтобы все по их указке штаны спускали...

Довольный Лось повесил трубку. Все шло по плану. Черяга артачился, затягивал время. На это Лось и рассчитывал. Ну что ж. Конечно, забавно, что Черяга сегодня не стал отдавать двести штук. Потому что завтра он будет рад отдать миллион. И даже полтора.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Об особенностях приватизации силовых структур

Денис стоял на бетонной полосе подмосковного военного аэродрома и смотрел, как из широкого брюха военного транспортника один за другим выпрыгивают плечистые парни.

В ночной темноте мягко светились фары представительских джипов, съехавшихся на аэродром за гостями. Парней было не так уж много – восемнадцать человек. К Черяге подошли двое – начальник промышленной полиции города Ахтарска Володя Калягин и полковник Алешкин, командир ахтарского СОБРа.

Черяга все-таки нашел людей, которые могли взять штурмом дачу Лося.

С технической точки зрения проблема решалась просто. Если бы, не дай бог, пропажа Заславского случилась в городе Ахтарске или области, то ахтарский СОБР покрошил бы в капусту всех предполагаемых соучастников; фирмы их пали бы под танковым натиском налоговой полиции и зенитным обстрелом из ОБЭПа. После летней истории с Премьером сама мысль о том, что какая-либо из действующих в области преступных группировок подымет хвост на комбинат, была смешной.

Но здесь была Москва, – здесь банковали долголаптевские, взяточники и обленившиеся менты, и никто не хотел портить жизнь уважаемому человеку Лосю иначе, как за бабки, соизмеримые с теми, что просил Лось. И Извольский, из принципа отказавшийся платить деньги вымогателям-бандитам, из того же принципа не собирался платить и вымогателям-ментам.

Стало быть, – надо было привезти в столицу ахтарский СОБР.

Задача, как быстро выяснилось, оказалась достаточно выполнимой, благо дело шло не о ком-нибудь, а о племяннике первого зама губернатора и человеке, обеспечивавшем связь между областью и комбинатом.

Прокурор области подмахнул соответствующие ордера в двенадцать дня по московскому времени. Вопрос о перелете согласовали с воинской частью, расположенной в десяти километрах от Ахтарска.

Часть, понятное дело, находилась на содержании у федеральных властей, однако федеральные власти не платили ей вот уже полгода. Предусмотрительный Сляб время от времени подкармливал военных, а главное – те вполне вписались в экономику города, поставляя солдат в качестве дешевой рабочей силы для строительства коттеджей и потихоньку разворовывая оружие и технику со складов. Ссориться с городским ханом им было не с руки.

Командир части почел за честь удовлетворить просьбу Извольского. Правда, оставалась другая проблема, с посадкой самолета, но и она счастливо разрешилась после того, как у командира части в Московском военном округе нашелся приятель.

Вдобавок, строго говоря, завод не делал ничего незаконного. В российской Конституции не написано, что сотрудники МВД из одного региона не могут проводить операции на территории другого региона, более того, там написано прямо обратное, благо федеральная Россия еще едина и неделима и формально на княжества не распалась. Конечно, рекомендуется при этом ставить в известность сотрудников МВД данного региона – но ведь сотрудники были в курсе. Борис Гордон, опер 81-го отделения, которому было поручено дело о пропаже проживающего на его территории бизнесмена Заславского, встречал самолет вместе с Черягой. И ордера с ребятами прилетели, чин по чину, честь по чести – областной прокурор санкционирует обыск в загородной резиденции Александра Лосева, каковой Лосев умыкнул родственника зама губернатора...

Внезапно в кармашке Черяги зазвонил телефон.

– Денис?

Черяга удивленно поднял брови. Это говорил полковник московского РУОПа, тот самый, который объяснял Черяге про внебюджетный фонд.

– Ну?

– Ты не нукай, сибиряк, а слушай. Мы с тобой об одной дачке говорили, так?

– Так.

– Там, на дачке, канализацию строили. Но, что характерно, не достроили. А труба осталась.

– Большая труба?

– Метр диаметр.

– И куда она ведет?

– Чего не знаю, того не знаю.

– И чего ты мне это говоришь?

– Хочу и говорю. Вы, сибиряки, народ изобретательный. Захочешь – спасибо скажешь. На том конце повесили трубку.

– Что такое? – настороженно спросил Алешкин, кивая на телефон.

– Похоже, наш Лось себе, как крот, дырочку наружу прорыл.

– И докуда?

– Не знаю. Там с одной стороны речка, а с другой овраг. Либо к речке, либо к оврагу.

– Ничего, – буркнул Алешкин, – найдем и перекроем.

Через пять минут выгрузка была закончена. На часах было шесть тридцать вечера. Темные джипы, набитые людьми, как початок – зернами, тихо отваливали с летного поля. К Денису подошел низенький, плотный командир местной части.

– Ой ребята, круто-то как, – вполголоса проговорил он, – вам за это втыка не будет?

– Не дрейфь, – сказал Денис, – у нас ордер есть.

Достал из кармана переломленную пополам жидкую пачечку долларов и сунул ее в нагрудный карман офицера. Тот благодарно вспискнул и отвалил куда-то в тень.

Было уже шесть часов вечера, когда черный «БМВ» вора в законе по кличке Коваль въехал в подземный гараж, расположенный под одной из дорогих гостиниц в центре Москвы. Оставив своих охранников в холле, Коваль поднялся на пятый этаж и вскоре вошел в офис, принадлежавший крупной юридической фирме. Там Коваль уже ждали: немногословный человек в темном свитере и запачканных грязью ботинках, по всем приметам – трудяга-охранник, проводил его к угловому кабинету, из которого открывался прекрасный вид на Москву-реку и Кремль.

Хозяина в кабинете не было: вместо него в гостевом кожаном кресле сидел один-единственный человек. Человек был полный и невысокого роста, с простецкой крестьянской физиономией, странно смотревшейся на фоне дорогого галстука и белейшей рубашки, поддетой под пошитый на заказ пиджак. При виде Ковалья человек улыбнулся непосредственно и весело, как Емеля при виде красавицы-щуки, и только глаза человека противоречили этой мужицкой улыбке, а глаза у него были странные. Когда расплавленный алюминий заливают в форму, то сверху формы оказывается ровное жидкое зеркало. Оно светло-серебряного цвета, но не блестящее, а тусклое, словно свалившаяся на мясном бульоне пена. Вот из такого же тускло-жаркого металла и были сделаны глаза человека.

– Что это за история про двести штук? – спросил человек.

– Я тут ни при чем, – сказал Коваль, – парня отдали Лосю. У Лося были инструкции. А он напорол отсебятину.

– Ты нам срываешь оперативную комбинацию. Ты снял с этого дела два лимона. Ты должен был поделиться с Лосем.

– А ты сколько получил? – взорвался Коваль, – пропало-то восемнадцать лимонов! Ты думаешь, твоему начальству понравится, если я скажу, сколько ты в свой карман слил? Под предлогом оперативной комбинации?

Собеседник смотрел все так же равнодушно.

– Вы все – жадные твари, – сказал он, – портите любое дело. Тебя просили две вещи – зачистить Заславского и убрать Черягу. Черяга жив, а по поводу Заславского все на ушах стоят.

– Я не виноват, что Черяга на вертушке прилетел! Камаз его сделает!

– Не надо. Черягу надо было гасить или чисто, или никак. А вот Лося ты убереешь.

Коваль сунул под нос собеседнику фигу.

– Фильтруй базар! Я своих ребят не сдаю! У меня честь есть!

– Раньше надо было думать о чести, Виктор Матвеич. Когда подписку давал стучать на своих.

Человек с водянистыми глазами встал и вышел. Коваль задохнулся в бессильной ярости. Хуже всего было то, что собеседника было совершенно бесполезно убивать. Доказательствами того, что будущий вор в законе Коваль, будучи пойман на «ломке» чеков около «Березки», дал кагэбешникам подписку о сотрудничестве, владел не человек с алюминиевыми глазами. Ими владела *организация*.

Дача Лося стояла очень неудачно, на шоссе у поворота торчал пост ГАИ, чудом сохранившийся после падения советской власти и не мутировавший в придорожный магазинчик или шиномонтаж. И уж коли он сохранился, следовало ожидать, что случилось это не зря и что бдительные гаишники не только тянут дань с дальнобойщиков, но и могут сигнализировать в случае чего на дачу – мол, смотри, на ваш проселок кавалькада джипов свернула...

Поэтому повернули с шоссе на пять километров раньше, попилили бетонкой, а затем лесной раскисшей дорогой. Чтобы перевалить через разобранный железнодорожный переезд, пришлось мостить его досками.

Выстрелами из автомата с глушителем сбили замок на шлагбауме – кто-то рачительный из дачного поселка решил перекрыть лесную дорогу, дабы зря машины не пылили. В составе колонны было шесть джипов и один инкассаторский броневилок. Броневилок, натурально, принадлежал банку «Металлург» и должен был быть использован сугубо не по назначению.

Поздний ноябрьский лес был редкий и мерзлый, сквозь прорезь в облаках выглядывала круглая от любопытства луна, ей с земли подмигивали фары прыгающих по колдобинам машин.

Выехав на проселок за двести метров от дачи, затаились в лесу, так, чтобы их не могли увидеть случайно пролетавшие автомобили, и пошли пешком.

Оба подъезда к даче были блокированы умело и незаметно. Единственными, кто пожелал проехаться по занесенной снегом дачной дороге в эту волчью пору, оказались обитатели большого черного с серебряным оскалом решетки джипа; джип аккуратно остановили и выпотрошили, обитателей уложили лицом в мерзлую грязь раньше, чем они успели похвататься за пушки и мобильные телефоны.

В джипе обнаружилось два незарегистрированных ствола на четырех человек, и задержание, таким образом, оказалось полностью законным. Если бы стволов не случилось, их бы подкинули. Пленников допросили тут же, в ночном лесочке, заведя руки за ствол запорошенной снегом сосны и тыча в зубы «стечкиным». Такой романтический антураж немедленно сделал допрос крайне эффективным: один из пленников, оказавшийся правой рукой Лося, подтвердил, что фраер Николай Заславский по кличке Metallurg с недавних пор прописан в дачном подвальчике, по коридору прямо и последняя дверь направо. И даже уже совсем от себя добавил, что на втором этаже, в спальне Лося, есть сейфик, а в сейфике должна быть куча бабок.

После этого его спросили, куда выходит труба с участка, и он сказал, что к речке, и вызвался показать выход. Алешкин хоть и поверил ему, а все же услужливость бандита пока-

залась ему подозрительной, и командир СОБРа послал еще двоих – к оврагу, огибавшему дачу слева.

Погода для визита оказалась самая неподходящая: днем шел дождь, ночью он превратился в снег, и предварительно раскисшая земля была покрыта миллиметровым белым пушком. Сапоги мгновенно впечатывались в почву, и, что самое неприятное, – за любым человеком оставалась четкая цепочка черных следов на белой земле.

Недочетов в обороне дачи практически не было. Каменная стена, массивные железные ворота и рядом – домик с широкой плоской верандой, по которой прогуливался зевающий автоматчик. Особо стоило отметить, что дорожка от ворот не прямо вела к дому, а огибала две широченные сосны, не потревоженные строителями. Казалось бы – пустячок, но если кто, к примеру, саданет в ворота из гранатомета или попытается проехать в них иным нелегальным способом, то рискует либо впилиться в дерево, либо потерять скорость на объезде. Чувствовалось, что у Шуры Лося есть целая куча недоброжелателей, и квалификация у этих недоброжелателей куда повыше, чем у пенсионеров, вкладывавших деньги в концерн «Гималаи», каковой концерн на начальный капитал Шуры Лося и был организован.

Впрочем, один изъян в обороне все же был. Увешав телекамерами периметр, бандиты почему-то не включили в сферу своего внимания соседнюю дачу, и этим воспользовались вооруженные люди в камуфляже.

Дача была пустой и летней, и с ее чердака превосходно просматривалась часть двора с черным «БМВ» у массивного каменного крыльца. Двор был ярко освещен, равно как и десятиметровая полоса перед воротами, и Черяга с Алешкиным, глядя с чердака, могли оценить силы противника в десять-двенадцать человек. Двое стояли во дворе у «БМВ» и о чем-то беседовали, двое, насколько можно было видеть, без толку топтались на террасе караульного домика, а силуэты остальных вырисовывались на подернутых занавеской окнах гостиной. Силуэты выламывались, кто-то распахнул окно, и порыв ветра донес до Черяги с Алешкиным взрыв пьяного смеха и перекрывающий его грохот музыки.

– Плохо, – сказал Алешкин, – набрались крепко.

– Чего же плохого? Хуже стрелять будут, если что.

– Плохо, потому что ничего не соображают. Пьяному и море по колено, и СОБР не противник. Еще пригрезится, что конкуренты наехали...

Двое во дворе шевельнулись, блеснул красный огонек папиросы.

– А эти не пьяные, – сказал Черяга.

– Да. Крутые ребята. И стойка военная, не блатная.

В доме открылась дверь, и на морозец вышел среднего роста парень с плавными, чуть замедленными от попойки движениями, в распахнутой кожаной куртке, накинутой поверх тренировочного костюма. В руках у парня была узкая, видимо коньячная, бутылка. По фотографии, добытой Гордоном, Черяга узнал Александра Лосева.

Лось подошел к двоим во дворе, покровительственно похлопал крайнего по плечу. Бутылка перекечевала из рук в руки. Потом Лось достал из кармана что-то, кажется, деньги, и положил их в руку одного из собеседников. Жест ужасно напоминал тот, который Денис сам проделал полтора часа назад.

Послышалось урчанье мотора, и перед воротами дачи остановился здоровенный, как катафалк, «Шевроле таха». Собровцы, выпотрошив один внедорожник, видимо решили не трогать вторую машину – новой информации они уже не могли получить.

Ворота раскрылись, «Шевроле» въехал на грунтовую площадку рядом с «БМВ-семеркой», и силуэт показавшегося из него человека, раз увидев, ни с кем спутать было невозможно. Денис толкнул командира СОБРа под локоть.

– Хочешь полюбоваться на парня, который вчера стрелку вертушке забил?

– Это вон тот шкафастый?

Черяга кивнул. Камаз, в шестидесяти метрах от него, ткнул Лося в грудь и что-то спросил. Лось засмеялся и хлопнул по плечу одного из своих собеседников. В круг света выбежала собака, крупная восточноевропейская овчарка. Завертела головой, принюхиваясь, но не залаяла. Черяга с Алешкиным были не слишком далеко, но дачка стояла с подветренной стороны.

– Чего это они внутрь не идут? – подозрительно спросил Алешкин.

Вася Демин и Сережа Митягин, бойцы отряда специального назначения «Уран», подчиненного УИН ГУВД города Москвы, курили у черного блестящего «БМВ», стоявшего за железными воротами дачи.

Дачка была та еще: бетонный забор в три метра, камера над воротами, и тут же – деревянный караульный домик, по балкону которого деловито вышагивал парнишка в камуфляже и с автоматом.

Вася с Сережей находились на даче по самой что ни на есть законной причине: после возвращения из Чечни бойцы получили возможность подрабатывать в коммерческих структурах в свободное от работы время, и начальник отряда при посредничестве управления вневедомственной охраны заключил договора с несколькими фирмами. Последний договор был заключен буквально неделю назад. Согласно ему, бойцы должны были охранять офис некоего ООО «Симаргл», принадлежавшего бизнесмену Александру Лосеву. Правда, в самом ООО «Симаргл» Васе с Сережей побывать не довелось, вместо этого они постоянно сопровождали самого Лосева.

Лосев ездил часто и помногу, с дачи – в казино «Серенада», от «Серенады» в гостиницу «Лада», из гостиницы еще в кучу фирм и компаний, в основном расположенных на юго-западе Москвы. В фирмах и фирмочках Васю с Сережей принимали с почтением, в «Серенаде» крепкие ребята обнимали бизнесмена и кричали: «Лось приехал!» – а на спецназовцев косились и откровенно скалили зубы.

Лось держал ребят на отдалении: выделил им «девятку» цвета мокрый асфальт, на которой они приезжали утром на дачу и вечером отправлялись домой, и часто просил вылезти из машины, когда ему звонили.

Если первые пару дней ребята еще могли хитрить с собой, то спустя неделю притворяться было невозможно. Вася и Сережа ясно видели, что охраняют они никакого не бизнесмена, которому ставит крышу УИН, а самого настоящего крутого авторитета, из спортсменов, и сколько денег отвалили начальству за такую крышу – это ж страшно представить!

Вася с Сережей относились к происходящему по-разному. Васе было слегка противно и страшно, он был ментом, как и его отец и дядя, и он трижды участвовал в подавлении бунтов в колониях: бессмысленных, жестоких бунтов с захватом заложников, с пьяными, плохо соображающими зэками, которые шли прямо на выстрелы и продолжали идти, когда очередь вырывала из их клифтов клочья полусгнившей ваты пополам с мясом и кровью.

Однажды молодой зэчара, смиренно лежавший в грязи с руками на затылке, вскинулся, когда Вася наклонился его обыскать, и обеими руками глубоко всадил в живот Васе заточку. Зэка тут же разорвало на куски выстрелами, Вася рухнул рядом, судорожно зажимая живот, и две недели валялся между жизнью и смертью.

Ненависть к зэкам сидела в Васе очень глубоко, и хотя Александр Лосев на черном блестящем «БМВ» ничем не напоминал сумасшедшего зэчару, Вася очень хорошо понимал, что если не сам Лосев, то его мелкая свита может с легкостью оказаться в местах не столь отдаленных. А между тем было ясно, что охрана – это только первый этап. Либо Лось не доверяет кому-то в своей бригаде, либо явно решил расшириться – а за чей счет, как не за счет нищих и великолепно обученных спецназовцев? Рано или поздно от Лося должно было поступить предложение, не входящее в рамки охраны. Отказаться – значило почти наверняка с треском вылететь из спецназа. Согласиться – значило заняться самой настоящей уголовщиной, такой, которая как раз и приводит за страшную колючую проволоку, где бритыми зэками в вытертых

бушлатах помыкают менты, кумы и безжалостные люди с синими куполами, выколотыми на волосатой груди. Это Лось не попадет за решетку, отмажется. А он, Вася, – ментяра, его сдадут первым.

Сережа мыслил совершенно по-другому. Он пришел в отряд позже, колоний не видел, зато шесть месяцев провел в Чечне. Три или четыре раза он чудом оставался жив, однажды, ввалившись в село, голодные и уставшие, они увидели привязанную к забору маленькую горную коровку, которая жалобно мычала – вымя ее было переполнено молоком. Сереже велели взять ведро и подоить корову, но пока он искал ведро, к корове бросился пацан из другого взвода, и тут же и корова, и пацан взлетели на воздух. Про пацана потом говорили, что он остался жив, но потерял обе руки и ногу, и Сереже долго снилось, что он отыскал ведро допрежь пацана.

Сережа вернулся из Чечни с дикой верой в собственную удачу и с отчаянной жаждой жизни, а хорошая жизнь в воображении Сережи выглядела очень просто: классная жратва, красивые телки, машина «Мерседес» и много-много бабок. Служба в спецназе не могла дать ни «Мерседеса», ни бабок – в бизнесмене Александре Лосеве Сережа видел человека, который мог продать ему билет в рай.

Поэтому, когда сегодня утром Лось спросил Серегу, как дела, тот долго жаловался на задержанную в прошлом месяце зарплату и собачью жизнь и в конце концов просто сказал:

– Ты бы нам чего подкинул.

Лось поглядел на него пристально.

– Я твоему начальству деньги плачу, – сказал Лось. Но интонация у него была какая-то задумчивая.

Спустя пять минут машина подъехала к офису ООО «Снежинка». В офис Лось зашел вместе с охранниками и ждал минут пять, пока в дверях не появился улыбчивый и круглый, как баранка, армянин. Армянин увел Лосю в глубь кабинета, но сидели они там недолго. Лось вышел минут через пятнадцать, явно расстроенный, сел в машину и буркнул:

– Поехали!

– Случилось чего? – спросил Сережа.

– Козел черножопый... – неопределенно пробормотал Лось.

– А чего он сделал?

Лось не ответил, и они поехали в оздоровительный центр. Вопреки прежним разам, Лось пригласил охранников с собой: они позанимались на тренажерах. Лось был в хорошей спортивной форме, разве что чуть полноват, однако явно уступал обоим молодым спецназовцам. На тренажерах это было еще не так заметно, но потом Лось затеял спарринги, и Вася тут же сбил его на татами.

От поединка с Сережей Вася Лосю пытался отговорить, но тот был мужик упорный и в результате получил такой удар, что две минуты сидел в углу, разевая рот, как выброшенный из воды карп. Сережа, на татами, подпрыгивал и кричал что-то веселое.

– Что это с ним? – тяжело спросил Лось, пока Вася помогал ему встать.

– Чечня, – ответил Вася, – он, когда дерется, мозги в камеру хранения сдает.

Вопреки ожиданиям, Лось не взбесился оттого, что его побили, и Сережу не выгнал, а скорее остался доволен. В спортзале они провели не больше часа, ополоснулись и поехали в «Серенаду».

У метро Лось остановил машину, вынул из бумажника пятисотенную и велел купить сигарет. Сережа вернулся с пачкой «мальборо» и протянул обратно сдачу.

– Оставь себе, – сказал Лось.

– Разве это бабки? – усмехнулся Сережа.

– Разве ж это работа? – возразил Лось, пристально глядя на мента.

– А что работа? – спросил Сережа.

– Видел того хачика, с которым я в «Снежинке» разговаривал?

– Ну.

– Он хороших людей на сто штук нагрел. Надо бы с ним поговорить. Только не в «Снежинке», а где-нибудь поспокойней.

Лось вынул из кармана зажигалку в виде револьверчика, неторопливо закурил сигарету.

– Вы бы мне его на дачу завезли, – сказал Лось, – вам бы процент с тех бабок упал...

«БМВ» плавно вкатился на служебную стоянку «Серенады». Лось сделал ручкой и пропал в стеклянном подъезде.

Сережа пересел на водительское место и решительно завел машину.

– Ты куда? – спросил Вася.

– Не слышал, что нам сказали? Бизнесмена надо добыть...

– Совсем охренел? Знаешь, как это называется?

Сережа обернулся. Глаза его горели нехорошим огнем.

– Это бабки называется, понял? – сказал он. – Тебе еще не надоело в конуре жить? Наш шеф послал бандита охранять, сам за это бабки гребет, а мы что имеем? Сдачу с сигарет?

– А зачем мы ему? – спросил Вася, – у него что, своих кадров мало? Вмиг этого порося ему притаранят, только мигни. Он нас подставить хочет, не въехал?

– На фиг ему нас подставлять?

– А на фиг ему менты?

– Дурак, он расширяться хочет.

– Да у него десять пацанов в бригаде...

– А ты видел, какие это пацаны? Он их одной левой уроет, а мы – одной левой его. Они здесь пальцы веером делали, а мы в Чечне чуть не сдохли. Мы перед ними – как иномарка «Мерседес» перед иномаркой «Запорожец»!

Вася заколебался.

Через двадцать минут «БМВ» тихо вползла под «кирпич» и остановилась в одном из спокойных московских переулков неподалеку от Нового Арбата. Дом, в котором помещалось ООО «Снежинка», находился метрах в пятнадцати впереди, подъезд прекрасно просматривался.

Все было тихо. Прямо над блестящим капотом «БМВ» висел красивый плакат с рекламой итальянской обуви, и полураздетая девица с плаката задушевно улыбалась Сереге, так, словно готова была спуститься вниз по первому знаку мента и сделать ему минет.

Серега мало представлял, что они будут делать дальше. Будучи человеком не особенно умным, он даже не понимал, насколько глупо было возвращаться к фирме в приметной дорогой «БМВ». В отличие от него, Вася смотрел на ситуацию несколько более трезво.

– Ты бы хоть тачку взял другую, – заметил он, – нас же засекут, как пить дать.

– А что мы такого делаем? – возмутился Сергей, – человека хотят видеть для беседы. Мы привозим его для беседы...

Он не успел закончить свое рассуждение: дверь офиса открылась, и из нее показались двое: давешний бизнесмен и его «личка» – молодой, довольный собой и зарплатой парень.

– Ого, – сказал Сергей, – отъезжают...

Но армянин никуда не отъехал. На свою беду, бизнесмен с охранником шагали пешком, – и путь их пролегал как раз мимо застывшего у обочины «БМВ». Вася вспомнил, что в двадцати метрах за «БМВ» вроде бы был небольшой ресторанчик – наверняка хачик направлялся именно туда.

– Вылезаем, – скомандовал Сергей.

Вася хотел было остановить его. То, что они делали, было безумием – без подготовки, без разведки, в люксовой машине, на глазах прохожих и охранника они...

Времени на размышления не оставалось. Сергей уже распахнул переднюю дверцу, и в этот самый момент охранник с бизнесменом поравнялись с «БМВ».

– Простите пожалуйста, – сказал Сергей, – а где тут дом номер тринадцать?

Армянин надменно повернулся к спрашивающему. Охранник приостановился, реагируя на опасность, рука автоматически потянулась к припухлости под хорошо пошитым пиджаком. Сергей вырубил его молниеносно – со всей сноровкой, приобретенной в Чечне. Охранник осел на землю, как проколотый воздушный шарик.

Вася выскочил из задней дверцы, как чертик из табакерки, швырнул бизнесмена в машину. Завизжали покрышки, – «БМВ» сорвалась с места и через мгновение исчезла за поворотом.

– А-а, – завизжал было нечленораздельно хачик...

Вася молча ткнул ему в бок табельный ствол.

– Сиди тихо, целее будешь, падла, – с нежностью прошептал он.

Сергей взял трубку (машина была радиофицирована) и набрал сотовый номер Лося.

– Александр Спиридоныч? – сказал он, – это Серега. Мы тут тебе игрушку купили, какую заказывал. Куда ее подогнать?

В трубке несколько мгновений озадаченно молчали.

– Езжай ко мне на дачу, – ответил Лось.

Доехали без приключений. Ни одна патрульная машина не погналась за «бимером», ни один гаишник не вздумал срубить капусты с богатой тачки. Необыкновенная легкость сделанного ударила Сереге в голову; все было так же, как в Чечне. Вместо бронетранспортеров были «БМВ», вместо чеченов – хачик. Закона не было, законом были ловкость и ствол. И даже хачик сидел притихший, подавленный и скулил, как побитая собака.

Когда «БМВ» подъехала к даче, их уже ждали. Ворота немедленно попозли в сторону, к подлетевшей к крыльцу «БМВ» подбежал Лось.

– Отпустите меня! – не к месту взмолился хачик, когда его выволокли из машины, но тут на пленника налетел Сергей, саданул в промежность носком ботинка, а когда человек повалился на землю, принялся его избивать.

– Падлы! На нашу землю! Да в нашей Москве! – орал Сергей.

Его еле оттащили.

– Это что с ним такое? – спросил Лось.

– Чечня, – коротко, как в спортзале, повторил Вася.

Лось ушел куда-то в дом, за ним поволокли бизнесмена, а Сережка с Васей остались снаряджи. Их обступили несколько крепких ребят, хлопали по плечам, потом увели в караульный домик пить водку. Через час в домик явился улыбающийся Лось.

– Ну вы даете, ребята, – сказал он, – кто ж так делает! Очертя голову, на приметной тачке. А если бы охранник ментам настучал?

Но вид у Лося был довольный.

– А он настучал?

– Не успел, – объяснил авторитет, – они там как раз сидели в офисе и соображали, звать ментов или нет, а тут им Гарегин позвонил и очень убедительно просил никуда не стучать...

– Нам, наверное, домой пора? – спросил Вася. На улице уже как следует стемнело, дневной холодный дождик превратился в снег.

– Не торопись! – хлопнул Лось Васю по плечу.

Теперь Сережка с Васей курили в темном дворе, рядом с «БМВ», и обсуждали сложившееся положение. Для Сережи главный вопрос был прост, как рецепт пшенной каши:

– Вот интересно, нам бабки выдадут или только «спасибо» скажут?

– Не знаю, – мрачно ответил Вася.

– Хорошо, если бабки выдадут.

– Это сейчас хорошо, – сказал Вася, – а когда в зоне будешь сидеть, мало не покажется.

– За что сидеть-то? – удивился Сергей. – Что мы такого сделали? Человек задолжал – задолжал. Долги платить надо? Надо...

– Ага, – сказал Вася, – а если нас бить его позовут?

– Не позовут, – успокоительно сказал Сергей, – ты что, не заметил – его увезли.

– Как увезли?

– А так, я глядел: как мы приехали, минут через двадцать вышли из дома двое, человека меж собой несут, положили человека в багажник и повезли.

Вася видел, как от дома отъезжала серая «Волга», но чтобы в нее кого-то клали, не видел.

– Все равно, – тихо сказал Вася, – зачем мы ему, а? У него своих бойцов до черта.

– У него бойцы лавочников давили, а мы Чечню прошли. Вон, ты посмотри, как караулят? Разве так караулят?

И Серега ткнул рукой вверх.

Действительно, в караульном домике у ворот стояли двое, оба вооруженные автоматами. Несмотря на пятнистый камуфляж и хищно поблескивающие рыльца АК-74, ребята держались довольно мирно: стояли, подпирая собой стенку, и курили.

Видимо, автомат казался им чем-то вроде ксивы, обеспечивающей бесплатный проезд в троллейбусе. Подобно щуке, которая может считаться хищной рыбой только в той воде, где нет акулы, они были хищниками – но только среди ларечников, бизнесменов и прочего мирного подшефного населения. И мысль о том, что на человека с автоматом может кто-то полезть, подсознательно казалась им смешной. Так торговец со страховкой не может думать, что пожар нанесет складу ущерб.

Дверь дачи растворилась, и на воздухе появился сам Лось. Он был самую малость пьян, наверное, не столько от спиртного, сколько от допроса, и глаза его весело блестели в свете фонарей.

Александр Лосев был красивый мужик, слегка располневший от сытой жизни, но по-прежнему быстрый и ловкий, с правильными чертами лица и длинными черными кудрями. В руке у него была бутылка с хорошим марочным коньяком, и эту бутылку он первым делом протянул ребятам. Сережка сделал глоток и поморщился. Это что, Лось от него глотком коньяка хочет откупиться? Но тут Лось вытащил из кармана перетянутую резинкой пачку долларов и приятельским жестом сунул ее Васе:

– Натё, ребятки, разделите по-братски.

Серега замер, взглядом оценивая деньги. Пачка, по правде говоря, была совсем не толстая, но зато в ней были сотенные. «По пятьсот на брата», – прикинул Серега, – «или по семьсот». Его немного оскорбило, что деньги Лось дал Васке, хотя главным во всей истории был он, Сергей.

Лось еще чего-то хотел сказать, но тут охранники наверху караульного домика оживились, ворота отошли в сторону, и на площадку, где Лось беседовал со спецназовцами, въехал здоровенный, что твой автобус, внедорожник. Человека, вышедшего из него, Вася с Сережей никогда не видели, но по манере Лося поняли, что человек этот хотя и заслуженный, но не больше самого Лося.

– Базар есть, – негромко сказал человек, и отошел с Лосем в сторону. Вася вытянул голову, прислушиваясь, потому что разговор между собеседниками, видимо, шел важный, но они говорили тихо, а потом Лось вынул из кармана мобильник и стал было набирать номер, но вдруг широко улыбнулся и хлопнул водителя «шевроле» по плечу.

– Не бзди, Камаз! – громко сказал Лось, – все будет путем.

После этого оба бандита (а что второй был тоже бандит, было яснее ясного, морда у него была соответствующая и габариты знатные) повернулись и пошли обратно к воротам, и Камаз что-то вполголоса спросил у Лося, показывая на Васю с Сережей, а Лось ему так же вполголоса ответил.

Камаз, видимо, заинтересовался, потому что вместо того, чтобы свернуть к дому, подошел к Сереже с Васей и, пристально оглядев их маленькими глазками (взгляд у этих глазок был живой и на удивление пронизательный), спросил:

– Как дачка, служивые? Нравится?

– Не очень, – сказал Сережа.

– А что ж не нравится?

– А то, что охранники у вас ворон считают, – усмехнулся Сергей. – Если бы мы так в Чечне охранялись, нас бы вырезали давно на...

– А чего у нас не так делается? – недовольно спросил Лось.

– Во-первых, прожектор. Он у вас стоит, чтобы светло по двору было бегать, а прожектор не двор, а периметр должен освещать. Во-вторых, где охранники стоят? Они же на фиг за ворота не смотрят, у них автомат вместо брызгалки. А если кто на соседней даче сидит?

– А ну покажь, – не понял Лось.

Все четверо взошли на площадку, опоясывавшую караульный домик. Бойцы обернулись на них. Серега был очень горд, что чувствует себя в центре внимания. Он забрал у охранника автомат и ткнул дулом в направлении соседней дачки.

– Видишь левый участок? – сказал Серега, – он вообще, считай, не просматривается. А если там кто засел? Я бы, если бы меня дачку вашу послали осмотреть, как раз чердачок и обжил бы...

Лось хмыкнул. Чердачок был тих и пустынен, никто на участке не двигался: только белели в темноте посыпанные снегом остатки картофельной ботвы, да чертежным рисунком возвышался алюминиевый остов теплицы.

– Или вот опять же лес, – сказал Сережа, – видишь вон тот дуб на опушке? С этого дуба вся дача просматривается. Васька, разверни прожектор.

Все следующее произошло в одно мгновение.

Васька, недолго думая, крутанул тяжелый выпуклый глаз прожектора. Верхушку дуба залило светом. Прибор ночного видения, который держал в руках сержант Иванько, ведущий наблюдение с дуба, мгновенно вышел из строя. Серега единственный увидел блеск линз и мелькнувшую меж веток тень.

Сергей вскинул автомат.

– Ты что? – удивился Вася.

Раздалась сухая короткая очередь. В ветвях дуба что-то шумно всхрипнуло, с тридцатиметровой высоты на землю, ломая ветки, полетел человек.

И тут же бесшумно шелкнувшая пуля, прилетев с чердака соседней дачи, ударила Сережку в грудь.

– Нас обнаружили, – сказал Алешкин в рацию, – начали!

Лось увидел, как над бетонной стеной, отгораживающей особняк от соседней дачки, как по волшебству возникли темные фигуры. Мигнуло и погасло изображение дороги на экране, стоявшем в караульном домике, и тут же из леса выскочили четыре неясных силуэта в камуфляже. Они не стали тратить времени на открывание ворот, – о бетонные наверху стены царапнули ловко брошенные кошки, силуэты в мгновение ока оказались поверх стены. На секунду в лучах прожектора на рукаве одного из них сверкнула круглая эмблема – золотистый олень на черном фоне. Что за картинка, на фиг? Олень против Лося...

Откуда-то гаркнул голос:

– Всем бросить оружие! РУОП!

Лось попятился. Этого не могло быть! Он совершенно точно знал, что этого не могло быть! Не далее как два часа назад совершенно надежный человек снова перезвонил ему и уже подробно рассказал, как начальник секьюрити с ахтарского меткомбината приходил в РУОП

и просил посодействовать против долголаптевских... И хотя начальник не знал всех тонких раскладов, – эти пробитые менты попросили за содействие бабки, и начальник – не заплатил!

Лось колебался доли мгновения. РУОП или не РУОП? Если РУОП, тогда надо падать задницей кверху и молиться, дабы поскорее потерять сознание. Если не РУОП – то кто? Старые грехи? Тогда – ему конец. Налетят, ребят положат на землю, а самого вывезут в ближайший лесок и там же без затей шлепнут. Тогда – надо кричать, чтобы отстреливались, и пытаться уходить, это один шанс из тысячи, но так и этого шанса нет...

РУОП или не РУОП?

Краем глаза Лось заметил, как рядом с ним ошалевший, полупьяный Мишка Байбак разворачивает «калашников». Спецназовец Вася, словно парализованный, ничего не видел и не слышал. Он лежал, обхватив упавшего товарища, и тупо повторял:

– Серера! Серера!

Каким-то чудом Вася разглядел движение автомата над головой. Он выбросил ногу, не глядя, Мишка Байбак подломился и грохнулся спиной о доски, очередь бесполезно ушла к звездам и заснеженным верхушкам елей. К забору гигантскими прыжками мчались овчарки.

– Рвем когти, – закричал Лось Камазу.

Оба бандита нырнули в караульную комнатку и ссыпались вниз по лестнице, в темный, освещенный сорокаваттной лампочкой гараж. Там, близ полка с инструментами, темнел вделанный в пол канализационный люк. Канализацию эту сначала копали на самом деле, намереваясь проложить трубу на несколько десятков метров, до ручья, протекавшего в лощине, но потом местные власти заартачились, оказалось, что ручей какой-то особо чистый, а главное – Лось сам полюбил этот овраг и приспособился гулять в нем с собакой. Вместо канализации сделали отстойник, а широкую трубу, чтобы добро не пропадало, приспособили под подземный ход. В трубу врезались три люка – в самом доме, в караульном домике и в глубине участка.

Лось бросился к люку и громко выругался: посередине гаража, закатившись одним колесом на возделенную крышку, стоял тупорылый синий «Рейнджровер» и пялился на Лося квадратными мертвыми фарами. Где могли быть ключи от этой посуды, Лось не имел представления.

– Убери тачку! – скомандовал он Камазу.

Сверху уже неслись матюки и звучные удары, кто-то заорал не своим голосом. Лось накинул стальной засов на дверь, ведущую в гараж.

Камаз неторопливо подошел к внедорожнику, уперся пятками в стену, растопырился – и синий «Рейнджровер» легко, словно взятый на буксир тягачом, скатился с люка. Камаз играючи подцепил крышку.

Лось нырнул внутрь. Камаз хотел было последовать за ним, но сообразил, что лаз для него явно тесноват. «Застряну», – пронеслось в голове.

В следующую секунду дверь в гараж вздрогнула от удара, и тут же раздалась автоматная очередь, кучно бившая по запору. Камаз бросился за «Рейнджровер». Стальной засов в мгновение ока был перешиблен, в гараж влетели трое пятнистых, как крокодилы, парней. Они в мгновение ока оценили обстановку, сообразив все и про раскрытый люк, и про слишком крупногабаритного парня, прячущегося за дорогой тачкой. Один собровец бросился к люку, другой заорал, распялив глотку:

– Руки! Руки на капот!

Камаз положил руки на заднее стекло внедорожника, потом примерился и толкнул. Тяжелая машина нехотя сдвинулась с места. Прежде, чем собровцы сумели сообразить, что происходит, правое переднее колесо въехало в раскрытый люк. Машина с грохотом осела, ударившись рычагом подвески о бетонный пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.